

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

4(102)

Выходит 4 раз в год. Год издания 17-й

Октябрь–декабрь 2009

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по каталогу
ОАО «Роспечать»
«Газеты. Журналы»
83193

По Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	3, 37, 49, 68
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ	
Николай ПЕТРОВ. Политическая механика российской власти: субституты против институтов	5
Александр КЫНЕВ. Особенности межпартийной борьбы в российских регионах: борьба групп влияния и имитация партийности	24
Эмиль ПАИН. Политический режим в России 2000-х гг.: особенности наследственные и приобретенные	38
Татьяна ВОРОЖЕЙКИНА. Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия	50
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА	
Марина КРАСИЛЬНИКОВА. Население в кризисе: отложенные уроки	69
Наталья БОНДАРЕНКО. Работодатели и работники в условиях кризиса	78
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ	
Алексей ЛАСТОВСКИЙ. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой	88
ИЗ НЕДАВНЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	
Борис ДУБИН. Позднесоветское общество в социологии Юрия Левады 1970-х годов	100
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Людмила ПРИМАКО. Конференция Левада-Центра	107
Ирина ТРОЦУК. Путеводитель по современному интеллектуальному пространству	110
Авторы номера	115
SUMMARY	116
Список статей, опубликованных в 2009 году	118

Ответственный редактор
выпуска *Б.В. Дубин*

Редактор, корректор
О.А. Афанасьева

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

4(102)

Quarterly

October–December 2009

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

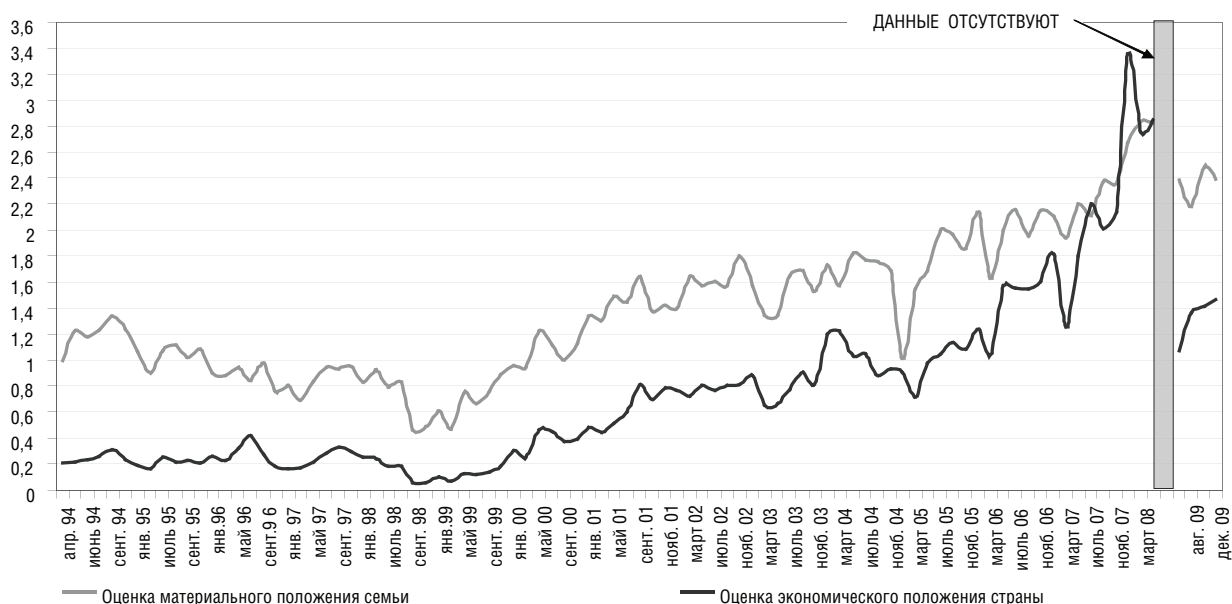
Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Boris Dubin
(Deputy Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3, 37, 49, 68
PROBLEMS OF RUSSIAN SOCIETY AND OBJECTIVES OF RESEARCH	
Political Mechanics of the Russian Power (by Nikolai Petrov)	5
Peculiarities of Inter-Parties Struggle in Russian Regions (by Alexandre Kynev)	24
Political Regime in Russia of the 2000-s (by Emile Payin)	38
Authoritarian Regimes of the XX-th Century and Russia (by Tatyana Vorozheikina).	50
Population in Crisis: Put off Lessons (by Marina Krasilnikova)	69
Employers and Employees under the Crisis (by Natalya Bondarenko)	78
Particular Features of Historical Memory in Belarus (by Alexey Lastovsky)	88
FROM RECENT HISTORY OF THE RUSSIAN SOCIOLOGY	
Late Soviet Society in Yury Levada's Sociology of the 1970-s (by Boris Dubin).	100
SCIENTIFIC LIFE	
Levada Center Conference 2009 (by Ludmila Primako)	107
Guide for Intellectual Space (by Irina Trotsuk)	110
Autors of the issue	115
SUMMARY	116
LIST OF PUBLICATIONS. 2009	118

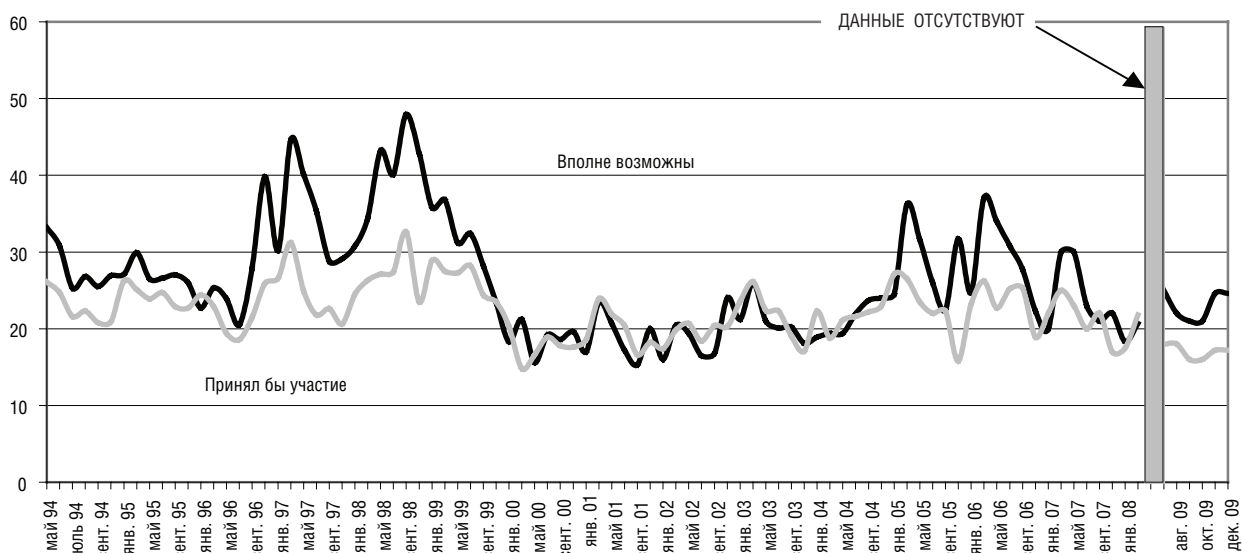
МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ

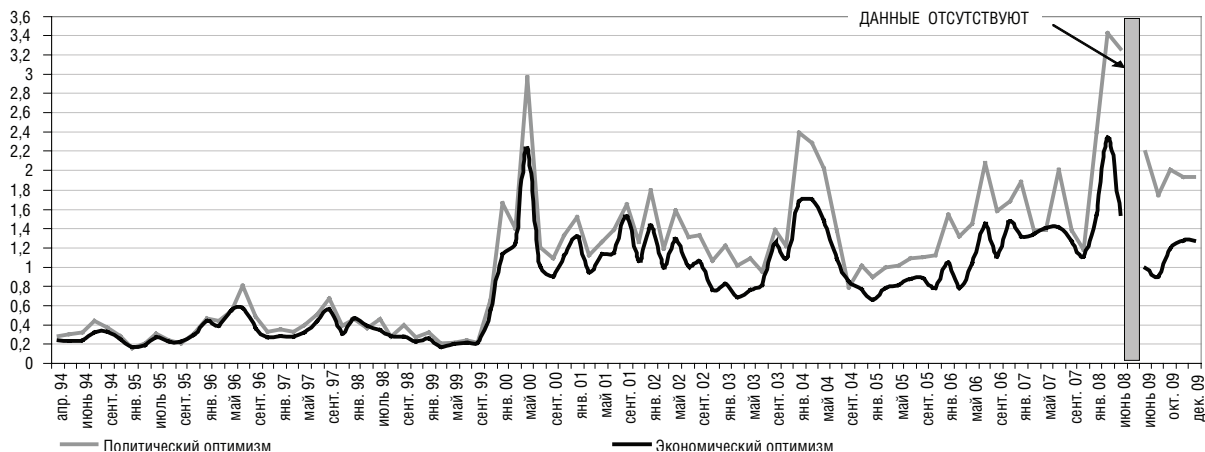
До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

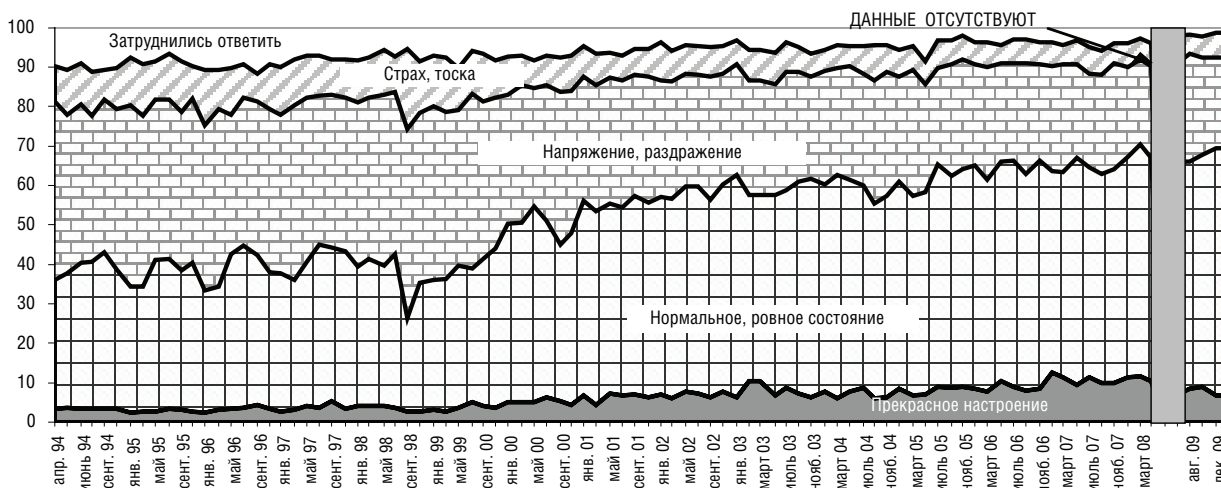

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

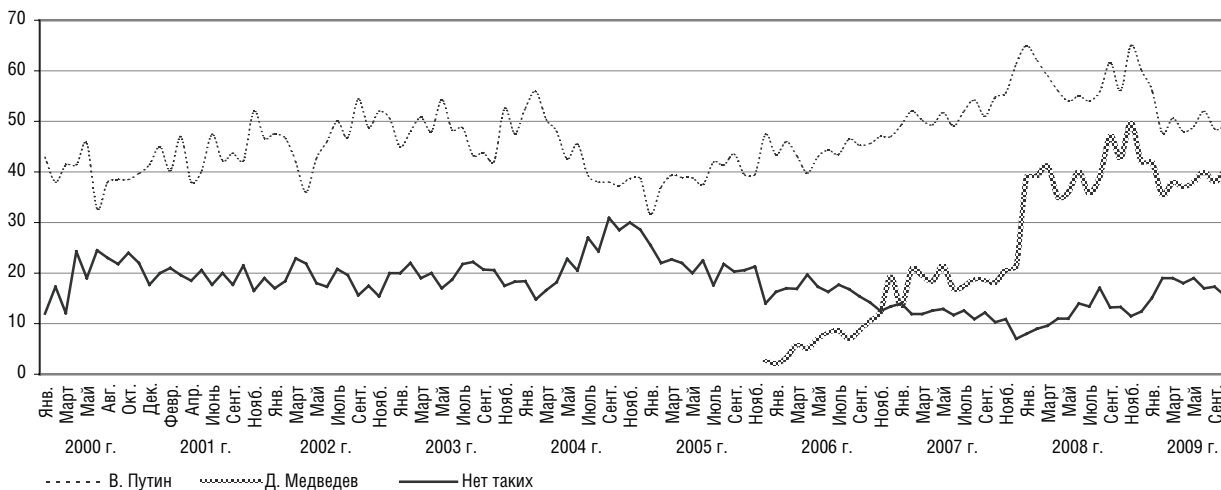
3. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

4. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

4а. Доверие к Д. Медведеву и В. Путину (в % от числа опрошенных)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ

Николай Петров

Политическая механика российской власти: субституты против институтов

В 2009 г. страна вступила в полосу крупных аварий и техногенных катастроф: авария на Саяно-Шушенской ГЭС в августе, пожар на военных складах в Ульяновске и крушение «Невского экспресса» в ноябре, жуткий пожар в Перми в начале декабря. Каждый из этих случаев в отдельности может быть объяснен трагическим стечением обстоятельств, промахами в том или ином ведомстве, персональным фактором и др. Все вместе, однако, они складываются в мрачную картину лавинообразных системных сбоев и дисфункций, разлада системы управления в самых разных местах. Важно подчеркнуть, что это не просто результат обветшания советской технической инфраструктуры, это эффект деградации системы управления. Не хочется пророчить, но «тонких мест», где может порваться, связанных и с коммунальной инфраструктурой, и с изношенным промышленным оборудованием, и с транспортным сообщением и т. д., у нас много, а продолжающийся экономический кризис создает плохой фон, и психологический, и финансовый, чтобы рассчитывать, будто как-нибудь пронесет. А пронесет сегодня — не пронесет завтра, ведь проблемы никуда не деваются, они только накапливаются. Как и в отношении Северного Кавказа, речь идет о накопившихся серьезных системных проблемах, масштабы которых на порядок превышают любые возможности оперативного вмешательства.

Из обширного ряда проблем я остановлюсь на управленческих — на технологии власти. Без их решения невозможно не то что движение вперед, модернизация в любом ее виде, но даже стояние на месте. Я попробую подступиться к анализу нашей политической системы и ее эволюции с позиций подхода, который мы с кол-

легами развиваем в рамках исследовательского проекта «Сверхуправляемая демократия в России и ее перспективы».

Сверхуправляемая демократия. Систему государственного управления, которая сложилась в России за время правления президента Путина, можно определить как *сверхуправляемую демократию* (СУД). Термин СУД в данном случае не означает, что нынешняя модель является демократической в своей основе. «Демократия» здесь скорее указание на генезис, отсылка к протодемократии времен Бориса Ельцина, эволюционировавшей позднее в сторону «управляемой демократии», высшей и последней стадией которой и является СУД. Систему СУД раздирают внутренние противоречия, она не способна к воспроизводству. Она неустойчива и носит переходный характер. Это скорее развилка, и системе суждено либо продолжить сползание в авторитаризм, либо повернуть назад к демократии. Второй вариант представляется не только более предпочтительным, но и более вероятным. Поэтому сам термин «сверхуправляемая демократия» подчеркивает как попытку чрезмерно жесткого и централизованного — сверх пределов разумного и эффективного¹ — управления сегодня, так и уверенность в том, что на следующем этапе демократизация неизбежна.

Построенная В. Путиным политическая система логически вытекает из ельцинской и справедливо рассматривается многими экспертами как реализованная и доведенная до

¹ Заметим, что такого рода попытки могут быть совсем не безобидны. Вместо повышения контролируемости они могут привести к полной ее утрате, как это произошло, к примеру, на украинских президентских выборах в 2004 г.

логического конца конструкция, контуры которой, равно как и планы отдельных частей и механизмов, можно найти в разработках президентской администрации Б. Ельцина.

Другое дело, что это а) реализация лишь одной из систем трендов, накопленных во времена Б. Ельцина, при подавлении остальных и изменении общего их баланса¹; б) картина, несущая серьезный отпечаток профессионального опыта и навыков создателей, костяк которых составили выходцы из спецслужб и юридических управлений регионального уровня².

Есть большое число работ, где выстроенная при В. Путине политическая система критикуется с идеологических позиций: за недемократичность, недостаточный учет и согласование интересов крупных элитных групп и социальных слоев, чрезмерную роль бюрократии³. При этом сама система рассматривается обычно как черный ящик, без анализа ее внутреннего устройства, сочетаемости отдельных блоков, их способности к скоординированным действиям, механизмов принятия решений и др. Есть и работы, в которых дается детальный анализ отдельных составляющих системы: парламентаризма, выборов, других институтов, элит/кадров и т. д.⁴ При всей полезности подобного анализа и сопоставления с другими странами представляется, что при таком подходе отдельные части заслоняют целое. Система же в целом оказывается хуже, чем отдельные ее элементы и механизмы, чем составляющие ее блоки и работающие в ней люди...

¹ Важно также отметить реактивный характер многих преобразований путинского времени и, в первую очередь, линии на резкое усиление Центра в отношениях с регионами как ответ на «региональную вольницу» конца 1990-х гг.

² К особенностям менталитета команды «новых управленцев», не имевших в большинстве своем опыта ни публичной политики, ни работы на федеральном уровне, можно отнести привычку к жестким субординационным схемам, закрытость процесса принятия решений и атмосферу недоверия даже внутри ведомств, безапелляционность заявлений, безальтернативность решений и фигур, общую тягу к упрощенным решениям и схемам.

³ См., например: Пути российского посткоммунизма / Под ред. М. Липман, А. Рябова. М.: Изд-во Р. Элинина, 2007; *Shevtsova L. Putin's Russia*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005; *After Putin's Russia: past Imperfect, Future Uncertain*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2010.

⁴ См.: *Голосов Г.В.* Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006; Третий электоральный цикл в России, 2003–2004 годы / Под ред. В.Я. Гельмана. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007; Ежегодный доклад ИНОП «Оценка состояния и перспектив политической системы России», <http://www.inop.ru/page484/>; *Hale H.E.* Why not Parties in Russia: Democracy, Federalism, and the State. Cambridge University Press, 2006; *Ross C.* Local Politics and Democratization in Russia. L.; N. Y.: Routledge, 2009.

Предлагаемая здесь оценка исходит не столько из морально-нравственных позиций, сколько из соображений управленческих – эффективности и работоспособности. Это своего рода подход к СУД с позиций политической кибернетики, акцентирующий внимание на проблемах управления и связей, способности системы к эффективному функционированию и самовоспроизводству.

Азбука СУД. Суть сверхуправляемой демократии в кратком виде можно сформулировать в виде следующей системы тезисов:

1. Сверхуправляемая демократия по Путину = сильная личная власть лидера, не ограниченная институтами + манипулирование общественным сознанием посредством СМИ + контролируемые выборы. Построенная при В. Путине система сверхуправляемой демократии – это сложная эшелонированная политическая конструкция, позволяющая власти не быть подконтрольной и подотчетной обществу при сохранении видимости демократических процедур⁵. Тремя встроенными в нее уровнями контроля являются: 1) контроль над актерами; 2) контроль над институтами; и 3) контроль над правилами игры.

Тремя китами, на которых стоит путинская СУД являются: а) мощный институт личной власти (теперь уже не президентской, а совмещенной премьерско-партийной), гипертрофированно развитый за счет ослабленных или выродившихся остальных институтов и акторов; б) жесткий контроль над СМИ с формированием нужного общественного мнения посредством дозирования, отбора и «правильной» подачи информации; в) контролируемые выборы, используемые исключительно как инструмент легитимации решений, принимаемых властью.

2. Ослабление и вырождение демократических институтов. Ключевым условием формирования СУД стало ослабление всех демократических институтов, сопровождавшее усиление власти президента, включая парламент и политические партии, судебную власть, бизнес, региональные элиты.

⁵ Представляется, что при чрезвычайно активном использовании термина «управляемая демократия» как с позитивной (апологетами властей), так и с негативной (критиками) коннотацией понимание, что это особая система, а не просто искажение отдельных элементов другой, демократической системы, отсутствует, как правило, и с той, и с другой стороны. Между тем УД – это сложная система, где все элементы взаимосвязаны и где невозможно произвольно менять какие-то из них без последствий для других и для системы в целом.

Наиболее многоступенчатым и наглядным этот процесс был в отношении политических партий. Сначала они были посажены на короткий поводок, финансовый и административный. Затем в результате политической инженерии появилось большое количество новых, полностью контролируемых Кремлем партий. Наконец, ряд новых партий был объединен в более крупные проекты с одновременным административным прореживанием «политической грядки» и вытеснением с политической сцены или полной ликвидацией старых партий. Официально существующие сейчас семь политических партий представляют собой, главным образом, электоральные и имиджевые проекты, нужные Кремлю для получения контроля над парламентами – федеральными и региональными.

Примененная в отношении политических партий тактика, будучи вполне эффективной с утилитарной позиции осуществления контроля над парламентом, саморазрушительна в отношении основных функций, которые призваны выполнять партии в демократическом обществе, включая обеспечение 1) прямой и обратной связи между властями и обществом; 2) конкуренции людей и идей; 3) баланса интересов основных социальных групп при принятии решений; 4) массовой поддержки действий власти; 5) канализации общественной активности в парламентское русло и др.

3. Замена демократических институтов субститутами. Ослабленные институты оказываются не в состоянии в полной мере выполнять свои функции в рамках политической системы и постепенно вытесняются субститутами, которые, будучи функциональными аналогами институтов, не обладают собственной легитимностью и полностью зависят от президента. Субституты, в роли которых выступают Госсовет и почти полтора десятка консультативных советов при президенте, Совет безопасности, Общественная палата, полпреды президента в федеральных округах и их администрации, общественные приемные и др., плохи не вообще, а в ситуации, когда от них требуется играть самостоятельную роль. В отличие от институтов они не могут служить каркасом системы, структурировать ее, обеспечивать стабильность и воспроизводство. Это скорее приводные ремни, дающие лидеру контроль над основными сферами жизни общества, но, помимо лидера, не имеющие практически никакого смысла.

Важно, что в критические моменты, как, например, при ослаблении президента в момент передачи власти или, скажем, падения рейтинга, подпорки в виде субституты теряют жесткость, а с ней и способность служить функциональной заменой институтам.

4. Механистичность системы: отсутствие гибкости и адаптивности. Вся конструкция власти, каждый элемент которой крепится напрямую к президенту, является чрезвычайно жесткой и механистичной. Не имея внутри себя относительно самостоятельных подцентров, обладающих некоторой свободой маневра, равно как и системы сдержек и противовесов, позволяющей оперативно подстраиваться под меняющиеся условия среды, и не обладая необходимой гибкостью в сочленениях, она требует постоянного «ручного» управления и подстройки, тоже осуществляемой в ручном режиме. При этом вся конструкция, в силу того, что ее центр тяжести находится на самом верху, потенциально весьма неустойчива по отношению и к внешним воздействиям, и к внутренним деформациям. Система в целом является весьма сложной, но это сложность не организма, а механической конструкции, практически неспособной ни к саморазвитию, ни к саморегулированию.

5. Падающая эффективность СУД, компенсируемая нефтедолларами. Как могло получиться, что неэффективные или вовсе не работоспособные механизмы и инструменты, входящие в арсенал СУД, сохраняются в течение столь долгого времени? Причина – в колоссальных, «свалившихся» на страну нефтяных доходах, которые позволяют оплачивать неэффективность и не торопиться с экономическими и прочими реформами. СУД в силу своей управленческой неэффективности чрезвычайно ресурсоемка, причем ресурсоемкость эта растет. Необходимое условие создания и поддержания СУД, таким образом, не просто высокие, но растущие доходы от продажи сырьевых ресурсов: нефти, газа, металлов.

Стараясь, и безрезультатно, избежать «голландской болезни» в экономике, страна получила собственную – российскую или даже еще советскую болезнь в политике и организации власти, когда на «нефтяную иглу» садится политическое устройство, пагубная эволюция которого может продолжаться настолько долго, насколько экономические доходы могут покрывать растущие политические издержки.

6. Управленческое упрощенчество: несоответствие предлагаемых властью решений сложности стоящих задач. Имеющиеся управленческие механизмы чересчур примитивны и однозначны, по сравнению с объектом, на управление которым они претендуют. Разделение властей по горизонтали и по вертикали — модель весьма сложная, его отсутствие с подчинением всех ветвей власти — одной, исполнительной, и всех уровней — единому центру, представляется схемой более простой и действенной. Она действительно таковой является при игре вкратку, если горизонт планирования ограничен парой шагов. Уже на третьем шаге возникают проблемы, которых становится все больше и больше. Попытки нахождения простых ответов на сложные вопросы, управленческого редуционизма, черно-белого видения ситуации и действий в логике игры с нулевой суммой отнюдь не безобидны. Побочные эффекты, особенно если принимать в расчет не только сиюминутные, но и на перспективу, могут существенно перевешивать прямой желаемый результат. Плюс ко всему управление из единого центра, без учета региональной специфики может приводить к прямо противоположным результатам в разных регионах.

За примерами примитивных и неэффективных управленческих решений далеко ходить не надо. Это и решения, относящиеся к выборам — с отменой голосования против всех, снижением и отменой порога участия, отменой выборов вообще. Это и кадровый резерв, и госкорпорации, и модернизация по лекалам сталинско-бериевских атомного и космического проектов...

7. Управленческое упрощенчество в пространстве: чрезмерные централизация и унитаризм. Федерализм называют демократией в пространстве. Эффективное управление такой гигантской страной, как Россия, из единого центра с жестким подчинением ему на местах невозможно и в силу сложного территориально-государственного устройства страны, и в силу этноисторических, политико-культурных и иных особенностей пространственной структуры российского общества. Тем не менее активные попытки такого рода с восстановлением, по сути, Госплана в экономике и ЦК КПСС в политике постоянно предпринимаются. Федерализм с принципом субсидиарности — модель довольно сложная, но адекватная российским условиям с их колоссальным региональным разнообразием. Централизованный унитаризм

с вертикалью власти выглядит много проще. В России сейчас 83 региона, субъекта Федерации — на 6 меньше, чем было несколько лет назад¹. Принципиально, однако, это мало что изменило, и управленческая кратность при модели жесткой субординации остается чрезмерной. Введение дополнительного этажа в виде федеральных округов частично решает проблему кратности, но, удлиняя субординационную цепочку, делает систему еще менее гибкой. Укрупнение регионов, решая одни проблемы, порождает другие, к тому же возможности его относительно легкого осуществления уже практически исчерпаны. Альтернативы в виде передачи реальных полномочий и необходимой для их исполнения финансовой базы вниз, из Центра на региональный уровень, из регионов — на муниципальный, в стране нет.

8. Демонтаж механизмов «защиты от дурака». Любая сложная система имеет встроенные механизмы «защиты от дурака», предохраняющие ее от неосторожных воздействий изнутри, гарантирующие безопасность самой системы и тех, кто пытается на нее воздействовать. При формировании СУД были последовательно разрушены или существенно ослаблены следующие механизмы защиты:

- независимые СМИ;
- парламент как механизм учета интересов основных социально-экономических, региональных и прочих групп, как площадка для общественных дискуссий по наиболее важным проблемам;
- относительно свободные выборы с общенациональной повесткой и референдумы как возможность прямого выражения обществом своей воли;
- прямо избираемые губернаторы;
- НКО как независимые источники информации и нарушители спокойствия властей.

В результате система СУД оказалась практически лишена действенных механизмов «защиты от дурака», отсекающих или блокирующих действия представителей власти, которые могут существенно навредить им самим и системе в целом. Это резко увеличивает цену любых управленческих ошибок и делает неизбежными

¹ Еще недавно их было 89, с объединением Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в Пермский край в 2006 г., Красноярского края, Таймырского и Эвенкийского АО в большой Красноярский край и Камчатской области с Корякским округом в Камчатский край в 2007 г., Иркутской области и УОБАО и создания Забайкальского края в составе Читинской области и АБАО в 2008 г. в РФ стало 83 субъекта Федерации.

кризисы, чреватые самыми серьезными последствиями, вплоть до частичного или полного разрушения системы.

9. Продуцирование самой системой масштабных внутрисистемных кризисов. При отсутствии четких встроенных механизмов согласования интересов и действий отдельных элитных кланов и корпораций, неэффективности или отсутствии механизмов «защиты от дурака» и контроля за качеством принимаемых решений в целом отдельные элементы системы, действуя в своих узко понимаемых интересах, способны провоцировать кризисы. Кризисы эти в условиях сверхцентрализации и отсутствия автоматически срабатывающих систем защиты наподобие иммунной системы организма имеют тенденцию беспрепятственно развиваться какое-то время, охватывать систему в целом и к тому же требуют экстраординарных мер по ликвидации последствий. Большинство кризисов последнего времени — от более масштабных, связанных с монетизацией льгот и реформой ЖКХ, до более локальных, вроде паники на банковском рынке 2004 г. или попыток введения системы контроля за алкогольным рынком ЕГАИС в 2007 г. — рукотворны и имманентны для системы. Это не сбой в ее работе — это продукты самой ее работы.

10. Неэффективность системы внутрисистемного контроля. Сочетание в СУД элементов командной системы с псевдодемократическими обуславливает потребность в огромном сложно организованном блоке внутреннего контроля. Он призван восполнить отсутствие транспарентности действий власти и реального общественного контроля за ними, однако не способен устранить чрезмерную коррупцию или хотя бы сдержать ее рост. Тотальный контроль нужен системе для того, чтобы воспрепятствовать элите среднего уровня использовать предоставляемые системой возможности в интересах своих собственных, а не системы в целом. Мощный и увеличивающийся в размерах контролирующей блок, который призван компенсировать уменьшающиеся публичность и прозрачность, лежит на системе тяжелым бременем и делает ее еще менее гибкой. При этом он оттягивает колоссальные ресурсы, подрывая и без того падающую эффективность системы.

11. СУД на выборах — гарантированный выигрыш на короткую перспективу, гарантированный проигрыш на длинную. В наиболее сложном

и технически совершенном виде СУД выступает на выборах. Механизм ее действия включает в себя: усложненное законодательство с большим количеством жестких требований, позволяющих находить нарушения у любого участника выборов; запретительно высокие пороги участия, в том числе цену входа и многочисленные барьеры; выбраковку кандидатов, осуществляемую путем административного вмешательства; жесткий контроль за доступом к медиа- и финансовым ресурсам; широкое использование административного ресурса на всех этапах. Федеральная и региональная власть выступают одновременно в нескольких ролях: устанавливающего правила игры, игрока и контролера. Таким образом, действительно можно избежать победы на выборах неудобных для власти кандидатов, но одновременно выборы перестают играть важную, в том числе для власти, системообразующую роль. Стратегическая устойчивость системы приносится в жертву мелким тактическим целям и удобствам.

В условиях относительно свободного голосования выборы представляют собой сложно организованную систему, где все элементы взаимосвязаны и где нельзя произвольно менять одни из них, не рискуя повлиять на все остальные. Попытки вмешательства в выборы, включая выбраковку неудобных власти кандидатов, вызывают в обществе негативную реакцию, принимающую разные формы — системную и несистемную. К первой относится абсентеизм, негативизм и голосование за протестные силы, ко второй — выплеск протеста на улицу. Падает и общественное доверие к выборам как институту. Не обращая внимания на системный протест и жестко подавляя несистемный, снимая из соображений своего комфорта требуемый порог участия, отказываясь от опции «против всех» и др., власть может создать на некоторое время видимость благополучия, но не может избежать снижения как эффективности в условиях сокращения публичной конкуренции, так и уровня собственной легитимности.

12. Внутриэлитные конфликты, их канализация и купирование. СУД, ориентированная на лидера как на верховного арбитра и не имеющая действенных механизмов разрешения конфликтов между основными составляющими ее кланами и группами элиты, является внутренне весьма конфликтной. Конфликты в ней имманентны. Это конфликты не поступательного движения, а движения по кругу, не развития, а поддержания относительной устойчивости

системы. Они не разрешаются, а постоянно воспроизводятся и не ведут к совершенствованию системы, а служат механизмом сохранения некоего баланса сил между основными кланами.

Конфликты между кланами и группировками внутри элиты принимают форму конфликтов между отдельными властными структурами и корпорациями. Действия самой власти по разрешению конфликтов приводят к тому, что конфликты купируются, но не служат источником саморазвития системы.

С реализацией схемы «передачи власти» произошла не просто интенсификация конфликтов и превращение их в более острые и публичные, но сдвиг по фазе: от конфликтов по поводу принимаемых решений к конфликтам по поводу односторонних действий отдельных элитных групп, не согласованных с другими элитными группами, и постоянных нарушений баланса сил. Ослабление президента в ситуации отсутствия институтов делает все менее возможным удержание конфликтов под каким-то внешним контролем.

13. Нерешительность СУД. Импотенция СУД наиболее очевидна в отношении принятия решений. В силу отсутствия качественной объективной экспертно-аналитической базы для выработки решений и действенных механизмов согласования интересов, (а) решения принимаются с трудом или не принимаются вовсе; (б) принимаемые решения далеки от оптимальных даже с позиций государства и политической системы, не говоря уж об обществе; (в) объявленные властью решения часто не являются окончательными и либо ревизуются, либо отодвигаются на будущее, либо не выполняются вовсе. Чрезмерная централизация и бюрократизированность системы ведут к подавлению инициативы на всех уровнях, выстраиванию всякий раз длинных субординационных цепочек, перегруженности Центра.

14. Неспособность СУД к движению. СУД лишена встроенных механизмов саморегуляции и саморазвития, не является ни самодостаточной, ни способной к самовоспроизводству. Вся выстроенная в рамках СУД система внутренней организации власти и отношений власти с обществом статична. Она ориентирована не на развитие, а на удержание власти и носит не наступательный, а оборонительный и, отчасти, эвакуационный характер. Власть в ней является принципиально не консолидируемой, способной проводить не общесистемные интересы, а только

личные и корпоративно-клановые интересы отдельных представителей власти. Общество, отстраненное от участия в принятии и реализации решений, пассивно и инертно; оно не мешает власти заниматься ее собственными проблемами в состоянии покоя, но не может служить опорой при движении вперед, осуществлении преобразований. Общественная мобилизация для решения важных для страны задач, реализуемых властью, в такой ситуации невозможна.

15. Неспособность СУД к самовоспроизводству, ее потенциальная нестабильность. Основанная не столько на балансе институтов, сколько на персоне стоящего на самом верху, система СУД потенциально очень нестабильна. Политический риск дестабилизации многократно возрастает в момент передачи власти от первого лица, когда система, подобно теряющему завод волчку, способна на резкие импульсивные движения. Передача власти в таких условиях нормальным демократическим образом и в срок принципиально невозможна, она должна осуществляться, скорее, как дворцовый переворот с неизбежными после него и, не исключено, весьма болезненными кадровыми чистками, переделами власти и собственности на всех этажах. Смена власти, какой бы формальной она ни была, в условиях в высшей степени персоналистской СУД означает автоматический выход из строя многих субститутов, завязанных на первое лицо, и чревата поэтому серьезной дестабилизацией.

16. Взрывоопасное сочетание массы отстраненных граждан и антисистемной оппозиции. СУД – система с низким и снижающимся участием граждан. В процессе своего функционирования она отсекает от участия все новые социальные группы и политические силы, что не только сказывается на ее легитимности и эффективности, но и трансформирует действующую и потенциальную системную оппозицию в антисистемную. Не опираясь на реальную поддержку широких социальных слоев, а лишь эксплуатируя их пассивность и безучастность, система сама закладывает под себя фугас и прилаживает к нему взрыватель, формируя, таким образом, своего могильщика в лице выведенных с политической сцены политиков и социальных масс, отстраненных от участия в процессе принятия решений, чьи интересы окажутся затронуты и ущемлены, как только после завершения активной фазы кризиса система перейдет от бездействия к действию.

С приходом в Россию экономического кризиса система СУД, помимо свойственных ей внутренних проблем, столкнулась с серьезными внешними трудностями. Последние связаны с качественно новыми вызовами в результате как собственно кризиса, так и обусловленного им резкого сокращения ресурсной базы режима. Значительно ухудшились условия, в которых системе приходится функционировать. Между тем в ситуации возникшего в стране весной 2008 г. двоевластия — неважно реального или только формального — конструктивные недостатки системы только усугубились.

Говоря о нашей политической и управленческой системе, я бы хотел, прежде всего, охарактеризовать такую ключевую ее черту, важную для понимания и архитектуры системы, и ее функционирования, как замену институтов субститутами.

Еще раз о механизмах «защиты от дурака», их демонтаже и его последствиях. Рассмотрим более подробно ситуацию с рядом демонтированных в последнее время или резко ослабленных механизмов такой защиты.

Парламент и разделение властей в целом. Наиболее системный и эшелонированный механизм «защиты от дурака» в современных политических системах — это парламент, где публично и придирчиво оцениваются готовящиеся решения и все возможные их последствия для разных социальных групп, где за общими решениями видны депутаты с их персональной ответственностью за позицию при принятии окончательного решения и высказываемые в ходе обсуждения оценки, где на разных этапах обсуждения привлекается большое число квалифицированных экспертов, как идеологизированных, так и деидеологизированных. Именно парламент, по своему определению, призван представлять самые разнообразные — имущественные, профессиональные, этнические, гендерные, региональные — группы интересов и обеспечивать площадку для высказывания каждой из этих групп собственных взглядов и отстаивания своих интересов.

Ставшую знаменитой фразу Б. Грызлова о том, что парламент не место для политических дискуссий, приводят обычно как смешной оксюморон и наглядное свидетельство непрофессионализма видных представителей власти. Между тем она носит не столько прескриптивный, сколько дескриптивный характер и вполне адекватно описывает современную россий-

скую ситуацию. Уже свыше десяти лет — Дума с декабря 1999 г., СФ несколько позже — российский парламент действительно не место для дискуссий, по крайней мере, таких дискуссий, в результате которых появляются максимально взвешенные и всесторонне проанализированные решения.

С получением в 2000 г. Кремлем контроля над думским большинством Дума из площадки публичной политики, представительского и законотворческого органа стала все более превращаться в машину для голосования за разрабатываемые исполнительной властью решения. В ней укоренилась практика так называемого нулевого чтения, когда согласование интересов между исполнительной властью и депутатами осуществляется кулуарно, еще до официального внесения соответствующего законопроекта в Думу, а внесенному правительством напрямую или через кого-то из депутатов законопроекту обеспечивается зеленая улица. Законодательные инициативы оппозиции стали гаситься в зародыше, не допускаясь до обсуждения вовсе. Резко сократилась и контрольная деятельность парламента, что проявилось и в фактической утрате контроля Думы за составом Счетной палаты, и в уменьшении числа поручений ей, равно как и числа парламентских запросов, а также в резком сокращении числа депутатских комиссий, создаваемых для изучения важнейших государственных вопросов и подготовки предложений по изменению законодательства.

С избранием в 2007 г. новой Думы ситуация лишь усугубилась. Парламент, в котором представлена только одна партия, как, скажем, в Казахстане, превращается в партсобрание, а парламент, в котором одна партия всецело доминирует, как у нас, — такое же партсобрание, но с гостями. Можно вспомнить, что какое-то время назад шли бурные дискуссии о необходимости цивилизованного лоббирования — принятия соответствующего закона, четкого соблюдения правил и т. д. Закона как не было, так и нет, дискуссии стихли — исчез предмет, поскольку лоббирование перешло из коридоров представительной власти в коридоры власти исполнительной (с соответствующими последствиями в части коррупции).

Тяга к упрощенчеству: действительно, если в парламенте видеть исключительно машину для голосования, то можно максимально упростить конструкцию, что у нас и произошло. Уже вторую по сложности функцию — блокирование недостаточно продуманных и потому опасных

или попросту неэффективных решений исполнительной власти — нынешний российский парламент не исполняет. В технической сфере к инженерным решениям дилетантов не подпускают — чтобы не рвануло. В сфере же политической причинно-следственные связи гораздо сложнее — они могут быть многочисленными и неодномоментными.

Наглядной иллюстрацией пагубности отсутствия парламента как своего рода ОТК может служить ситуация с продавленной через Думу в рекордные сроки в конце 2004 г. реформой монетизации льгот.

Если нижняя палата стремительно эволюционировала, то верхняя была изменена радикально уже в 2000 г. с принятием нового порядка формирования Совета Федерации. Вместо влиятельных региональных спикеров и губернаторов в нее пришли назначаемые по инициативе или с поддержкой Кремля люди, часто не имеющие никакого отношения к регионам, которые они формально представляют. А через какое-то время региональные власти и вовсе оказались лишены права отзывать своих посланников. Создалось абсурдное положение, когда вопрос об отзыве решает спикер, а не тот, кто делегировал. Это как если бы отзыв послов определялся не властями пославших их государств, а властями государств, куда их послали. С другой стороны, это просто подчеркивает, что сенаторы представляют собой не столько регионы, сколько какие-то федеральные группы влияния.

Результатом стало резкое падение представительства региональных интересов и в верхней, и в нижней палатах Собрания, которое фактически осталось федеральным лишь по названию. Это недопустимо для федерации и, добавим, контрпродуктивно в условиях такой гигантской и разнородной страны, как Россия.

Резко уменьшилась и роль Совета Федерации в политической системе. Он фактически прекратил работать как законотворческий орган, исключительно редкими стали и случаи отклонения Советом Федерации принятых Думой законов и создания согласительных комиссий с нижней палатой. Все кадровые назначения проходят через СФ в автоматическом режиме.

Напрямую избираемые губернаторы. Рассмотрим смысл и последствия происходящего на примере отказа от прямых выборов губернаторов и введения двухступенчатой процедуры их номинации президентом и утверждения региональным парламентом. За пять лет действия нового порядка с января 2005 по январь 2010 г.

были утверждены 104 главы регионов. Замены глав регионов оказались поначалу существенно менее масштабными, чем это ожидалось. В первый год действия нового порядка утверждения глав регионов они были заменены менее чем в четверти случаев — в 10 случаях из 44, т. е. сменяемость оказалась меньше, чем при действии механизма прямых выборов губернаторов. В 2006—2007 гг. замены губернаторов имели место в 14 случаях из 33, в 2008—2009 — уже в 19 из 27. При этом все чаще Кремль практикует замену губернатора-инкумбента на «варяга» из Москвы или другого региона.

Прописанный законом и президентским указом подробный порядок отбора кандидатов на пост главы, предусматривающий активное участие полпреда в федеральном округе, предварительные консультации в регионе и многоступенчатое рассмотрение кандидатур в Кремле, в полном объеме практически не действовал. Таким образом, отступление от демократии на уровне схемы усугубляется неполной и малопрозрачной реализацией самой этой схемы. С осени 2009 г. роль полпредов в отборе и согласовании кандидатов на губернаторский пост была передана партии, имеющей большинство в региональном парламенте, — «Единой России». Кремль активно старается избежать раскола в региональных политических элитах и афронта при утверждении региональным парламентом предложенной им кандидатуры. На практике это выливается в вариант согласования интересов до официального внесения кандидатуры, похожий на практикуемое в Госдуме нулевое чтение законопроектов.

Пока трудно в полной мере оценить непосредственный эффект, связанный с отказом от прямых выборов глав и переходом к их назначению президентом, тем более, что он далеко не ограничивается изменениями в конфигурации власти, а затрагивает и общество. Дело еще в том, что практически одновременно с введением новой схемы Кремль остановил или резко замедлил многочисленные реформы: монетизацию льгот, реформу ЖКХ, муниципальную и др., справедливо опасаясь повторения той массовой волны социальных протестов, которая имела место в январе-феврале 2005 г. Новая система, таким образом, пока не проверялась на деле, если, конечно, не считать проверкой то, что сопротивление губернаторского корпуса не подготовленной должным образом монетизации как раз и было сломлено объявлением о том, что отныне губернаторов будет назначать Кремль.

Однако было бы ошибкой видеть в сохранении на губернаторских постах тех же людей симптомы пробуксовки новой системы и считать, что ситуация изменилась мало. Во-первых, в преддверии назначения идет активная работа с кадровым резервом, а после назначения обновляется, и зачастую радикально, состав региональных руководителей второго-третьего ряда. Далее, все без исключения главы регионов, включая как старослужащих, так и новоназначенных, теперь уже не те, что раньше. Прежде они в большинстве своем были полноправными хозяевами своих территорий, полностью за них отвечающими. Их эффективность по большому счету измерялась успехами региона, а временной горизонт планирования составлял минимум четыре-пять лет. Теперь это просто высокопоставленные чиновники, чьи личные интересы заключаются в быстром и четком исполнении поступающих из Центра приказов, как бы плохи они ни были для региона.

Демонтировав прямые выборы региональных глав, Кремль не только подставил себя под удар в случае любых кризисных ситуаций в регионе, но и лишил политическую систему действенного фильтра, позволявшего отсекал опасные для системы решения или, по крайней мере, минимизировать возможный ущерб благодаря модифицированию их, задерживанию их выполнения. Последнее могло бы позволить избежать общего обвала, как в случае монетизации, и откорректировать решения с учетом опыта их реализации в других местах. Единственная причина, почему мы пока не видели кризисов, к которым неизбежно должна приводить новая система, заключается в откладывании всех серьезных решений на следующий президентский срок.

После президентских выборов 2008 г., помимо накапливающихся социально-экономических и политических проблем, Кремль столкнулся и с проблемой организационной, кадровой, заложенной предыдущими назначениями. Дело в том, что на 2009–2010 гг. приходится время массовых замен отработавших сейчас свой четвертый-пятый срок губернаторов-тяжеловесов в возрасте. Кремлю, застопорившему машину смотрин и подготовки потенциальных сменщиков посредством выборов, приходится срочно вводить на первые роли во многих регионах малоподготовленных для этого людей.

Что касается региональных политических элит, то система назначений уже спровоцировала в них ряд серьезных и публичных кон-

фликтов, как, например, в Туве, Башкортостане, Нижегородской области, связанных с естественным в новых условиях стремлением контрэлиты продемонстрировать Кремлю неэффективность действующей региональной власти, ее неспособность контролировать ситуацию. Перевод политической конкуренции в регионах из позитивной плоскости, когда кандидаты на выборах предлагают свои привлекательные программы, в плоскость сугубо негативную, когда буквально действует принцип «чем хуже, тем лучше», — еще один прямой результат назначения губернаторов.

Налицо объективное противоречие: уменьшая трение в сочленении «Центр — губернатор» (а по сути, превращая его из шарнирного в жесткое) и назначая в регионы удобных ему чиновников из Москвы, Кремль тем самым усиливает проблемы в звене «губернатор — субрегиональные элиты». Закономерно поэтому желание губернаторов-назначенцев избавляться от механизма избрания муниципальных глав. Теперь из шарнирного в жесткое превращается и сочленение «губернатор — мэр». Иначе говоря, отдельные звенья властной конструкции теряют относительную свободу действий, а властная конструкция в целом полностью теряет гибкость.

Что касается граждан, то, лишив их права формировать власть в своем регионе, Кремль автоматически снял с них и взял на себя и ответственность за действия этой власти. Негативный эффект от этого проявляется не сразу, зато и действует гораздо дольше, способствуя формированию психологии подданных вместо психологии граждан.

Помимо немедленного эффекта в виде падения эффективности управления, отказ от избираемости губернаторов в пользу их назначения являет собой демонтаж сохранявшихся элементов федерализма и — как неизбежное следствие — деградацию других демократических институтов. Системным эффектом назначения губернаторов уже стала волна отмен выборов мэров. Кремль столкнулся с проблемами оценки результативности работы глав регионов и отслеживания отношения к ним граждан. Решить их он пытается по-советски: проводя закрытые социологические опросы и пытаясь внедрить сложную формализованную систему показателей.

В случае с переходом к назначению губернаторов практически все декларировавшиеся цели реформы оказались невыполненными. Качественного обновления губернаторского

корпуса не произошло. Публичности в политике убавилось теперь и на региональном уровне. Стала ли система менее коррупционной, большой вопрос: ведь чем больше закрытости и непрозрачности в принятии решений, тем в принципе больше простора для коррупции. Уверенно можно говорить лишь о переориентации финансовых потоков. Место публичных и часто скандальных избирательных кампаний заняли подковерная борьба и акции протеста против действующей власти, организуемые конкурирующими элитными кланами.

Наибольшие испытания, однако, ждут систему в случае возникновения любого локального кризиса: техногенного, социально-экономического, политического. Как при отсутствии системы блокировки в виде предохранителя в электрической сети, такой кризис может быстро перекинуться на федеральный уровень, вызывая кризис системы в целом.

НКО. Из трех составляющих ГО, которые можно определить как помощников власти, защитников от власти и с властью никак не связанных, Кремль активно поощряет первых, индифферентен в отношении последних и подавляет или стремится взять на короткий поводок вторых. В последнее время резко активизировались его попытки построения альтернативных организаций, призванных заменить тех же правозащитников, независимый контроль на выборах и др. Предпринята попытка выстраивания в «правильную» пирамидальную структуру с Общественной палатой наверху и гражданского общества в целом.

Общественная палата, созданная властью, и связанная с ней система общественных советов при министерствах и ведомствах — это как внутренний голос власти. Власть же себя любит и против шерстки не погладит. Спору нет, ручное ГО более комфортно для власти. Но, с точки зрения «защиты от дурака», абсолютно бесполезно. Среди неудобных для власти есть и «watchdogs» и «advocacy groups». Одни призваны охранять общество от неловких действий государства, другие — представлять интересы каких-то социальных групп: не давать забывать об инвалидах, заключенных, больных СПИДом и пр. Заглушать голос тех и других (а именно это происходит) — значит, создавать лишь иллюзию спокойствия, к тому же временную.

Насколько осмысленна и позитивна деятельность власти по «приручению» и выстраиванию гражданского общества для нее самой? Что касается помощи тем НКО, которые власть

считает хорошими, то вреда от этого ни власти, ни обществу нет, скорее польза. Что касается всего остального: попыток жесткого контроля за НКО, административного и финансового давления на них, создания клонов, шельмования и выдавливания со сцены и т. д., то все это оборачивается в конечном счете против самой власти.

Дело здесь в системности, в том, что центральная власть, заглушая голос критиков наверху, одновременно развязывает руки власти местной делать то же самое по отношению к своим, местным критикам. Тем самым власть лишает и себя саму возможности получать сигналы о неблагополучии на местах, оперативно реагировать на них.

Субституты вместо институтов. В путинские годы шло неуклонное и целенаправленное ослабление всех институтов, кроме собственно президентской власти, отстроившей мощную вертикаль, непосредственно контролируемого ею силового и правоохранительного блока — «правительства президента». Существенная роль в изменении общей политической конфигурации принадлежала полпредам с их администрациями, ставшими важным элементом нового президентско-силового каркаса российского режима, и связанному с ними всему окружному звену госуправления.

Правительство премьера не было и раньше, при президенте Путине, сильным и самостоятельным. Сейчас, став правительством экс-президента, оно, безусловно, представляется сильнее, но вовсе не похоже на одну команду. Во многих ситуациях правительство выглядит как совокупность борющихся за власть и собственность группировок: сечинской, шуваловской, зубковской. Резко ослабели и потеряли остатки былой самостоятельности СМИ, политические партии и Госдума. Стали гораздо менее сильны губернаторы, реформированный Совет Федерации, местное самоуправление. С консолидацией федеральной политической элиты упала самостоятельность крупного бизнеса и так называемых олигархов. Резко уменьшилась роль выборов.

Переход В. Путина с поста президента на пост премьера и председателя партии «Единая Россия» при сохранении в неизменном виде большинства общих характеристик системы ослабил единственный из сохранявшихся сильными институтов — президентскую власть, приведя, тем самым, к понижению и без того низкого уровня институционализации власти.

Итак, *субституты* — это структуры, замещающие изымаемые или ослабляемые институты, призванные обеспечить функционирование государственного механизма в новых условиях¹. Особенность субститутов в том, что, выполняя иногда роль полноценных институтов, они, по существу, таковыми не являются, либо вовсе не будучи прописанными конституцией и федеральным законодательством, как, например, полпреды президента, либо целиком завися от президента². Их роль по воле последнего может поэтому изменяться в чрезвычайно широком диапазоне: от максимальной, когда их советы и рекомендации обретают форму указов и распоряжений президента, до нулевой.

Наиболее адекватный зрительный образ, позволяющий проиллюстрировать сказанное, — подпорки у оплывающих объектов на сюрреалистических картинах Сальвадора Дали. Если институты обеспечивают внутренний каркас жесткости, то субституты только временно подпирают.

Общий ход эволюции институционального дизайна политической системы при В. Путине может быть описан следующим образом. Сначала экспансия президентской власти во всех направлениях приводила к ослаблению остальных институтов. Затем, когда неспособность ослабленных институтов выполнять в полном объеме свои функции в политической системе становилась очевидной, им «в помощь» создавались разного рода субституты, которые, будучи завязаны на президента и не обладая собственной легитимностью, служат не только функциональной заменой ослабленным институтам, но одновременно и инструментом дальнейшей экспансии президентской власти. Иногда, как, например, в случае с полпредами президента в федеральных округах, создание субститутов может предшествовать ослаблению институтов и способствовать перехвату власти.

Появление субститутов само по себе не является чем-то из ряда вон выходящим и присуще, вообще говоря, любой политической эволюции. Часто это является просто фазой становления политических институтов. Особенность современной российской политической системы заключается в двух моментах.

1. *Институты, теряя свою роль и наполнение, не ликвидируются полностью* — исчезает их содержание, а внешняя оболочка остается. Они

превращаются в элемент декора, в псевдоинституты, в бледное подобие самих себя.

2. *Субституты же никогда не превращаются в институты* — не оформляются законодательно, включая Конституцию и конституционные законы, не приобретают независимой легитимности. Они создаются не для того, чтобы со временем заменять становящиеся неэффективными институты, а для того, чтобы подменять их по существу при формальном сохранении демократических институтов в декоративной роли.

По аналогии с теневой экономикой, доля которой в современной России составляет по разным оценкам от 40 до 60%, можно говорить и о «теневой политике», реализуемой в том числе и посредством субститутов. Доля последней высока и стремительно растет.

Механизмы ослабления институтов могут быть самыми разными. Это может быть этатизация в отношении СМИ, бизнес-корпораций и местного самоуправления; лишение/сокращение источников финансирования, включая собственную финансовую базу, с установлением жесткого контроля над финансовыми потоками в отношении политических партий, НКО и того же МСУ; ужесточение законодательства и прямое административное вмешательство, как, например, в случае выборов губернаторов, политических партий; кадровое ослабление и создание негативного имиджа (здесь лучшим примером может служить новый Совет Федерации) и др.

Приведем параллельный перечень институтов и подменяющих их субститутов в современной России, ограничившись для простоты органами и выпустив, в частности, такие два важнейших комплексных института, как выборы и местное самоуправление.

Многое из того, что называется институтами и внешне выглядит как институт, на проверку оказывается субститутами. Даже «Единая Россия» — это не партия власти, это субститут партии власти. Как понять? Она не отбрасывает тени и не отражается в зеркале. Если говорить серьезнее, она имеет крайне низкую степень политической автономии и представляет собой мощную иерархизированную сеть, передающую сигналы, главным образом, сверху вниз. При этом она практически не имеет встроенного внутреннего механизма принятия решений и управляется извне. У института центр — внутри, у субститута — вовне.

С приходом Д. Медведева на пост президента субституционализация нашей политической системы достигла своего крайнего значения,

¹ См.: Петров Н. Субституты институтов // Отечественные записки. 2007. № 6.

² Пока президентом был В. Путин, все было понятно, сейчас же нет.

Институты

Государственная Дума

Совет Федерации

Политические партии

Независимые СМИ как источник информации

Правительство как центр выработки стратегических решений

Правительство как орган текущего управления

Федеральные и региональные структуры исполнительной власти

Прямо избираемые главы регионов и мэры—

Олигархи — хозяева крупного частного бизнеса

Субституты

— Отраслевые консультативные советы при президенте (2000—), Общественная Палата (2004—)

— Госссовет и его президиум (2000—), Совет законодателей (2001—)

— Политические машины госкорпораций и регионов, «Единая Россия»

— Общественные приемные (2002—); массовые закрытые соцопросы (2004—); ведомственные сети сбора информации, жалобы и обращения граждан

— Администрация президента, президиум Госссовета, Совбез (2000—2001), ЦСР (2000—2002), Комиссия по модернизации? (2009—)

— «Малый Совбез» (2000—); Совет по нацпроектам (2005—2007); администрация президента; госкорпорации (2004—)

— Полпреды в федеральных округах (2000—), ГФИ (2000—)

— Утверждаемые региональными парламентами назначенцы президента и наемные сити-менеджеры

— Назначаемые «олигархи» — главы госкорпораций

можно даже сказать, дошла до абсурда. Функциональному клонированию подвергся ее последний оставшийся сильным институт — институт президентской власти. Медведев — субститут президента. Вернее, Медведев — выхолощенный институт, а Путин — субститут президента и по совместительству премьер.

Субституционализация политической системы — это всегда ее упрощение, примитивизация. Это и перевод системы в режим ручного управления, что чревато серьезной неустойчивостью в момент смены «главного пилота», на которого замкнуты все нити субститутов.

Поскольку субституты заменяют не сами институты, а их функции и при этом у демократического института, как, например, парламента, может быть много функций, одному институту может соответствовать целый ряд субститутов. При этом, однако, ряд функций того или иного института, которые не нужны власти или нужны, но власть не отдает себе в этом отчета, могут вообще никем не исполняться.

Проиллюстрируем последнее на примере выборов как одного из важнейших демократических институтов.

Выборы и субституты выборов. В части *легитимизации власти* выборы подменяются новым порядком назначения губернаторов президентом с последующим утверждением региональным ЗС и непрямыми выборами глав муниципальных образований из числа избранных депутатов.

В части осуществления *обратной связи между властью и обществом* выборы призваны заменить общественные приемные и воссозданная Кремлем система жалоб и предложений трудящихся. Выборы как *способ оценивания гражданами эффективности действий власти, их результатов* подменяются ГФИ, закрытыми социологическими опросами, специально разрабатываемыми Кремлем системами мониторинга ситуации в регионах, основанными на большом числе индикаторов.

Так, еще в 2006 г. была создана рабочая группа Госссовета по вопросам совершенствования механизмов исполнения органами госвласти своих полномочий под председательством тюменского губернатора Владимира Якушева. Комиссия Госссовета предложила 127 индикаторов.

Первоначально президентским указом 2007 г. были утверждены 43 показателя для оценивания эффективности региональных администраций. В настоящее время по распоряжению правительства действуют 295 индикаторов. А после пожара в Перми В. Путин распорядился добавить к ним ряд дополнительных, описывающих противопожарную работу и ее эффективность. С одной стороны, это попытка охватить все, с другой — вооружить Кремль «статистическим компроматом» в отношении любого губернатора.

Свыше половины из почти трех сотен показателей, описывающих положение дел в регионе сейчас и на трехлетнюю перспективу, приходится на образование 89 показателей, в том числе 40 — на общее образование, включая доли сдавших ЕГЭ по категориям учащихся и видам экзаменов, количество школ, классов, учеников и учителей, зарплаты и бюджетные расходы, даже преступность среди несовершеннолетних; 49 — на начальное и среднее профессиональное образование и здравоохранение — 73 показателя, описывающие смертность по возрастам и причинам, физические и стоимостные показатели работы учреждений здравоохранения, физкультуру и спорт. Вместе с жилищно-коммунальным хозяйством (40 показателей) это будет уже две трети всех показателей. Оставшаяся треть приходится на жилищное строительство и обеспечение граждан жильем (13), дорожное хозяйство (5 — протяженность дорог разного вида), обеспечение безопасности граждан (5 — преступность, включая рецидивную, удовлетворенность граждан, расходы бюджета) и, наконец, организацию государственного и муниципального управления (22 показателя по доходам и расходам бюджета, уровню задолженности).

Помимо статистических показателей, по каждой из девяти основных групп показателей есть и удовлетворенность населения.

Доклады по установленной форме направляются главами регионов в правительство, там обобщаются и до конца года подводятся итоги (по предыдущему году). Правительство использует при этом кнут и пряник. В качестве пряника выступает система правительственных грантов, распределяемых среди наиболее «успешных». В 2008 г. на премирование 20 регионов-лидеров было направлено 2 млрд рублей.

Система из трехсот показателей с попыткой сочетать статику с динамикой выглядит чрезмерно детализированной. Манипулирование информацией с обеих сторон по типу того, что было в советское время, фактически неизбежно. Здесь можно вспомнить и продолжающуюся до сих пор в системе МВД практику такого рода, когда каждый новый назначаемый в регион начальник стремится сначала ухудшить все отчетные показатели, за которые несет ответственность его предшественник, чтобы создать себе благоприятный фон и базу роста.

В систему оценивания Кремлем эффективности региональных властей, помимо статистики, входят данные регулярных, проводимых специально для этих целей опросов и материа-

лы работы с письмами и обращениями граждан, включая общественные приемные.

Выборы как *механизм политической конкуренции и отбора кандидатов и программ* подменяются разного рода консультациями с группами влияния и лоббированием со стороны тех же групп, включая и коррупционные механизмы.

Как это работает при определении кандидата на пост губернатора?

В одном американском фантастическом романе вместо всеобщих президентских выборов описывается сложнейшая система выявления идеально среднего избирателя, ему единственному и предстоит сделать выбор между кандидатами. С новой системой наделения должностью губернаторов (в Кремле обижаются на «назначения») мы примерно к этому и пришли. Сейчас с заранее объявляемым списком номинированных на должность кандидатов между ними разворачивается настоящая предвыборная борьба (стоит, например, вспомнить бешеную активность, которую развил осенью 2009 г. так и не переутвержденный на пост свердловский губернатор Э. Россель). Так что выборы, можно сказать, есть. Только избиратель на них один-единственный (или теперь два?).

Роль выборов разного уровня в кадровом плане далеко не ограничивается выявлением победителя. Выборы — это и выявление достойных кандидатов, и их подготовка, школа. Как власть пытается компенсировать эту важную функцию выборов, будет рассмотрено ниже.

Выборы как *способ формирования повестки для страны или региона* подменяются выявлением властью массовых общественных запросов социологическими методами и популистским на них реагированием.

Остается еще ряд функций выборов, включая две важнейшие, с подменой которых у властей проблемы. Это «сброс пара» — выборы как способ *выявления и одновременно снижения социальной напряженности* — и выборы как *катализатор процессов политического развития*.

Что касается первого, то потенциально весьма опасным для Кремля представляется отказ от прямых выборов губернаторов, закрывающий возможность локализации и купирования общественного протеста в случае недовольства местной властью и переводящий стрелки на самый верх. Чрезмерно жесткой представляется и вся нынешняя избирательная система с запрительно высокими порогами для попадания в парламент, административным произволом в отношении хоть чем-то не устраивающих федеральные и местные власти партий и канди-

датов, исключениями протестных кандидатов и опции «против всех». Блокируя парламентские, системные формы общественного протеста, реализуемые через выборы, и выталкивая из парламентов — федерального и региональных — профессиональных политиков, власть сама создает себе серьезную проблему, которую пытается (и опять неадекватно) решить, используя для этого грубую полицейскую силу и судебное преследование.

Было бы неправильно недооценивать эту проблему, глядя на относительную малочисленность нынешних маршей несогласных. Во-первых, уже сейчас, не имея нормально работающих механизмов обратной связи с обществом (в том числе и из-за ее же ослабленных выборов), власть всякий раз не знает, чего ждать, и реагирует с большим превышением. Во-вторых, если сегодня протест возникает на крайне благоприятном для власти социально-экономическом фоне сытости и стагнации, то завтра, когда пряники для раздачи закончатся, а власти волей-неволей придется решать задвинутые на время задачи модернизации и осуществлять реформы, в том числе и болезненные для крупных социальных групп, потенциальная опасность резкого сокращения пространства для публичной политики и исключения из нее профессионалов станет намного более серьезной.

В отношении выборов наглядно проявляется механизм/закон прогрессирующей примитивизации власти: нет выборов — нет проблемы. Не слушая и не слыша импульсы извне, власть закрывает для системы механизм восходящей эволюции, оставляя лишь эволюцию нисходящую, деградацию.

Эволюция субститутов на примере полпредов. Для большинства субститутов характерны взлет и последующее ослабление. Возникающие в недрах бюрократической системы, как правило, под определенную задачу, они потом, как мусор в космосе, никуда не деваются, продолжая быть на орбите и после того, как задача выполнена. Взять, к примеру, Центр стратегических разработок. В 1999—2001 гг. при Г. Грефе это был главный аналитический центр, главная дискуссионная площадка страны. Потом, когда нужда в планах реформ пропала, ЦСР погрузился в дремоту, в которой пребывает по сей день. Это не означает, что в какой-то момент субститут не может снова стать важным. Примером может служить Совет Безопасности, получивший большой вес при В. Путине (за счет

того, что впервые секретарь Совбеза, чьи официальные полномочия весьма велики, а реальные ресурсы, как правило, малы, совмещал свою позицию там с позицией руководителя мощной спецслужбы — ФСБ) и при его сменщике С. Иванове (2000—2001), когда Совбез играл роль стратегического правительства. До этого временный взлет СБ в 1996 г. был связан с назначением туда генерала А. Лебедева, занявшего третье место в первом туре президентских выборов и приглашенного Б. Ельциным в союзники.

Концентрация большого объема властных полномочий в одном центре и слабость институтов имеют следствием появление большого количества комиссаров этого самого центра — его полномочных представителей, призванных как присматривать за институтами и акторами, так и решать отдельные важные управленческие задачи. Институт полномочных представителей президента (ППП) в федеральных округах возник с введением системы округов в 2000 г. и набрал силу в 2001—2002 гг.

ППП — универсальный субститут, способный выполнять самые разные функции, как официальные, так и неофициальные. Последнее, кстати, важное свойство субститутов, которые хотя и живут в мире публичной политики, не принадлежат в полной мере этому миру и подчиняются другим законам. ППП последовательно и параллельно выполняли следующие функции: укрепление лояльности федеральных чиновников в регионе Москве под лозунгом приведения регионального законодательства в соответствие федеральному; перехват контроля за федеральными генералами в регионах из рук как региональных властей, так и некоторых чрезмерно самостоятельных глав федеральных ведомств, в первую очередь, МВД и налоговой полиции¹, установление рациональной звенности управления и вытеснение региональных ассоциаций экономического взаимодействия как форм самоорганизации регионов снизу; инспектирование федеральных структур в регионах и систематическая кадровая работа, включая поначалу контроль за выборами глав регионов, а потом, до осени 2009 г., подбор и согласование кандидатов на эти посты; представительские функции... К этим задачам постоянно добавлялись и добавляются другие, более частные, вроде подготовки регионов к зиме, стимулирования развития малого и среднего бизнеса,

¹ Заметим, что ФСБ была изначально выведена из-под ведения полпредов и ГФИ, к тому же это одно из немногих ведомств, не создавших окружных структур.

контроля за реализацией посланий президента РФ, разработки зонтичных стратегий развития, курирования крупных федеральных проектов, осуществляемых в округе и др.

В персоналистской системе велико значение личности руководителя (его политического веса и встроенности в систему высших административных элит), ибо именно она во многом определяет способность структуры влиять на принятие решений. В зависимости от личности полпреда роль и значение олицетворяемого им института могут варьировать в широких пределах. Всем памятна кадровые новации С. Кириенко на посту полпреда Приволжского округа (2000–2005), неуклюжее и контрпродуктивное вмешательство в выборы на Дальнем Востоке (2000–2005) К. Пуликовского, прославившегося своими особыми отношениями с Ким Чен Ир, активное перемешивание ГФИ по регионам, практиковавшееся сначала Л. Драчевским в Сибирском округе (2000–2004), а потом А. Конаваловым – в Приволжском (2005–2008).

Яркой иллюстрацией может служить череда менявшихся ППП в Южном федеральном округе, где за неполные десять лет существования окружного этажа управления сменилось уже пятеро полпредов: В. Казанцев (05.2000–03.2004) – В. Яковлев (03.2004–09.2004) – Д. Козак (09.2004–09.2007) – Г. Рапота (10.2007–05.2008) – В. Устинов (05.2008–)¹. Из них реальным «наместником» на Кавказе был только Д. Козак, для остальных же, кроме полпредствовавшего во время войны в Чечне генерала В. Казанцева, это была скорее почетная отставка. Д. Козак же, подобно В. Путину в Совбезе, совмещал высокий формальный статус полпреда и председателя специально созданной правительственной комиссии по Южному округу с неформальными связями и влиянием, накопленными в период его работы руководителем аппарата правительства и первым замруководителя администрации президента. Шестой и при этом весьма статусный полпред появился в горской части округа, выделенной в отдельный, восьмой Северо-Кавказский ФО, 19 января 2010 г. Им стал красноярский губернатор А. Хлопонин.

¹ Вторым наряду с Югом округом, привлекающим особо пристальное внимание Центра, является Дальневосточный. Там сменилось четверо полпредов: К. Пуликовский (05.2000–11.2005) – К. Исаков (11.2005–10.2007) – О. Сафонов (10.2007–04.2009) – В. Ишаев (04.2009–). Во всех остальных федеральных округах замен полпредов было меньше, включая Центральный, где все эти годы полпредом является бессменный Г. Полтавченко.

Ослабление президента неминуемо ослабляет и его полпредов. Как тут не вспомнить идеи 2000 г. о введении параллельного института полпредов правительства? Шагом в этом направлении как раз и может стать назначение А. Хлопонина «двойным полпредом» – президента в ранге собственно полпреда и премьера в ранге вице-премьера правительства. А. Хлопонин, таким образом, стал первым полпредом тандема, а не только президента.

Субститутами могут быть не только отдельные узлы системы, но и целые блоки. Это видно на примере кадров. Кадры – это та проблема, с которой власть столкнулась достаточно давно и серьезно, и понятно почему. Тот прилив во власть новых людей, которые был обеспечен десять и более лет назад через публичную политику и связанные с ней механизмы мобилизации, рекрутирования и подготовки кадров, закончился. Проблема встала во весь рост. Интересно посмотреть, как власть пытается с ней совладать.

Отдел кадров корпорации «Россия». Подход к проблеме кадров – хороший пример того, как власть способна искать и находить максимально простые, до примитивного, решения, причем зачастую такие, которые оказываются неадекватными ситуации. Если нет кадров, первое, что приходит в голову, – понять, почему их нет и где те механизмы, которые обеспечивают их воспроизводство. Вместо этого власть сейчас предложила идею кадрового резерва.

Работа по подготовке кадрового резерва – сначала ЕР, а потом президентского – совпала с резким сокращением пространства публичной политики и реализацией курса на резкое усиление роли государства во всех сферах. Как это выглядит на практике? Прекрасным примером может служить сотня кадрового резерва президента Медведева, которая произвела такое хорошее впечатление на экспертов и внутри страны, и за рубежом. Она получилась следующим образом. Согласно объяснениям главы администрации президента С. Нарышкина, им и В. Сурковым были определены порядка двух сотен экспертов, очень уважаемых людей, имена которых, однако, никто, кроме них, не знает. Все делалось абсолютно не публично. Каждый из этих экспертов составил список тех, кого он считает наиболее достойными людьми. А потом администрация президента свела эти списки воедино.

Возникают сомнения в том, как это проводилось, насколько их свели или насколько

подогнали под чей-то личный список. Но возник список из тысячи человек, из них выбрали сотню самых положительных, самых привлекательных людей и объявили, что это и есть кадровый резерв президента, а дальше будут кадровые резервы на других уровнях власти. Саму тысячу представить так и не удалось, и в самом конце года вместо нее появился дополнительный список 500.

Итак, вместо публичного механизма — публичный результат непубличного. В чем смысл? В очередной декларации о намерениях? Неэффективная система не в состоянии эффективно подбирать кадры — это как барон Мюнхгаузен, вытаскивающий себя из болота за волосы. Собственно, проблема заключается не в том, что механизма отбора нет. Он есть, но он неэффективен или даже контрпродуктивен.

Почему такой подход не в состоянии решить проблемы? Можно, допустим, найти приличных людей. Но проблема системы не в том, что люди, которые сидят на разных позициях, неприличные. Можно посмотреть на лица власти сейчас и согласиться с теми, кто говорит, что вполне они себе интеллигентные. Но устройство системы такое, что все эти люди не образуют эффективно действующий механизм. И до сих пор не видно ни осознания данного обстоятельства, ни попытки изменить ситуацию и исправить этот механизм.

Как это работает? Здесь можно обратиться к назначениям губернаторов последнего времени. После того как в 2008 г. назначили сначала Бориса Эбзеева в Карачаево-Черкесии, а потом Никиту Белых в Кировской области, у некоторых возникла иллюзия, что мы видим новую систему назначений, подбора людей, где все-таки критерий наличия опыта в публичной политике, молодость играют какую-то роль. Назначения, которые сделаны в 2009 г., совсем другого рода. Они продолжили не новую, а старую, аппаратно-бюрократическую линию. Исходной позицией является то, что страна — это огромная корпорация. В ней есть разные отделы, департаменты, в том числе и регионы. И легко человека из одного отраслевого департамента пересадить в департамент региональный, предполагается, что он справится с ситуацией. Отсюда — замминистра сельского хозяйства можно назначить губернатором чужой для него аграрной области, а министра — губернатором другой, более крупной области. Когда ищется кандидат в губернаторы Мурманской области, демонстрируется более сбалансированный подход и предлагается человек,

у которого есть опыт работы на подводных лодках и опыт руководства комитетом по рыбе, что является важным для Мурманской области. Две эти составляющие делают человека абсолютно пригодным к тому, чтобы возглавить регион, причем в ситуации кризиса.

Переход в 2009 г. от номинирования кандидатов в губернаторы полпредами к их номинированию доминирующей партией «Единая Россия» не сделал процедуру подбора кадров на губернаторские посты более эффективной, но сделал ее более прозрачной и публичной. К концу 2009 г. ЕР был номинирован 51 кандидат в 15 регионах, из которых назначения до конца года прошли только в пяти случаях: в Свердловской, Астраханской, Курганской, Волгоградской областях и Марийской Республике. Число кандидатов в региональных списках варьирует от 3 до 5. В их составе повсеместно, кроме Еврейской АО, присутствуют действующие главы (назначены в 3 случаях из 5), помимо которых в списках представлены также (1) вице-губернаторы и главы региональных правительств (присутствуют в 9 регионах из 15, причем в одном — Волгоградской области из этой категории вышел новый губернатор); (2) спикеры региональных парламентов (6 регионов); (3) депутаты Федерального Собрания (5 регионов); (4) чиновники федерального правительства (4 региона, включая Свердловскую область, где один из них получил губернаторский пост); (5) мэры (2 региона) и (6) ректоры университетов (2).

Субституционализация и принятие решений.

Помимо проблем, связанных с собственно кадрами, системной подготовке которых при неработающих институтах и слабости публичной политики неоткуда взяться, есть и проблема принятия решений. Раз нет институтов и основанных на них механизмов принятия решений, позволяющих учитывать интересы различных элитных групп, то а) должны изобретаться альтернативные способы принятия решений; б) качество и скорость (своевременность) принимаемых решений ухудшаются.

Участившиеся в последнее время сбои при принятии решений свидетельствуют о падающей эффективности системы и нарастающих дисфункциях в ней. Наиболее яркие случаи, когда уже сделанное и объявленное решение приходится существенно корректировать или даже отменять, — это замена ЕСН страховыми платежами, а вступление в ВТО — Таможенным союзом, закон о регулировании торговой

деятельности, повышение транспортного налога и последующий отказ от него. Во всех этих случаях решения, принятые премьером волевым образом в отсутствие работающей системы согласования интересов, оказывались недостаточно сбалансированными, и впоследствии они изменялись или отменялись под давлением обстоятельств и тоже волевым образом. Можно привести еще целый ряд эпизодов: резкое заявление премьера летом 2008 г. по Мечелу, вызвавшее обвал на рынке, «дело Чичваркина», Черкизон (Черкизовский рынок) и много других более мелких случаев, когда непродуманное и неумелое вмешательство властей, осуществляемое часто в чьих-то корпоративных, ведомственных или даже личных интересах, ведет к серьезным имиджевым и экономическим потерям для страны. Есть, наконец, странная и в целом контрпродуктивная газовая война с Украиной в январе 2009 г. Она не только больно ударила по имиджу России и привела к прямым финансовым потерям от недопоставок газа, но и способствовала существенной утрате Газпромом в 2009 г. позиций на европейских рынках.

Причинами участвовавших сбоев с принятием решений являются: уменьшение общего объема ресурсов и обострение конкуренции за них, необходимость принятия нестандартных решений в более жестких временных условиях, низкая управленческая эффективность и пресловутое ручное управление при недостаточной квалификации управленцев, отсутствии фильтров и механизмов «защиты от дурака». К тому же деинституционализация и субституционализация ведут к уходу дискуссий по важнейшим проблемам из публичного пространства вглубь, в недра административной системы, где субординация «затыкает рот» чиновникам и возможны только межведомственные сшибки. В случае такого рода сшибок есть единственный арбитр — В. Путин, к которому апеллируют противоборствующие группы.

Заметим, что в условиях реального разделения властей по горизонтали и по вертикали, никакое решение не может считаться окончательным, пока за него не выскажется первое лицо. При этом факт принятия решения не влечет за собой автоматическую его реализации.

Деинституционализация приводит к несоответствию реальных механизмов принятия решений формальным, прописанным законодательством.

Подобно тому, как на телевидении исчез прямой эфир, происходит исчезновение ме-

ханизма прямого действия при институционализированном принятии решений. Если «управляемая демократия» заключается во вмешательстве в работу демократических институтов «по ходу», то сверхуправляемая — в исключении прямого действия даже в отношении управляемых институтов, в превращении институтов во вспомогательные, а механизмов в консультативные.

Получают распространение такие формы, как практика «нулевого цикла», когда основные согласования происходят, скажем, не после внесения правительством законопроекта в Думу, а до (нулевые чтения), или праймериз «по-единоросски», когда результат предварительного голосования не является окончательным и может быть подкорректирован.

То же происходит и при назначении губернаторов. Формально федеральное руководство ЕР предлагает список своих кандидатов президенту, а тот делает выбор. На деле же процедура оказывается более сложной и многоступенчатой: сначала Кремль выдвигает и обкатывает на местах свои кандидатуры, а потом уже, будучи согласованными со всеми сторонами, эти кандидатуры объявляются официально. Внешне такая процедура не дает сбоев. По существу же она подменяет процесс публичных согласований кулуарным торгом, что ведет к снижению качества принимаемых решений и ответственности участников, росту политической коррупции.

Часто происходит подгонка решения под нужный политикам ответ. Экспертное и аналитическое обеспечение осуществляется не на этапе подготовки и принятия решений, а на этапе доведения принятых решений до граждан, превращаясь, по сути, в пропагандистское сопровождение действий власти.

Вместо демократической «ясности процедуры — неясности результатов» имеет место «неясность процедуры — ясность/заданность результатов» с неизбежным следствием в виде роста издержек.

В процессе принятия решений недостает публичности. Вместо этого подготовка решений характеризуется атмосферой особой скрытности, осуществляется как спецоперация. В свое время эту принципиальную позицию хорошо продемонстрировал В. Путин, когда в начале 2000 г., отвечая на вопрос о содержании его президентской программы, он заявил, что не будет обнародовать ее раньше времени — до выборов, чтобы другие не позаимствовали.

Раз нет публичных обсуждений, нет авторов — нет и ответственности, все «вешается»

на рейтинг первого лица. Авторы первой масштабной путинской реформы — федеративной (на деле антифедеративной) — мы так и не знаем. Анализируя ее с точки зрения субъектов и объектов, можно только догадываться, что разрабатывалась она в недрах закрытых аналитических структур при ФСБ.

В этой искаженной системе координат возникает своя мотивация акторов, нацеленная не на оптимизацию общего результата, а на оптимизацию личных и корпоративных выгод даже путем продавливания заведомо неверного или неэффективного решения. Этому способствует непрозрачность реальной процедуры, отсутствие персональной ответственности за принимаемые решения и жесткого контроля за качеством на выходе.

В результате, каждый раз, когда появляется какой-то новый масштабный проект, под него создаются специальные управленческие структуры. Это было с нацпроектами, теперь это повторяется с президентской комиссией по модернизации и технологическому развитию экономики¹. Показательно и то, что даже работа по реализации ежегодных президентских посланий проводится по «специальной» управленческой схеме с рабочими группами в президентской администрации (сейчас и в Минрегионразвития) и в каждом регионе.

Мы говорили о примитивизации принимаемых решений и управленческих схем. Это верно в общем и целом, хотя в каждом конкретном случае выстраиваемая СУД управленческая схема может оказаться более громоздкой и сложно выглядящей в сравнении с «естественной» — как механический аналог живой природы сложнее своего природного прототипа.

В июле 2009 г. Совет Федерации отклонил законопроект о создании малых инновационных предприятий при вузах. Идею поддерживал президент Д. Медведев, против выступал Минфин. В ответ президент потребовал собрать уже ушедшие на летний отпуск две палаты Федерального собрания, и после внесенных согласительной комиссией декоративных корректив закон был принят. Конфликты между администрацией президента и правительством

¹ Сам Медведев задачу Комиссии сформулировал следующим образом: «Главная задача Комиссии заключается в том, чтобы продавливать сложные решения, и я без всякого стеснения об этом говорю. В противном случае Комиссию не было бы смысла создавать: у нас есть Правительство, там много министерств и ведомств, которые свои задачи обязаны решать. Но с учетом того, что мы не со всеми задачами способны справиться, у нас огромное количество рутинных обязанностей, в которых все мы киснем. Комиссия как раз должна делать именно такую работу». — <http://news.kremlin.ru/transcripts/5647>

случались и раньше, хотя не всегда были столь публичны, — и по закону о страховании вкладов, и по закону об экономических зонах, и по поправкам в Бюджетный кодекс по инвестиционному фонду. Апофеоз — борьба вокруг закона о торговле.

Работоспособность субституты напрямую связана с рейтингом. По сути, сами субституты — это тот же рейтинг, прорастающий в разные стороны. С его понижением упадет и функционал субституты — «высота и жесткость костылей».

Рейтинг — наше все. В свое время генерал полиции В. Черкесов, бывший одно время полпредом президента в Северо-Западном округе (2000–2003), в своем удивительно откровенном выступлении по поводу «войн спецслужб» говорил, что чекисты — это крюк, на котором повисло постсоветское общество и который не дает ему упасть в бездну и разбиться вдребезги². Если чекисты — это внутренний крюк, то рейтинги доверия лидеру — крюк внешний. При отсутствии сильных институтов доверие лидеру — это единственная база легитимности, база, обеспечивающая относительную политическую стабильность системы, не дающая ей «упасть в бездну и разбиться вдребезги».

Рейтинг одобрения В. Путина зашкаливает в настоящее время на уровне порядка 80%³. Между тем в кризис логично ожидать снижения рейтинга. Американский исследователь Дэн Трейсман показал прямую связь рейтинга российского президента (Ельцина и Путина) с ростом доходов: экономики в целом и граждан⁴. Сейчас экономическое здоровье пошатнулось, но правительство упорно продолжает популистский курс — уже не благодаря экономике, а вопреки ей. Понятно, что долго так продолжаться не может, поэтому, если кризис продлится дольше, чем на это закладывается правительством, то в какой-то момент подпирать рейтинг окажется нечем. И рейтинг, который все это время искусственно поддерживался на высоком уровне (в том числе бодростью чиновников и официальных СМИ по поводу кризиса), может рухнуть. Политические последствия от резкого его обрушения будут значительно более серьезными, чем если бы ему дали сползть постепенно.

² Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы войны превратились в торговцев // Коммерсант. 2007. № 184.

³ См.: <http://www.levada.ru/press/2009112600.html>

⁴ См.: Treisman D., The Popularity of Russian Presidents // <http://www.hse.ru/data/351/229/1237/paper-Treisman.pdf>

Проблема рейтинга, который время от времени порывается снизиться, и страх перед повторением «монетизационных» социальных протестов в 2005 г. заставляют правительство тратить колоссальные средства на популистские шаги вроде опережающего роста зарплат и пенсий. При этом ножницы между экономическими возможностями проведения популистского курса и политической его целесообразностью вследствие приближающихся выборов в ближайшие два года будут только возрастать.

Все это делает не только В. Путина, но и всю систему заложниками рейтинга. С какого-то момента не рейтинг работает на систему, а она на него.

Кризис и окно возможностей. Обрисованная здесь картина дает мало оснований для оптимизма. Года полтора назад можно было говорить о том, что существенная модернизация политической системы изнутри неизбежна. И дело было не в ожидании оттепели с инициированной властью политической либерализацией сверху, а в том, что либерализация политической системы — реактивная, а не инициативная — виделась как способ ее выживания перед лицом новых вызовов и импульсов снизу. Если еще некоторое время назад, в первой половине 2009 г., власть, испугавшись кризиса, предприняла ряд шагов, направленных на смягчение избирательных практик, на введение некоторых элементов политической конкуренции, пусть и ограниченной рамками «Единой России», на диалог с регионами, то сейчас, похоже, все это кончилось, поскольку власть уверовала: самое плохое позади и можно не усложнять себе жизнь. По-видимому, надежды на ускоренную политическую эволюцию можно оставить, и развитие будет происходить через кризис.

Кризис возможен как минимум по трем причинам. Это (1) исчерпание ресурсов для сохранения поддерживающей сейчас патерналистской модели в отношениях и государства с гражданами, и Центра с регионами; (2) управленческий сбой, спровоцированный самой системой, который может вызвать серьезный политический конфликт; (3) возникновение локального кризиса — по технологическим, экономическим или другим причинам, например, вследствие этнокланового конфликта, разрастающегося в политический из-за неспособности системы его оперативно разрешить или купировать.

Как может происходить развитие событий в этом случае?

Сначала уйдет тандем, потом Путин, а с ним и система сверхуправляемой демократии.

С уходом высокорейтингового лидера (это может быть как собственно уход персоны, так и падение рейтинга), как в полночь в «Золушке», преобразится весь политический ландшафт. С исчезновением волшебной силы рейтинга посыплются все субституты: карета ЕР превратится в тыкву, кучер — в крысу и т. д. Начнут строиться коалиции более слабых акторов, естественным образом возрастет роль институтов — правительства, Федерального собрания, высших судов, политических партий. К сожалению, в своем нынешнем виде они вряд ли готовы к более самостоятельной роли, но важно, чтобы был запущен механизм, и тогда процесс политического развития пойдет сам, естественным образом. Роль такого механизма, объединяющего действия разных частей политической системы, должны сыграть выборы, которые в отсутствие надутого рейтинга станут более конкурентными. Задача заключается в том, чтобы ситуативную, стихийную институционализацию закрепить и превратить в стабильную.

Александр КЫНЕВ

ОСОБЕННОСТИ МЕЖПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: БОРЬБА ГРУПП ВЛИЯНИЯ И ИМИТАЦИЯ ПАРТИЙНОСТИ

Несмотря на формально введенную еще в 1990 г. многопартийность и формальное нормативное усиление роли партий в условиях принудительного введения смешанной или полностью пропорциональной избирательной системы на региональных выборах (начиная с 2003 г.), сами российские партии по своей природе далеки от партий в иных странах мира, а межпартийная борьба в России существенно отличается от того, что происходит в странах «традиционной» демократии. Главная ее особенность: реальная борьба в регионах шла ранее и идет сейчас преимущественно не между партиями, а в первую очередь между региональными группами влияния (кланами, клиентами, бизнес-группами). Сами же структуры, именуемые в России «партиями», — это во многом не объединения граждан для совместной защиты общих интересов, а скорее механизм государственного контроля над политической активностью граждан. Работает этот механизм через фактический контроль государственной бюрократии над организациями, которым государство все в большей степени предоставляет право посредника-монополиста и к которым граждане вынуждены обращаться для реализации своего права быть избранным. В результате партии в России в значительной степени — это просто зависимые от государства предприятия, оказывающие специфический вид услуг, а именно выдвижение кандидатов на выборах. Степень престижности партии и ее близости к бюрократии определяет большую или меньшую дороговизну ее услуг и привлекательность для потенциальных кандидатов, которые, исходя из меняющейся конъюнктуры, постоянно меняют партий-партнеров для участия в выборах. При этом сам выбор поставщиков услуг на этом рынке постоянно сокращается. В результате на каждом электоральном цикле в регионах отмечается массовая смена клиентами (т. е. кандидатами) поставщиков услуг (т. е. политических партий): кандидаты с легкостью переходят из формальных либералов в формальные коммунисты или националисты и наоборот: в любом направлении, из любых

партий в случае возможности оказываются в «партии власти» (специфический российский термин, который обозначает отличие представления о «правлящей партии» с представлением о партии, созданной при власти как инструмент выказывания к власти своей лояльности и поддержки, но саму власть никаким образом не формирующей) и т. д.

Почему такая система сформировалась и как она работает на практике в настоящее время в регионах?

Партии без парламентаризма. Типичной ошибкой многих, как российских, так и зарубежных, исследователей при анализе российской политической практики является восприятие и анализ деятельности институтов исходя из их формальных названий. Однако особенность российской политики в целом — постоянное стремление подменять содержание тех или иных понятий и институтов, в результате которого под формально такой же вывеской, как и в странах Запада, скрывается совершенно иное содержание. Формируется своеобразный институциональный контрафакт, порой не имеющий к своей формальной этикетке почти никакого отношения. Критика же этого несоответствия со стороны аналитиков в качестве защитной реакции российской властной элиты ведет к попыткам выдвинуть оправдывающие это несоответствие новые понятия. Самый яркий пример здесь — предложенный заместителем главы администрации президента РФ Владиславом Сурковым термин «суверенная демократия».

Избирательная реформа в России идет перманентно — с 2000 г. ежегодно происходит постоянное внесение поправок в законодательство о политических партиях и собственно партийное законодательство. Почти все они обосновываются теми или иными примерами международного опыта и публично мотивируются как якобы «укрепление партийной системы». При этом старательно обходится такой вопрос, как системные взаимосвязи различных

норм партийного и избирательного законодательства. Известно, что любой правовой механизм действует только в условиях определенной комбинации других норм и имеет множество разновекторных последствий, порождая те или иные стимулы в разных условиях.

Российские же законодатели часто бессистемно выхватывали из разных систем те или удобные им в данный момент в разных целях механизмы и имплантировали их в российское законодательство, зачастую не задумываясь о том, что последствия введения данной нормы в иных условиях, нежели те, в которых она ранее применялась, будут совсем другими. В некотором роде можно говорить о «системной бессистемности» современного российского партийного и избирательного законодательства. Постоянно меняя закон без учета комплексных последствий изменений и противоречий с последствиями действий других норм, власти неизбежно получали «побочные следствия». Экстренным путем таким же образом боролись с «побочными следствиями», потом с побочными следствиями побочных следствий и т. д. В результате взаимное противоречие системы стимулов, которые создают разные законы, начинает превышать все разумные пределы, а последствия реализации многих законов оказываются прямо противоположными задуманному.

При этом одним из типичных мифов и манипуляций при оправдании тех или иных избирательных реформ является представление о достоинствах и недостатках пропорциональной и мажоритарной избирательной систем. Дело не только в том, что на практике существует огромное количество избирательных систем как в рамках этой условной дихотомии, так и множестве иных систем, комбинирующих те или иные элементы мажоритарных или пропорциональных выборов и примитивное противопоставление «мажоритарное или пропорциональное» во многом является ложным. Фактически есть набор механизмов (способ голосования, структура бюллетеня, система регистрации партий и кандидатов, система определения победителя и т. д.), комбинируя которые можно получать совершенно разные результаты так же, как из ограниченного числа химических элементов можно получить огромное число разнообразных веществ.

Однако самое главное — собственно избирательное законодательство в его узком понимании как нормы, описанной в законе о выборах, является лишь частью избирательного законодательства в широком понимании, которое так-

же включает законодательство о политических партиях и заложенную в Конституции страны систему норм и стимулов в виде той или иной конфигурации государственных институтов. Проще говоря, вопрос не только в том, за кого голосуют избиратели — партийные списки или кандидатов в округах, а в том, до какой степени закон дает гражданам право свободно становиться кандидатами. Так в условиях мажоритарной системы можно создать такую систему регистрации кандидатов, что граждане фактически будут лишены права свободно баллотироваться, а при пропорциональной избирательной системе многое зависит от того, до какой степени закон позволяет гражданам свободно создавать партии. При этом любые манипуляции с законодательством о политических партиях и избирательным законодательством не могут дать реальной мотивации к возникновению реальных партий при отсутствии у тех органов, в которые списки партий баллотируются, реальной власти. Известно, что появление современных политических партий является прямым следствием развития парламентских институтов и появления теории политического представительства. Чем больше в ходе исторического развития возрастали функции и независимость представительных органов, тем все более их члены ощущали потребность объединений по тому или иному признаку, чтобы совместно действовать. В России же в условиях, когда парламент, согласно Конституции 1993 г., оказался изначально лишен своих традиционных функций и не влияет на кадровые назначения в правительстве, но при этом президент получил фактические неограниченные полномочия, включая право на роспуск парламента, постепенная деградация общественных структур, вырождение механизма выборов, сворачивание свободной политической конкуренции и появление «управляемой партийности» стали совершенно закономерными. Это, в свою очередь, еще более способствовало постепенному усилению режима единоличной власти и невозможности развития нормальной партийной системы.

В условиях отсутствия обладающих реальной властью представительных органов существование партий лишается реальной мотивации в глазах граждан. В таких условиях заведомой невозможности реализации партиями своих программ межпартийная конкуренция превращается из борьбы идей и программ просто в борьбу за набор парламентских должностей и мандатов (фактически в борьбу за

удовлетворение личных амбиций кандидатов), а программно-идеологическое противостояние (а следовательно, выражение партиями интересов тех или иных групп избирателей) приобретает имитационный характер. Следствием такой имитационности становится массовое недоверие граждан к политическим партиям, которое уже длительное время фиксируют все опросы общественного мнения в России.

В дополнение к этим порождаемым институциональным дизайном стимулам, доминировавшая до 2002–2003 гг. в большинстве регионов РФ мажоритарная избирательная система (за редким исключением регионов со смешанной избирательной системой и многомандатными округами) делала невыгодным выдвижение на выборах от партий даже заведомо партийных кандидатов – независимо от того, проходили выборы в один или два тура. В этой системе партийные кандидаты, как правило, соревновались с независимыми. Соответственно, главным вопросом было не то, победит ли одна партия другую, а в том, есть ли вообще партия, дающая своему выдвиженцу какое-либо преимущество над беспартийным соперником¹. Так как все партии ориентировались на выборы Государственной Думы РФ и на свою узкую электоральную нишу (именно такую тактику политических партий стимулирует пропорциональная избирательная система) и партийный бренд в большинстве случаев скорее сужал, чем расширял электоральную нишу кандидата (кроме кандидатов, вообще не имеющих собственного политического лица), то чаще всего подобная система вела к ситуации, когда в легислатуру проходили либо беспартийные ставленники исполнительной власти, либо выдвиженцы компартии, подавляющее же число депутатов законодательных собраний, избираемых по данной системе, были беспартийными².

В результате кумулятивного эффекта всех этих и некоторых других факторов в конце 1990-х гг. в РФ повсеместно шло ослабление и деградация партийных структур в регионах, их вытеснение в маргинальную часть местной политической элиты. В традиционно политически активных регионах даже заведомо партийные кандидаты в 2000–2003 гг. зачастую тщательно скрывали свою партийную принадлежность,

а сами организации партий, как правило, не принимали непосредственного участия в выборах, так как перед ними стоял выбор: или побеждать, объединяя различные интересы разных групп и клиентел, или просто раскручивать бренд партии в расчете на ее федеральный имидж и проигрывать.

Общее снижение роли партий на региональных выборах к началу 2000-х гг. наглядно продемонстрировано результатами проведенного автором весной 2003 г. исследования партийного состава законодательных собраний российских регионов³. В качестве индикаторов оценки использованы два показателя: заявленная партийность кандидата на выборах и реальная партийность избранного депутата (зачастую избранный как независимый депутат вскоре вступал в ту или иную партию – часто «партию власти»). Иные возможные индикаторы (устойчивость фракционно-партийной структуры, внутренняя сплоченность и т. д.) в российских условиях в то время были не применимы из-за отсутствия подобной статистики в большинстве регионов. По данным этого исследования в большинстве регионов в третьем электоральном цикле (2000–2004), по сравнению со вторым, произошло снижение заявленной на выборах партийности избранных депутатов, оно отмечено в 38 регионах. Еще в 18 регионах заявленная партийность почти не изменилась, а в 10 регионах осталась фактически нулевой. Только в 18 регионах был отмечен рост заявленной партийности, причем в большинстве случаев он носил «технический характер» – от одних низких показателей к другим, тоже низким. Там, где партии играли относительно существенную роль (Свердловская область, Красноярский край), это были преимущественно сугубо региональные политические образования вокруг местных харизматических лидеров, а не политических программ.

Массовым к началу 2000-х гг. являлась и беспартийность губернаторского корпуса, предпочитавшего выступать в образе «крепких хозяйственников». В избирательных кампаниях губернаторы тщательно дистанцировались от чрезмерного публичного ассоциирования с образом какой-либо партии, традиционно выступая в роли консолидаторов разных интересов, постоянно использовали лозунги о том, что кандидат N – это «кандидат всех жителей региона».

³ См.: Глубоцкий А., Кынев А. Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов // Политические исследования. 2003. № 6.

¹ См.: Петров Н. Выборы органов представительной власти // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 3–4.

² См.: Голосов Г. Измерения российских региональных избирательных систем // Политические исследования. 2001. № 4.

Таким образом, к моменту начала региональной избирательной реформы в 2002–2003 гг. политические партии в большинстве регионов находились на периферии политической жизни, существуя зачастую фиктивно или находясь в латентном состоянии в виде некоего местного активиста, хранящего в рабочем столе печать отделения некой партии. В подобных условиях фактическое предоставление партиям полномочий монопольных посредников на реализацию права граждан баллотироваться явно противоречило их реальной политической роли. С одной стороны оказались не имеющие статуса, денег, власти хозяева структур со статусом партий и с формальным правом выдвигать кандидатов, а с другой – все заинтересованные в участии в выборах бизнесмены, местные руководители и т. д. Встреча спроса и предложения не могла не создать условия для политической коррупции, не имеющей ничего общего ни с формальной идеологией партий, ни с интересами избирателей.

Можно констатировать: антидемократично внутренне устроенные, полностью зависимые от своего руководства, которое может в любой момент исключить из партии любое число членов и набрать новых, но при этом получающие все больше прав для реализации права выдвижения кандидатов и не имеющие возможности реализовать собственные программы, «партии» в России в таких условиях не могли не превратиться в специфический вид бизнеса.

Причины и смысл избирательной и партийной реформы в России 2000-х гг. Учитывая вышеизложенное, т. е. изначальное системное препятствие развитию многопартийности в России в виде отсутствия в Конституции страны механизма нормального разделения властей и существование режима гиперпрезидентской республики, возникает вопрос: а для чего тогда вообще понадобилось вводить репрессивное партийное законодательство, смешанную избирательную систему в регионах и полностью пропорциональную избирательную систему на выборах Государственной Думы РФ, лишившую регионы своих персональных представителей в федеральном парламенте?

Единственный внятный ответ на данный вопрос: стремление в максимальной степени лишить влияния региональные политические элиты, поставив процесс отбора кандидатов на выборах в регионах, а также саму деятельность региональных представительных органов под максимально возможным контролем федеральной власти. Несомненно, что важнейшей пред-

посылкой было стремление федеральной власти довести систему административного контроля над обществом и регионами до «логической полноты», где даже слабые представительные органы власти воспринимались как потенциальная угроза стабильности и монополии на власть правящей группы, а самостоятельность региональных элит – как угроза сепаратизма.

Реальное содержание и смысл реформы выборов региональных и федерального парламентов в России тесно связаны с общим курсом всей политики российской власти в отношении как российских регионов, так и политических прав и свобод граждан страны в целом.

Существенное изменение политического и административного ландшафта российских регионов, начиная с прихода к власти президента РФ В. Путина в 2000 г. и особенно с началом его второго президентского срока в 2004-м, стало закономерным следствием общего изменения политического курса руководства страны, централизации системы управления во всех сферах и общей унификации правил политической и экономической жизни.

Развитие политических систем российских регионов в 2000–2008 гг. так же, как и в 1990–2000 гг., во многом повторяло основные черты эволюции политической системы страны в целом. К концу 1990-х все российские регионы в той или иной степени были подобием президентской республики на федеральном уровне, где вся исполнительная власть реально принадлежала одному лицу – избираемому населением губернатору (региональному президенту). Фактически подобная система взаимоотношений центра и регионов напоминала полуфеодалные взаимоотношения короля и феодалов по принципу «вассал моего вассала мой вассал». Центр фактически закрывал глаза на растущие примеры произвола властей в регионах в обмен на лояльность губернаторов и обеспечение нужных результатов на федеральных выборах.

Подобная система, с одной стороны, вызвала все больше критики экспертов и правозащитных организаций как ведущая к нарушению единого правового пространства страны и прав человека. С другой – она породила недовольство и самой федеральной власти перед угрозой появления в 1998–1999 гг. «партии губернаторов» «Отечество – Вся Россия» во главе с мэром Москвы Ю. Лужковым, президентами Татарстана и Башкортостана М. Шаймиевым и М. Рахимовым. «ОВР» претендовало на приход к власти в ходе предстоящих президентских и парламентских выборов.

Ответом федеральной власти стало создание в 1999 г. блока «МЕДВЕДЬ» (Межрегиональное движение «ЕДИНСТВО»), выступившего фактически с программой наведения порядка, фактическим лидером которого стал новый премьер Владимир Путин. Выступая преемником президента Ельцина, В. Путин фактически немедленно начал реализовывать комплекс мер по ограничению политических возможностей региональных элит, проигравших борьбу за федеральную власть в 1999 г.

В ходе первого срока президентства В. Путина с «губернаторской вольницей» во многом было покончено. Губернаторы утратили возможности контроля над силовыми структурами, членство в Совете Федерации, был отменен принцип «двух ключей» в вопросах недропользования, началось приведение региональных конституций и законов в соответствии с федеральным законодательством и т. д.

Основным содержанием новой региональной политики стала система построения различных вертикалей, подчиненных напрямую федеральному центру — ведомственных, корпоративных и т. д. Партийно-избирательная реформа явно дополняла эти вертикали стремлением к построению вертикали партийной.

Сначала в 2001 г. был принят федеральный закон «О политических партиях». Согласно этому закону, политические партии с 14 июля 2003 г. стали единственным видом избирательного объединения на федеральных и региональных выборах — таково было первое существенное изменение партийно-избирательной системы. Проще говоря, были запрещены региональные политические партии и одновременно сокращено число тех, кто имеет право принимать участие в выборах и на федеральном уровне. Затем в 2002 г. был принят новый закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», который обязал регионы избирать не менее половины депутатов регионального парламента или одной из его палат по пропорциональной избирательной системе.

Одним из главных аргументов сторонников принудительного введения в регионах смешанной (пропорционально-мажоритарной) системы было то, что усиление «партийной вертикали» наряду с усилением судебной, прокурорской, налоговой и т. д. будет способствовать усилению единства страны и ее внутренней интеграции, т. е. региональные парламента должны были оказаться зависимы от федерального центра не в меньшей степени, чем от собственно региональной власти.

Каким образом избирательная и партийная реформа позволяла выстроить эту партийную вертикаль? Что касается механизма контроля над партиями, то он осуществляется следующим образом. Предусмотренный в федеральном законе «О политических партиях» механизм их создания предусматривает создание партий не путем постепенного аккумулирования местных инициатив (т. е. снизу вверх), а путем фактического найма региональных структур федеральными органами партии (т. е. сверху вниз) в крайне сжатые временные сроки. При этом в момент создания партия, согласно редакции закона 2001 г., должна была одновременно доказать наличие не менее 10 тысяч членов, с 1 января 2006 г. эта цифра была увеличена в 5 раз, до 50 тысяч. При этом на каждого члена партии нужно предоставить пакет документов, доказывающих его принятие в партию с момента проведения съезда до момента подачи документов на регистрацию. Так как до регистрации самой партии право приема в партию имеет только избранное на съезде руководство партии, то все 50 тысяч должны быть приняты в партию решениями ее центрального руководства.

При этом доказанная численность членов партии более чем в половине регионов должна составлять с 1 января 2006 г. не менее 500 человек, в остальных регионах — не менее 250 человек. Иными словами, пока в регионе желающих вступить в партию не наберется хотя бы 250, вступить в партию в реальности не может ни один из них. Практика свидетельствует, что к проверке данных о численности членов партии активно привлекаются правоохранительные органы. Учитывая российскую практику, нетрудно предположить: граждане зачастую отказываются официально подтверждать представителям власти свое партийное членство, особенно если речь идет об оппозиционной партии.

Если каким-то образом партия прошла проверку на наличие минимальной численности, Минюст признал ее устав и иные документы съезда, то после этой «условной» регистрации на федеральном уровне партия, в течение 6 месяцев вновь подавая все доказывающие численность документы, должна зарегистрировать региональные отделения не менее чем в половине субъектов Федерации, регистрирующие органы которых зачастую занимаются прямым саботажем и вымогательством. Если за 6 месяцев партия не успевает провести эту процедуру, то решение о ее регистрации отменяется.

Не секрет, что к 2001 г. все партии в России были кадровыми и не имели никакой объектив-

ной потребности в массовом членстве. Таким образом, принудительные требования о массовости изначально имели единственную цель — создать дополнительные цензы для регистрации и существования партий, так как подавляющее большинство партий, даже довольно известных по российским меркам, не имело к 2001 г. реальной численности в 10 тысяч членов. По внутренним данным партий, в них было даже менее 5 тысяч членов, обычно на регион партия имела несколько десятков активистов в лучшем случае. Таким образом, закон заставил все партии фактически фальсифицировать отчетность и принимать в свои ряды фиктивных членов в виде друзей, соседей, подчиненных и т. д. Таким образом, доказать несоответствие формальных и реальных данных оказывалось только вопросом желаний проверяющих и регистрирующих органов.

В результате фактически и на региональном, и на федеральном уровнях процедура создания партий носит разрешительный характер. Для сдачи отчетности в каждом регионе, где партией зарегистрировано региональное отделение, она фактически обязана содержать как минимум бухгалтера, что означает наличие дополнительного имущественного ценза для создания партий и сохранения ими своего правового статуса. Законодательно закреплено правовое неравенство партий, уже представленных в Госдуме, которые регистрируют своих кандидатов без сбора подписей и залогов, имеют привилегированное положение при формировании избиркомов, и всех остальных политических партий.

При этом в России отсутствует равное отношение контролирующих органов к различным политическим партиям и общественным организациям, применение к их деятельности единых стандартов и санкций за нарушение норм законодательства. Сами федеральные органы исполнительной власти, отвечающие за регистрацию партий и контроль за их деятельностью, напрямую назначаются президентом РФ и подотчетны ему. Фактически исполнительная власть зарезервировала за собой исключительное право решать, кого допускать к выборам представительной власти, а кого нет. Этот эффект еще более усилили нормы о государственном финансировании выживших партий, набравших на выборах Госдумы РФ более 2% голосов.

Таким образом, российский закон «О политических партиях» фактически стал законом о государственном контроле над политическими партиями. Не удивительно, что с конца 2003 г.

по настоящее время число зарегистрированных в стране партий сократилось с 44 до 7. При этом, по итогам проверки соответствия их деятельности и численности, большинство ранее существовавших партий было ликвидировано. Единственной новой партией, которая смогла за все эти годы выполнить требования закона и получить легальный статус, стала партия «Правое дело», в которую вошли лица, близкие к окружению первого заместителя главы администрации президента РФ В. Суркова. По различным поводам не получили официальной регистрации реально существующие и достаточно массовые партии «Великая Россия», НБП, Народно-демократический союз бывшего премьер-министра М. Касьянова и т. д. Закон о партиях применялся и для принудительной смены нежелательного руководства тех или иных партий, когда провоцировался раскол в партии, а затем органы юстиции признавали правомочной только лояльную власти группу или же отменяли итоги съезда, лишая партию руководящих органов и обрекая ее на ликвидацию. Такие санкции пережили Российская партия пенсионеров, Демократическая партия России, «Родина», Республиканская партия, Социалистическая единая партия России и др.

Репрессивную природу партийного законодательства дополнило законодательство избирательное.

В условиях, когда не менее половины региональных депутатов избираются по «закрытым» партийным спискам со строгим иерархическим порядком кандидатов в нем, установленным партийным руководством, а сами партии при этом находятся в прямой зависимости от контролирующих их деятельность органов исполнительной власти, контроль последних над партиями, по сути, превращается в их косвенный контроль над депутатами¹. Внедрение же запретов партиям выдвигать в составе своих списков членов иных партий и избранным депутатам от партий в течение созыва вступать в иные партии (введен в 2006 г.) еще более ужесточает контроль партийной бюрократии над избранными от партий депутатами. Весной 2007 г. в законодательство включены поправки, согласно которым замещение вакантных депутатских мандатов в Госдуме РФ в ряде случаев будет производиться по решению руководства партии в произвольном порядке независимо от

¹ См.: *Кынев А.* Пропорциональная избирательная система по-российски: ограниченная конкуренция и управляемая партийность // *Российское электоральное обозрение.* 2007. № 1.

того, какие места занимали кандидаты в списке на выборах. Таким образом, сформирована система, где депутаты от партий становятся максимально зависимы от внутривнутрипартийной бюрократии, а внутривнутрипартийная бюрократия от бюрократии государственной. Эта система означает многоуровневую защиту власти от «нежелательной» политической активности граждан. Сначала надо добиться, чтобы партия получила легальный статус, затем желающему баллотироваться кандидату внутри партии нужно достичь согласия с ее лидерами и оформить выдвижение, затем, если избирком признает все документы о выдвижении, то он вначале принимает решение о заверении документов и только потом о регистрации. При этом сохраняется возможность отменить в ходе кампании как регистрацию кандидата, так и оспорить процедуры, проведенные самой партией, уж не говоря о возможностях повлиять на результат манипуляциями при подсчете и голосовании. «Точечные» пересчеты и пересмотры результатов по отдельным участкам существенно изменяли общие результаты на выборах региональных парламентов в Астраханской, Ленинградской областях, Карачаево-Черкессии, Якутии, выборах мэров Барнаула, Жуковского и др.

Влияние реформы на характер партийной системы и положение в партиях. И на федеральном, и на региональном уровнях партии оказались под влиянием нескольких факторов, порожденных как институциональным дизайном федеральной и региональной власти, так и новым избирательным и партийным законодательством.

Во-первых, как уже отмечено, формальное превращение крайне слабых и зачастую фиктивных партий в посредников при реализации гражданами их права баллотироваться изначально несло существенные коррупционные риски. Как и ожидалось¹, стала происходить активная диффузия региональных отделений большинства партий, чья идеологическая самоидентификация и ранее была во многом слабо выраженной по институциональным причинам. Фактическая скупка этих отделений ряда партий лицами, обладающими финансовым и административным ресурсами, закрепляла превращение многих местных партийных отделений в лишённые идеологической окраски пиар-структуры. Несомненно, разные партии и ранее имели разной степени выраженности

идеологические ядра как среди своих активистов, так и среди своих избирателей. У одних партий степень идеологической самоидентификации изначально была более выраженной (как правило, у коммунистов и либералов из СПС и партии «Яблоко»), у других менее. Однако вызванная прагматическо-материальными интересами диффузия все в большей степени стала касаться даже самых идеологически окрашенных партий, стремительно утрачивающих теперь ценностное единство. В результате отделения одних и тех же партий в разных регионах все больше стали отличаться друг от друга как по реальным интересам, так и по заявляемым их лидерами формальным установкам. Даже если партийные лидеры не желали давать в партии слишком сильную власть своим спонсорам, сама крайняя сложность нового партийного законодательства, которое делало невозможным сохранение партиями своего правового статуса и выполнение всей новой отчетности без значимых финансовых и организационных ресурсов, дополнительно способствовала установлению контроля над партийными отделениями тех или иных партий в регионах со стороны бизнеса и/или власти.

Во-вторых, помимо соображений материальной выгоды, партии должны были ориентироваться и на собственно электоральный интерес. Амбиции самих партийных чиновников получать посты на выборах (а для этого необходимо, чтобы за партию были причины голосовать), а также доказывать перед спонсорами свою конкурентоспособность неизбежно предполагали электоральные ограничители чрезмерной финансовой прагматизации кадровой политики партийных боссов – последним приходилось ориентироваться не только на местных «денежных мешков», но и стремиться привлечь неких реально популярных местных политиков. Не секрет, что региональные и местные выборы в России были и остаются крайне персонифицированы. Часть избирателей ориентируются на формальные федеральные бренды, образы и лозунги. Но для очень многих фактор голосования за ту или иную партию является производным от личного отношения к конкретным местным политикам. И удачное сочетание обоих трендов – федерального образа партии и персональной поддержки конкретных политиков – в большинстве случаев представляет собой главный фактор электорального успеха. Именно поэтому во многих регионах голосование формально за одну и ту же партию на региональных и федеральных выборах существен-

¹ См.: Глубоцкий А., Кынев А. Опыт смешанных выборов в российских регионах // Политические исследования. 2003. № 2.

но отличается. Один из самых ярких примеров был в Корякском округе, где на выборах Думы в 2005 г. КПРФ получила 35% голосов, а на федеральных выборах в том же регионе только 10%. Такой результат объяснялся тем, что местный избиратель различал федеральный список во главе с Г. Зюгановым от регионального списка во главе с харизматичной Ниной Солодяковой. В Ставропольском крае первое место на выборах краевой думы в 2007 г. заняла «Справедливая Россия» по простой и понятной причине — ее список возглавил мэр Ставрополя Дмитрий Кузьмин. Ориентация не только на кандидатов с финансовыми ресурсами и бизнес, но и на местных харизматиков также усиливала внутреннюю диффузию федеральных партий в регионах.

В-третьих, усиление контроля над партиями со стороны контролирующих и регистрирующих органов, а также образцово-показательные меры против партий, которые выдвигали слишком нежелательных власти кандидатов, вынуждали партии в выстраивании своих отношений с местными элитами ориентироваться не только на соображения материальной и имиджевой выгоды, но и на мнение тех, от кого зависело сохранение партией своего статуса. Это стимулировало развитие в партиях как самоцензуры по поводу того, кого можно, а кого нельзя выдвигать кандидатом, так и прямых согласований с администрациями списков желательных и нежелательных кандидатов. Стали появляться негласные списки тех, кому в любые партийные списки вход фактически запрещен под угрозой санкций для соответствующей партии или ее отделения. Самый показательный пример — вынужденная ликвидация в 2007 г. Партии Возрождения России после того, как на выборах Законодательного собрания Красноярского края она включила в свой список представителей группы сторонников местного харизматического, но ранее судимого политика Анатолия Быкова, к которому крайне негативно относятся как в региональной администрации, так и в федеральном центре. Чтобы не допустить на региональные выборы сторонников А. Быкова, были отменены итоги всего федерального съезда партии, а затем неизбежно и сама партия прекратила существование.

Несомненно, самый лучший для партии вариант, когда потенциальный кандидат одновременно и выступает как ее спонсор, и имеет личный электоральный рейтинг, да при этом еще и устраивает соответствующие власти. В большинстве же случаев выдвижение кандида-

тов — результат компромисса при решении трех названных задач. Что касается учета мнения рядовых членов партии, ее нижестоящих структур, то оно осуществляется только в рамках второй из названных — собственно электоральной задачи. Если в ряде случаев интересы партийного актива учитывались, то исключительно из прагматических соображений, чтобы не портить результат партии на конкретной территории. Однако нередко решение всех трех названных задач провоцировало конфликты и скандалы, а борьба за контроль над региональными отделениями партий в регионах накануне очередных избирательных кампаний превратилась в привычную практику. Так, на выборах Мурманской областной думы 2007 г. попытка представителей Кольской горно-металлургической компании организовать массовое вступление своих сотрудников в «Единую Россию» и изменить расклад сил внутри организации была немедленно пресечена руководством регионального отделения, которое ориентировалось на компанию «ФосАгро», что вызвало публичный скандал. Подобные скандалы можно найти в деятельности любой из существующих партий. Наиболее часто внезапные замены региональных лидеров (а с ними фактически и всего основного кадрового состава регионального отделения партии) происходят в ЛДПР и «Справедливой России», что говорит о максимальной внутренней неустойчивости данных партий. Интересно, что именно депутаты от этих партий наиболее часто мигрируют в иные партийные проекты, особенно в «партию власти».

Так ЛДПР перед региональными выборами марта 2009 г. одновременно с выдвижением списка сменила руководство регионального отделения партии в Татарстане, которое возглавил 33-летний хозяин ряда транспортных компаний Руслан Юсупов. Пришлось ЛДПР разрешать и конфликт в своем волгоградском отделении. Перед теми же региональными выборами 1 марта 2009 г., которые прошли в 9 регионах, в трех из них (Кабардино-Балкарии, Татарстане, Владимирской области) «Справедливая Россия» перед выборами отказалась от сотрудничества с политиками, которые не устраивали администрации данных регионов. Так, во Владимирской области в список «эсеров» не вошли бывшие руководители отделения партии депутаты ЗС Галина Есякова и Виктор Шохрин, которые обвинили депутата Госдумы Антона Белякова, возглавляющего список, в «продаже мест в партийном списке». В Кабардино-Балкарии выдвижение списка «Справедливой России» сопровождалось

изгнанием из партии Хачима Кармокова — бывшего председателя Счетной палаты и члена Совета Федерации, который рассматривается президентом Кабардино-Балкарии Арсеном Каноковым как явный оппонент. Список кандидатов в Парламент региона, представленный Х. Кармоковым руководству партии на утверждение, был признан нелегитимным, региональное отделение временно возглавила малоизвестная Светлана Азикова, под формальным руководством которой был составлен новый партийный список.

Влияние реформы на особенности стратегии региональных элит и федеральной власти в регионах. Если дополнить описание основных тенденций развития межпартийной борьбы в регионах России изменениями поведения местных элит, помимо роста их заинтересованности в контроле над партиями, то можно отметить следующее. При непрерывных изменениях в сфере избирательного и партийного законодательства в 2001–2009 гг.¹ региональные элиты, политики, общественные организации постоянно пытались приспособиться к изменяющимся правилам игры и обойти вводимые федеральным центром новые и новые ограничения, а федеральный центр, отмечая, как в регионах обходят очередную новую юридическую норму, искал все новые варианты, как усилить свой контроль над происходящим.

На первом этапе реформы, в 2003–2005 г., для обеспечения независимости от федерального центра в условиях принудительного введения смешанной избирательной системы и запрета на существование региональных партий региональные элиты активно использовали механизм создания региональных избирательных блоков. Подобные блоки формально учреждались отделениями федеральных партий, но при этом имели собственное название, программу и таким образом превращались в регионах в нового субъекта политического процесса. Часто названия этих блоков несли отчетливый знак регионального патриотизма: «За наш Таймыр», «Мы — за развитие Амурской области», «Наша родина — Архангельская область» и т. д. Еще одним вариантом обойти федеральные ограничения служили бренды малоизвестных партий или партий с нейтральным названием, которые в регионах превращались в партию местного харизматического политика или элитной группы. Так Партия социальной справедливости в Ар-

хангельской области стала списком представителей лесопромышленной группы «Титан», а партия «Свобода и народовластие» во главе с бывшим мэром Владивостока Виктором Черепковым стала фактически региональной партией Приморского края.

В ответ на это летом 2005 г. избирательные блоки были запрещены, с 1 января 2006 г. в 5 раз повышались требования к численности политических партий. Одновременно предельный заградительный барьер был ограничен 7%, что на практике означало сигнал к повсеместному повышению барьеров с 5 до 7%. Одновременно ужесточались условия регистрации списков и кандидатов (снижение допустимого брака в подписных листах с 25 до 10%, расширение оснований для отказа в регистрации за наличие «недостовверных» данных и т. д.), что увеличило правовые возможности воздействия регистрирующих и контролирующих органов, традиционно зависимых от федерального центра, на состав кандидатов.

Партии стали создавать неформальные блоки, включая в списки членов иных партий и используя в агитации неформальные названия. Тогда приняли решение запретить партиям включать в списки членов иных партий, а избранным депутатам менять партийную принадлежность.

Свою несомненную роль в изменении интереса губернаторов к выборам региональных ассамблей сыграла и отмена в конце 2004 г. выборности губернаторов населением. Однако, хотя формально власти у региональных парламентов стало не намного больше, чем раньше (все основные назначения губернаторы по-прежнему производят самостоятельно, а отказать президенту РФ при назначении губернатора депутаты боятся), в целом заинтересованность как губернаторов, так и федерального центра в контроле над депутатским корпусом несомненно выросла, а значит, вырос и престиж депутатских кресел. Существенно повысился престиж и поста председателя законодательного собрания. Теперь это фактически высший пост в регионе, обладатель которого имеет легитимность, полученную непосредственно на выборах.

Одновременно к лету 2005 г. стало ясно, что «Единая Россия» добивается лучших, по сравнению с выборами Госдумы РФ, результатов в регионах, где ее списки возглавляли лично губернаторы (Калужская, Воронежская области и Ямало-Ненецкий и Усть-Ордынский Бурятский автономный округа). Реакция на эту закономерность стала простой — стимулировать

¹ См.: Любарев А. Изменения избирательного законодательства в 2004–2007 гг. // Российское электоральное обозрение. 2007. № 1.

губернаторов по возможности возглавлять списки лично везде и не расплывать свои ресурсы на несколько списков одновременно. Именно с целью стимулировать этот процесс в законодательстве в 2005 г. появляется норма про «право партии, победившей на региональных выборах», предложить президенту страны своего кандидата для назначения губернатором. То, что эта норма изначально носила декларативный характер и была лишь дополнительным сигналом губернаторам возглавлять списки «Единой России» на выборах, говорит такой факт: с момента принятия в 2005 г. норма фактически ни разу не применялась (попытка применить ее в Адыгее в 2006 г. носила анекдотический характер: региональный политсовет «Единой России» сформировал список из трех кандидатур, но узнав, что сверху предлагается иной кандидат, тут же пересмотрел решение в его пользу). А чтобы заинтересовать и иные элитные группы в хорошем результате «Единой России», в списках партии власти также обязательно должны были быть представители крупнейших местных бизнес-групп, мэр крупнейшего города региона и т. д.

В ноябре-декабре 2006 г. новыми поправками были усилены основания для ограничения пассивного избирательного права в связи с участием в «экстремистской» деятельности, что расширяло для федеральных органов возможности отсева нежелательных кандидатов.

Чтобы максимизировать результаты в пользу единственной партии, в регионах для распределения мандатов между списками в регионах с 2007 г. стали вводить метод Империи, нарушающий пропорциональность в пользу партии-победителя (т. е. по факту, «Единой России»). В ходе жеребьевок мест в бюллетенях в регионах «Единая Россия», вопреки теории вероятностей, стала в массовом порядке «случайно» получать первое место в бюллетене. Смысл этого был в том, что, согласно отмеченной закономерности, первое место в бюллетене может дать дополнительно 1-2% голосов за счет психологического фактора и выбора случайно голосующих избирателей.

«Совершенствуя», как казалось федеральному центру, контроль над региональными выборами по партспискам, стали все больше стимулировать расширение введения уже полностью пропорциональной системы вместо смешанной. В марте 2007 г. только по партийным спискам прошли выборы в Санкт-Петербурге, Московской области и Дагестане, в марте 2008 г. к ним добавились Ингушетия, Калмыкия и Амурская

область, в октябре 2008 г. — Чеченская Республика, в марте 2009 — Ненецкий автономный округ и Кабардино-Балкария, в октябре 2009 — Тульская область. Итого — пока 10 регионов из 83. Одновременно смешанная и полностью пропорциональная избирательная система все более массово внедряется на муниципальных выборах. В таких регионах, как Тверская, Тульская области, Бурятия, Дагестан, Якутия (Саха), выборы по партспискам начинают проходить даже в удаленных районах с минимальным числом населения, где со времен падения монополии КПСС вообще не было никаких партий.

Одновременно с 2003 г. шло постоянное уменьшение общего числа зарегистрированных в стране политических партий, что сокращало региональным элитам возможности выбора и поле для маневра. К настоящему времени конкуренция на пропорциональных выборах, по сути, сократилась до принудительного выбора лишь между четырьмя партиями, представленными в федеральном парламенте — «Единой Россией», «Справедливой Россией», КПРФ и ЛДПР.

В феврале 2009 г., согласно принятым поправкам в избирательное законодательство, закрыта последняя лазейка для участия в муниципальных выборах региональных и местных общественных организаций. Они лишены права выдвигать списки кандидатов на муниципальные выборы, которое сохраняли ранее, несмотря на «зачистку» выборов регионального уровня.

Дальнейшее развитие ситуации: виртуальное единство и кризис. Чего же добился в результате федеральный центр и достигнута ли управляемость региональными выборами? По формальным атрибутам эта управляемость на конец 2008 г. была во многом достигнута. Внешне присутствует кажущееся доминирование одной партии.

Однако на практике все те противоречия, которые имелись в регионах между местными группами интересов, никуда не делись, просто их разрешение во многом приобрело иную форму. Межпартийная конкуренция стала заменяться внутривнутрипартийной: где-то публичными внутривнутрипартийными скандалами и конфликтами, а где-то кулуарными интригами и анонимно ведущимися информационными войнами. Во многих случаях присутствует и то и другое одновременно. При этом политика во многих регионах стала менее публичной, а соответственно, объективная информация

о реальных противоречиях внутри региональных элит и региональных проблемах — менее открытой. Сокращение публичности, не решая существующих реально проблем, увело многие из них в тень, в том числе и от внимания федерального центра. В результате федеральный центр получает все меньше объективных данных о реальном положении внутри многих регионов, что не может не сказываться на общем снижении эффективности управления и не создавать неизбежный кадровый тупик, когда новым фигурам просто неоткуда брать ся и желание федерального центра обновлять региональные элиты все чаще оказывается на практике не реализуемым.

При этом вызывает большие сомнения то, до какой степени «Единая Россия» и иные ведущие партии вообще являются партиями, а не механическими конгломератами элитных групп.

Формальными и неформальными методами федеральный центр стремился включать в списки «Единой России» представителей максимального числа местных групп влияния, чтобы аккумулировать их электоральные ресурсы. Естественно, это вело к еще большей идеологической рыхлости партии, которая изначально формировалась как конгломерат номенклатуры различного уровня. В некоторых регионах стали фактически возникать «партии внутри партии»: движение «Омская инициатива», имеющее большинство в Омском горсовете (при этом все депутаты от движения выдвигались «Единой Россией»), создание в 2006 г. в Приморском крае мэром Владивостока Владимиром Николаевым внутри региональной «Единой России» блока «Единый Владивосток», внутри фракций «Единой России» создаются «аграрные» депутатские группы и т. д. Внутри самой партии на федеральном уровне созданы так называемые «клубы»: Центр социально-консервативной политики, клуб «4 ноября», Государственно-патриотический клуб.

Было очевидно, что при стремлении объединить под одной вывеской максимальное число элитных групп с разными интересами только идеологическая невнятность и, следовательно, структурная рыхлость могут сохранять этот альянс. Попытка же ввести внутри «Единой России» жесткую партийную дисциплину и ставка в конкретных регионах на ту или иную конкретную элитную группу неизбежно будут отталкивать остальные группы элиты, а с ними и группы избирателей, которые на них ориентируются.

В результате в 2007–2008 гг. кадровая политика внутри «Единой России» все больше начинает напоминать метания. С одной стороны, продолжается стремление любой ценой включить в партию любых победителей любых выборов, кем бы они ни были до выборов. К примеру, избранные от КПРФ мэры Волгограда и Орла Роман Гребенников и Александр Касьянов вскоре стали членами «Единой России». Был вынужден вступить в ЕР бывший член СПС мэр Троицка Московской области Виктор Сиднев. Вступили в «Единую Россию» все бывшие губернаторы-коммунисты кроме двух. С другой стороны, переизбыток конфликтующих групп внутри партии все чаще делает достижения согласия между ними невозможным и как следствие ведет к открытой борьбе между формальными однопартийцами. В таких случаях нарушителей партийной дисциплины пытаются исключать. Получается парадокс: две стратегии прямо противоречат друг другу. Исключение нарушителей партийной дисциплины в условиях, когда все знают, что любого победителя все равно постараются «добровольно-принудительно» принять в «Единую Россию». При этом обе стратегии для партии власти являются тупиковыми и выбором из худшего — либо аморфная структура, которая сама развалится от внутренних конфликтов и на которую невозможно опираться, либо нечто более жесткое и структурированное, но тогда неизбежное снижение электоральных возможностей и риск проигрыша на выборах.

В условиях кризиса и ужесточения борьбы за уменьшающиеся ресурсы разрешать конфликты внутри самой партии непубличным путем удастся все реже. В России положение во власти и влияние на власть является важнейшим фактором успеха бизнеса и его защиты. В условиях кризиса государственная поддержка различного уровня при получении банковских кредитов, решении вопросов с арендой недвижимости, землепользования и т. д. составляет для многих элитных групп вопрос выживания, и за свое выживание они готовы сражаться. Особенно это касается муниципальных выборов, на которых есть реальная возможность получить доступ к власти, распоряжающейся определенной собственностью и бюджетными ресурсами (после отмены выборности губернаторов добиться губернаторского поста в открытой конкуренции невозможно). Именно по этой причине основная конкуренция на выборах в России сейчас сместилась на муниципальный уровень, и ситуация, когда на выборах конкурируют несколько

кандидатов, формально входящих в «Единую Россию», становится все более частой.

Так, в октябре 2008 г. на выборах мэра второго по значимости города Свердловской области Нижнего против официального кандидата «Единой России» банкира Алексея Чеканова выдвинулись еще 5 «единороссов», включая двух вице-мэров Анатолия Гессе и Вячеслава Погудина. В итоге в бюллетене в день выборов было 4 члена партии «Единая Россия», причем официальный кандидат партии занял только третье место, а в жесточайшей борьбе победила нарушитель партийной дисциплины Исаева.

В ходе избирательной кампании по выборам мэра Смоленска, состоявшимся 1 марта 2009 г., баллотирующийся на новый срок мэра Смоленска Владислав Халецкий был исключен из «Единой России» «за существенные недостатки в экономической и хозяйственной деятельности». Также из партии были исключены еще трое кандидатов, выдвинувшихся в мэры вопреки решению руководства партии, которое поддержало на выборах бизнесмена с неоднозначной репутацией, депутата облдумы Валерия Разуваева. В частности из партии были исключены депутат облдумы Эдуард Качановский (бывший член «Родины» и «Великой России», вступил в «Единую Россию» только в 2008 г.) и депутат облдумы, бывший член СПС Игорь Юхименко. Сам факт того, что исключенные из «Единой России» в Смоленске раньше были членами либерального СПС и националистической «Родины», забавен и показателен. Но еще интереснее другое: когда исключенный из партии Эдуард Качановский победил на выборах мэра Смоленска, а официальный кандидат партии занял только третье место, было объявлено, что решение об исключении Качановского из партии является недействительным.

Еще более скандальными стали выборы мэра Мурманска 1 марта 2009 г., где против официального кандидата «Единой России», действующего мэра Михаила Савченко, выдвинулся самовыдвиженец, заместитель губернатора области Сергей Субботин. После этого представители партии начали информационную кампанию против губернатора области Юрия Евдокимова за то, что он выступил против решений партии, отказав в поддержке единому кандидату от «Единой России». 11 февраля губернатор Мурманской области, член партии «Единая Россия» Юрий Евдокимов подверг резкой критике предвыборную кампанию «Единой России» по выборам мэра Мурманска, заявив журналистам, что ведется грязная игра. На встрече

с журналистами глава региона призвал «единороссов», участвующих в выборах, «прекратить позорить партию». Одновременно в федеральных СМИ началась массированная кампания по дискредитации Ю. Евдокимова (материалы против него появились в «Российской газете», на РТР и т. д.). Тем не менее на выборах Субботин во втором туре полностью разгромил кандидата «Единой России» М. Савченко.

Подобные конфликты происходят во многих регионах в муниципалитетах самого разного уровня и значения.

Сократив партийное поле до минимума и не оставив местным элитам реального выбора, федеральный центр в известном смысле сам загнал себя и все сохранившиеся партии в ловушку. Даже в условиях, стимулирующих с 2003 г. идеологическую и кадровую диффузию партий в регионах под влиянием финансовых и других причин, разнообразие выбора между большим числом партий все же позволяло в большей степени сохранять и формировать внутри партий некие ценностные ядра (хотя, конечно, намного более медленно, чем в условиях нормальной партийной конкуренции и развитого парламентаризма). При более широком выборе элиты могли с большей степенью свободы выбирать политических партнеров, исходя из своих реальных интересов и политических вкусов, что создавало предпосылки для формирования в дальнейшем неких более устойчивых и четких союзов.

Сокращение числа партий привело к тому, что все элитные группы хлынули в оставшиеся немногие партии, выбирая их же уже во многом по принципу безысходности, воспринимая как своеобразный «Ноев ковчег», где «каждой твари по паре». И тяжелее всего в этом смысле стало, в первую очередь, самой «Единой России» — самой привлекательной партии для любых карьерно ориентированных политиков и бизнесменов, приток которых власть сама стимулировала всеми возможными способами. В целом в «Единой России» сегодня можно найти бывших членов всех существовавших и существующих российских партий.

Крайнее внутреннее разнообразие царит в «альтернативной» (точнее, запасной) «партии власти» «Справедливой России» — в ней сегодня есть бывшие члены федерального руководства либерального «Яблока» Галина Хованская, Сергей Попов и многие другие, в прошлом одна из самых ярких фигур в популистской и националистической ЛДПР Алексей Митрофанов вместе с целым рядом бывших функци-

онеров ЛДПР, бывшие депутаты Госдумы РФ от КПРФ Елена Драпеко, Александр Куваев и т. д., представители бывшей государственно-патриотической «Родины», целая группа бывших членов СПС, бывших депутатов «Единой России», проигравших во внутривнутрипартийной борьбе и т. д.

Таким образом, формальное нормативное усиление роли партий на деле оборачивается еще большим их фактическим внутренним разрушением и обезличиванием. Это внутреннее обезличивание все больше затрагивает даже самую в прошлом идеологизированную партию КПРФ, которая не в силах сопротивляться общей тенденции.

В целом образование партийных списков в регионах, как правило, происходит по принципу вынужденного пристраивания потенциального кандидата туда, куда удастся внедриться по своеобразной нисходящей иерархии престижности. В первую очередь элиты стремятся получить место в списке «Единой России» и лишь во вторую — в списках иных партий, что напоминает попытку студента поступить сразу в несколько вузов. В итоге кандидат оказывается прежде всего там, где смог найти свободное место, а самые способные и предприимчивые группы региональной элиты умудряются делегировать своих представителей сразу в несколько конкурирующих списков. Так на выборах Народного хурала Бурятии в декабре 2007 г. чудеса предприимчивости показала семья братьев Матхановых, возглавляющих крупную для региона кампанию «Байкалфарм». Один из братьев, Владимир, оказался в списках «Единой России» и на выборах в Госдуму России, и на выборах в Народный хурал Бурятии, а другой брат, Иринчей, возглавил в обоих случаях списки «Справедливой России». В результате один из братьев представляет «Единую Россию» в Госдуме РФ, а другой является лидером фракции «Справедливая Россия» в Народном хурале.

На выборах Заксобрания Иркутской области 12 октября 2008 г. № 6 списка «Единой России» стал генеральный директор ОАО «Иркутскэнерго» Андрей Коновалов, а его заместитель Андрей Швайкин оказался № 5 списка КПРФ.

В Забайкальском крае на выборах Заксобрания 2008 г. третьим номером списка «Справедливой России» стал бывший председатель областной думы Виталий Вишняков, сын которого Евгений является заместителем председателя правительства Забайкальского края (губернатор края возглавлял список «Единой России»).

Даже сами губернаторы, добившись личного лидерства в списке «партии власти», все равно стремятся подстраховаться, поскольку диверсификация рисков позволяет им сохранить максимальную независимость от «Единой России» и обезопасить от появления потенциальных конкурентов «со стороны». Как правило, в регионах «люди губернаторов» баллотируются по спискам самых разнообразных партий (иногда — всех участвующих).

Поскольку в этой электоральной борьбе в регионах реальное межпартийное противостояние во многом вторично, то не удивительно, что в результате кандидаты с легкостью перетекают из формально правых партий в левые и националистические, либо наоборот. К примеру, избранный в Госдуму РФ по списку КПРФ свердловский предприниматель Алексей Багаряков ранее баллотировался от СПС. Второй секретарь владимирского обкома КПРФ Вячеслав Королев, избранный в марте 2009 г. депутатом Заксобрания Владимирской области, ранее был председателем региональной организации партии «Яблоко».

В Республике Коми избранные в марте 2007 г. депутатами Государственного совета Коми по списку ЛДПР руководитель группы компаний «Север-Медиа Пресс» Михаил Брагин и журналист Александра Бушуева ранее были членами СПС. Более того, Бушуева даже баллотировалась от СПС в Госдуму.

В Кемеровской области на выборах облсовета в октябре 2008 г. противник лидера областных коммунистов Нины Останиной бывший второй секретарь обкома КПРФ Юрий Скворцов занял второе место в списке ЛДПР.

На фоне этого постоянного «броуновского движения» кандидатов между партиями формальное межпартийное противостояние в регионах и муниципалитетах во многом является иллюзорным и мало что говорит о реальном раскладе сил в элитах соответствующего уровня. При этом, как уже отмечалось, идеологический фактор, конечно, имеет значение для части избирателей, но в условиях жесткой борьбы между элитами все же является второстепенным, по сравнению с ролью иных ресурсов, которыми владеют элитные группы и конкретные харизматические местные лидеры. В максимальной степени способностью дать кандидату некий электоральный прирост за счет своего стабильного электората по-прежнему обладают коммунисты как все еще наиболее сплоченные на основе общности идей. Но и у них, как отмечено, происходит активная замена состава

ва местных лидеров и кандидатов, и прежний «естественный» возрастной электорат по физиологическим причинам постоянно сокращается – попросту вымирает.

Отмеченные тенденции особо важны для понимания истинной сути формального доминирования на федеральных и региональных выборах последних лет партии «Единая Россия». В действительности оно во многом носит виртуально-технологический характер.

*****

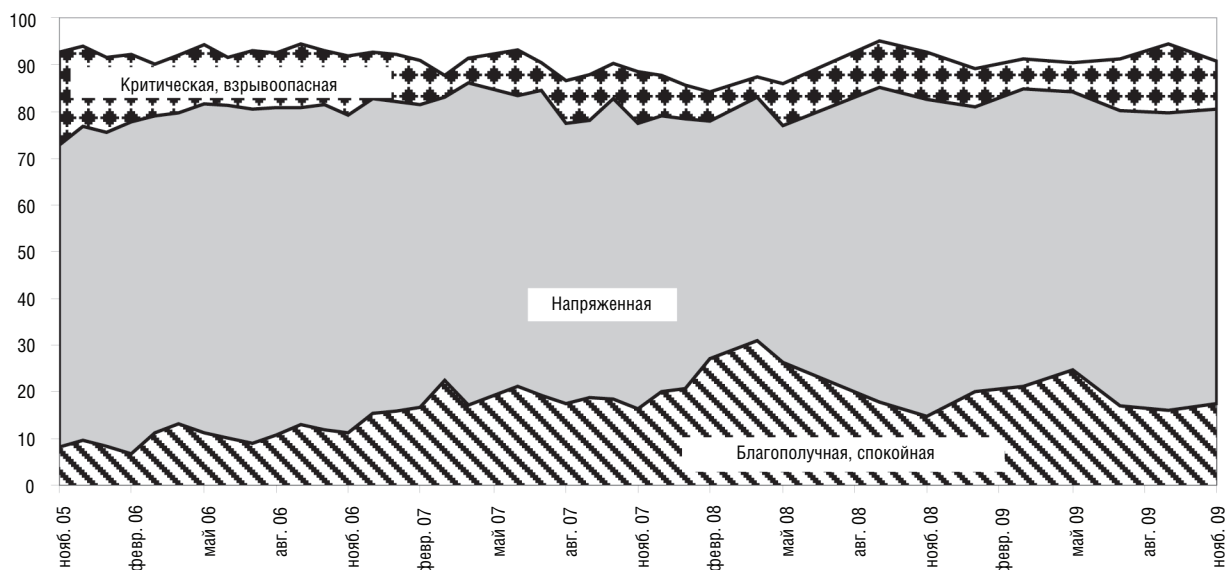
Проведенный краткий анализ показывает: избирательная и партийная система в России выстраивалась в 2000-е гг. как элемент общей политики Центра по отношению к регионам и имела целью снижение зависимости федерального центра от региональных элит. Однако на практике решить эту задачу оказалось невозможным. Законодательные манипуляции лишь изменили применявшиеся в регионах технологии борьбы между элитами, при этом во многом изуродовав партийно-политическую систему в стране в целом.

Множественные запреты и ограничения не помешали региональным элитам проводить в региональные и местные органы власти своих сторонников, но лишили их возможности естественно-эволюционным путем создавать

новые политические проекты. Очевидно, что формальное доминирование «партии власти» не решило и не решает реально наличествующих в обществе проблем. Де-факто существующие региональные группировки и кланы просто уходят в тень и ведут борьбу «под ковром» уже внутри «Единой России». Единообразие бренда и внешнее почитание федерального центра оборачиваются тем, что под одним и тем же названием в разных регионах на деле функционируют структуры с разными ценностями и интересами. Имитация единства через иллюзию управляемости и отчетности не отменяет разнородности страны.

Можно констатировать и другое: в России сегодня фактически нет партий в традиционном понимании этого слова. Ключевой причиной этого является невозможность нормального партийного развития при отсутствии полноценных институтов парламентаризма и разделения властей, дополняемых множественными ограничениями и запретами на политическую активность граждан. В результате манипуляции с законодательством о партиях и выборах, а также переход от мажоритарной к пропорциональной избирательной системе не формируют мотивацию для партийного строительства, но лишь создают условия для засилья всеобщей институциональной имитации.

КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

N=1600

Эмиль ПАИН

Политический режим в России 2000-х гг.: особенности наследственные и приобретенные

Вот уже около 20 лет научная школа, созданная Ю.А. Левадой (Левада-Центр) рассматривает развитие постсоветской России как процесс разложения тоталитарного режима. В принципе я согласен с такой оценкой, вопрос лишь в том, что же произойдет после этого разложения, какой режим сменит тоталитарный? На мой взгляд, Россия нулевых лет дает ответ на этот вопрос: *под истончающимся и уже почти полностью облупившимся слоем тоталитаризма все яснее проступают признаки другого режима — авторитарно-патримониального*. Этот авторитаризм и сам многослойный. Он включает в себя сравнительно древний слой, не вытравленный годами тоталитаризма, и авторитаризм новый, нарождающийся ныне в условиях, похожих на те, которые вызывали к жизни авторитарные режимы в различных частях света в течение всего недавно минувшего века. Есть в этом авторитаризме как универсальные черты, так и уникальные, присущие только России. Наложение различных исторических пластов и синтез признаков разных режимов как раз и создают, на мой взгляд, те современные политические особенности России, которые Л. Гудков и некоторые другие пытаются охарактеризовать термином «путинизм»¹. Обоснованию гипотезы об исторической многослойности нынешнего политического режима в России посвящена данная статья.

О сходстве и различиях авторитарных и тоталитарных режимов. Из многочисленных попыток дифференциации указанных режимов мне ближе всего подход, предложенный Хуаном Линцем. Он определил *авторитаризм* как политическую систему, при которой власть, ограни-

чивает участие народа в политической жизни, опираясь на *традиционализм* и *политическую апатию* населения. Именно опорой на традиционные институты (церковь, патриархальные семьи, клановые группы и др.) и на политическую пассивность населения авторитаризм, прежде всего, отличается от *тоталитаризма* — политического режима, при котором правители государства не заинтересованы в пассивности населения, напротив, они *политически мобилизуют* его, идеологически подчиняют себе, манипулируя массовым сознанием и стремясь к тотальному контролю над всеми сферами жизни общества². Только тоталитаризм во всех его локальных проявлениях пытался заменить традиционные формы легитимации власти совершенно новыми, искусственно созданными идеологическими системами, в основе которых лежала идея создания «нового мира», «нового общества» и «нового человека». Советский большевизм (весьма специфическая форма марксизма), немецкий нацизм, китайский маоизм, северокорейское «чучхе» во многом похожи на религию и могут быть названы новыми политическими религиями. В каких-то случаях тоталитарные вожди могли использовать в актуальной политике фрагменты, символы действительно традиционных этнических и религиозных культур, как это сделал Сталин во время Второй мировой войны, но всегда такие попытки сводились лишь к декорированию культурными традициями *новых искусственно созданных идеологических систем*.

За пределами различий в политических стратегиях (мобилизационной и демобилизационной) и в методах подавления реальной политической субъектности населения (авторитаризм опирается на традиционные институты, а тоталитаризм на искусственно созданные) трудно найти информативные признаки для разграничения тоталитаризма и авторитаризма. Эти режимы плохо различимы потому, что и тот

¹ См.: Гудков Л. Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 3. Сразу же отмечу, что термин «путинизм» мне не нравится, поскольку он неоправданно привязан лишь к одной исторической персоне, хотя многочисленные вариации основных признаков такого многоукладного режима проявляются и в ряде других постсоветских стран, в политических системах, лидерами которых выступают персоны с принципиально разными личностными характеристиками и судьбами.

² См.: Linz J. Totalitarian and Authoritarian Regimes // Macropolitical Theory, Reading: Addison-Wesley Pub. Co, 1975.

и другой принципиально антидемократичны и автократичны. Режимы личной власти могут быть чрезвычайно многоликими и различаться вариациями репрессивности и мягкости, отчужденности от населения и популизма, разным уровнем и формами имитации демократических процедур. Они могут быть представлены как режимами персональной диктатуры (вождями, лидерами наций), так и групповыми формами правления, олигархиями (властью клик, хунт, корпораций и т. п.)¹. Во всех случаях они остаются антидемократичными, исключая реальное участие населения в государственном управлении, а также реальный плюрализм и конкуренцию политических сил, представляющих разнообразие социальных интересов.

Принципиальный антидемократизм как искусственных тоталитарных, так и традиционалистских авторитарных режимов делает их взаимозаменяемыми. Тоталитаризм легче всего и сравнительно надолго утверждался в странах с давними авторитарными традициями. Он же в определенных исторических условиях легко уступает место вовсе не демократиям, а другим формам антидемократизма, кажущимся более мягкими и более «естественными». Так произошло в начале в Китае после правления Мао, затем в большинстве стран, возникших после распада СССР.

Непосредственный переход от тоталитаризма к демократии наблюдался лишь в тех странах, где в дототалитарный период уже существовал, сравнительно длительно, республиканский и «минимально демократический» строй². В России такой строй просуществовал всего несколько месяцев, с февраля по ноябрь 1917 г. Однако даже в тех странах, где подобный политических режим просуществовал более десятилетия перед приходом тоталитаризма, возврат к демократии был не простым и обычно сопровождался некими чрезвычайными историческими обстоятельствами. Так, становление демократии в Германии, на развалинах тоталитарного нацистского режима, стало возможным лишь после поражения этой страны в войне,

¹ Ворожейкина Т. Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия: См. в настоящем номере.

² Современная политическая теория проводит принципиальное различие между «минимальной демократией», ограничивающей участие населения в политике лишь его электоральной активностью, и полноценной либеральной демократией, обеспечивающей повседневную активность граждан, а также эффективную защиту гражданских прав и политических свобод. См., например: Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Политические исследования. 1999. № 1. Практически все ранние формы демократии были полуавторитарными и представляли собой режимы с высоким влиянием олигархических группировок.

после трагедии, которую национальное сознание связало именно с тоталитаризмом. К тому же все это происходило под влиянием жесткого внешнего контроля над процессом денацификации страны. Тоталитарные режимы в странах Центральной и Восточной Европы возникли как инородные явления вследствие оккупации Советским Союзом. Устойчивость таких режимов во многом зависела от меры принуждения со стороны СССР. После смерти Сталина эти режимы эволюционировали в сторону авторитаризма. Частичная реанимация каких-то сторон тоталитаризма в бывших социалистических странах почти всегда являлась следствием либо прямых военных интервенций, как это было в 1956 г. в Венгрии и в 1968 г. в Чехословакии, либо принуждения местных вооруженных сил к введению военного положения (Польша — декабрь 1981 г.). По мере ослабления внешнего давления в этих странах стали развиваться процессы, приведшие к демократическим «бархатным революциям» конца 1980-х гг. К этому времени в большинстве стран Варшавского договора уже не было тоталитарных режимов.

Мало что сохранилось от такого режима и в современной России. Не буду повторять аргументы Л. Гудкова, приведенные в упомянутой статье, полностью поддерживая эту часть его анализа. Нынешний режим в России, конечно же, нельзя назвать тоталитарным: он утратил свой тотально репрессивный характер; к нему совершенно не применим термин «мобилизационный», напротив, это режим политической демобилизации, «режим разобщения», как его назвал Б. Дубин³. Напомню, что политическая демобилизация и разобщение народа, наряду с опорой на традиционализм, являются важнейшими характеристиками именно авторитарной разновидности антидемократических режимов, поэтому определение Дубина, на мой взгляд, адекватно отражает суть нынешней политической системы в России, но хотелось бы уточнить природу этого разобщения. Оно не является следствием одних лишь политических технологий, применяемых властями, напротив, нынешние власти оседлали настроения и подстегнули процессы, возникшие еще до его появления.

Традиционализм естественный и искусственный. Распад многонациональных государств, таких, как СССР, неизбежно вызывает «кризис идентичности», выходом из которого

³ См.: Дубин Б. Режим разобщения // Pro et Contra. 2009. № 7.

в посттоталитарных обществах чаще всего является усиление так называемой «аскриптивной идентичности». В таких условиях человек чаще всего ассоциирует себя с общностями, которые Эдвард Шилз назвал *primordial* (естественными), такими, как семья, род, землячество, этнические, религиозные и др. Усиление роли примордиальных общностей произошло во всех постсоветских государствах, и Россия в этом смысле не стала исключением.

Естественным следствием усиления роли аскриптивной идентификации стал и рост *традиционализма — повышенный интерес к прошлому, обращение к истории как канону нравственных оценок*. В России ценность идей «наша земля» и «наше прошлое, наша история» за последние 20 лет заметно выросла, тогда как значение такой формы самоопределения, как принадлежность к «советским людям», уменьшилось с 31 до 12%¹.

Замечу, что рост традиционализма, особенно таких его разновидностей, как этнический национализм и религиозность, наблюдался во всех постсоветских государствах, включая и страны Балтии. Если что и выделяет Россию, так это запаздывание интереса к традиционализму у большей части населения России, по сравнению с жителями других новых государств. В начале 1990-х, когда национальные фронты пришли к власти во многих постсоветских государствах, когда десятки национальных движений, партий и группировок появились в автономиях Российской Федерации, уровень этнического самосознания русских все еще оставался таким же низким, каким он фиксировался по материалам этносоциологических исследований в СССР в 1980-е гг. Более 90% русских демонстрировали этнический нигилизм, безразличие («Я никогда не задумывался, какой они национальности») и менее 10% подчеркивали: «Я никогда не забываю, что я русский»². За период 1994–1999 гг. доля лиц с ярко выраженными признаками этнической озабоченности («Я никогда не забываю, что я...», далее перечислялись национальности) выросла у всех обследованных в России этнических групп, но особенно заметным этот рост стал у русских, только в этой группе он удвоился. При этом быстрее всего выросли наиболее эмоционально выраженные формы этнического самосозна-

ния. Если в 1994 г. не более 8% русских в республиках РФ отвечали: «Любые средства хороши для отстаивания благополучия моего народа», — то в 1999 г. не только в республиках, но впервые и в русских областях, такую ориентацию проявили в опросах более четверти русских респондентов³. Рост этнического самосознания русских в значительной мере стал ответом на предшествующее ему возбуждение этнических меньшинств. Буквально взрыв этнической озабоченности и откровенной ксенофобии у русского населения фиксировался после «первой чеченской войны» (1994–1996 гг.).

Параллельно развивался традиционализм как противопоставление «плохому» (в социально-экономическом и политическом отношении) настоящему некоего «золотого века» в прошлом. Понятно, что такие настроения явились результатом, прежде всего, усталости от реформ и усиливающегося восприятия их как провалившихся. Такие настроения стали в российском обществе почти тотальными после финансового кризиса 1998 г. — «дефолта», признания государством своей финансовой несостоятельности. В усилении социально-политического традиционализма этот кризис сыграл ту же роль, какую «чеченская война» сыграла во взвинчивании традиционализма этнического.

С середины 1990-х гг. российское общественное мнение демонстрирует инверсивные перемены в отношении к большинству фундаментальных политических явлений. Радикально изменилась оценка советской системы. Если в 1991 г. свыше половины (57%) опрошенных ВЦИОМ (ныне Левада-Центр), соглашались с тем, что в результате коммунистической революции страна оказалась на обочине истории и советская власть принесла людям лишь нищету, то к 1995 г. такая же доля россиян уже полагали, что сама по себе советская система была не так уж плоха, однако негодными были ее правители. Еще через два года в общественном мнении началась реабилитация и советских лидеров. Сравнения в опросе ВЦИОМ 1997 г. старой советской и новой российской власти дали следующую картину: советская власть к этому времени характеризовалась сравнительно наибольшей частью опрошенных (36%) как «близ-

¹ См.: Дубин Б. Указ. соч. С. 7.

² См.: Русские (этносоциологические очерки) / Под ред. Ю.В. Арутюняна и др. М., 1992. С. 419–421.

³ По материалам исследовательских проектов, выполненных под рук. Л.М. Дробжиной: «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» 1993–1996 гг.; «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» 1999–2001 гг.

кая народу, своя», а новая российская, («власть Ельцина и демократов») как «далекая от народа, чужая» (41%)¹. В этих оценках проявилась *одна из особенностей русского национального сознания*, отличающих его от коллективных представлений в большинстве других посткоммунистических стран². Русское население, хоть и понесло самые большие потери в результате небывало длительного тоталитарного правления (самые большие человеческие жертвы, наибольшие разрушения национальной культуры), не воспринимало этот режим как внешне навязанный, для россиян он оставался «своим» и даже «близким народу». При этом если немецкое общество, также самостоятельно на своей культурной почве породившее германский тоталитаризм, связывало с ним национальную катастрофу, поражение в войне, то русское общество при некоторых внешних пропагандистских усилиях со стороны истеблишмента оказалось способным связать с тоталитарным режимом Великую победу.

Тоталитаризм в России разлагается, но медленнее и в иных формах, чем это было в большинстве других посткоммунистических стран Европы.

В период, когда в элитарном и массовом сознании преобладало критическое отношение к советскому прошлому, большинство россиян смотрели на Запад как на эталон движения в будущее. В 1989 г. 60% опрошенных оценивали западный образ жизни как образцовый³. В середине 90-х гг. начался демонтаж этого эталона, а к 2000 г. оценки конца 80-х поменялись на противоположные. В это время 67% опрошенных указали, что западный вариант общественного устройства противоречит укладу жизни русского народа⁴. Отказ от иллюзий перестройки с ее прозападными настроениями сопровождался усилением утешительной веры в то, что «у России свой особый путь». При этом образ «особого пути» в массовом сознании чрезвычайно размыт, лишен какой-либо конкретности и в основном связан с идеализацией традиционно русских норм поведения, которые противопоставляются западным: «Есть опыт наших дедов, и мы должны держаться за него», — с этим суж-

дением в конце 1990-х гг. были согласны 65% опрошенных⁵.

Прочность и масштабы российских антизападных настроений также демонстрируют особенности российского варианта разложения тоталитаризма. В посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, как и в России, наблюдался процесс усталости от политических и экономических реформ. В некоторых из европейских стран также проявились ретроградные политические процессы. Например, в Польше и в Румынии на какое-то время к власти пришли левые партии и вернулись на политическую сцену персоны, сделавшие политическую карьеру в годы коммунистического правления⁶. Однако движение европейских посткоммунистических обществ на Запад не прервалось, поскольку с ним были связаны долгосрочные и фундаментальные стремления «вырваться из империи». В России такой «автоматики» не было. Советская империя рухнула, но элементы имперского сознания остались. С ними связан и такой феномен общественной жизни России, как «имперский национализм», противоречащий принятым канонам теории национализма, рассматривающий его только как противоположность имперскому сознанию.

Таким образом, этнический традиционализм и социально-политический многократно пересекались, дополняя и усиливая друг друга. **Такие процессы, я называю естественным ростом традиционализма, поскольку они, как правило, почти неизбежно сопровождают распад империй и разложение тоталитаризма.** Похожие процессы наблюдались и в других постсоветских странах, хотя и с некоторым своеобразием, обусловленным не столько спецификой политических манипуляций массовым сознанием, сколько особенностями исторического опыта разных народов. Однако как только такой традиционализм проявляется, он тут же становится ходким товаром на политическом рынке и сырьем для политических технологий, конструирующих новый искусственный традиционализм. Воспроизводство такого традиционализма становится подлинной индустрией, особен-

¹ См.: Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: ИФ-ИЭА РАН, 2002. С. 132–133.

² Этнические русские в этих опросах составляли 85% опрошенных.

³ См.: Дубин Б. Запад для внутреннего потребления // Космополис. 2003. № 1. С. 137.

⁴ См.: Дубин Б. Указ. соч. С. 150.

⁵ См.: Гудков Л. Указ соч. С. 133.

⁶ С 1995 по 2005 гг. президентом Польши дважды избирался Александр Квасьневский, член ПОРП с 1977 по 1990 гг., министр по делам молодежи в прокремлевском правительстве Польши с 1985 по 1990 гг. В 2000 г., после периода правления правых партий в Румынии, президентом этой республики избирается Ион Илиеску, который был руководителем идеологического отдела ЦК РКП во времена диктатуры Николае Чаушеску.

но в тех случаях, когда его разработку ведут влиятельные средства массовой информации, контролируемые государством.

Интерес к традиционализму проявляла уже администрация первого президента России. В эпоху Б. Ельцина вернулись в качестве государственных символов и имперский двуглавый орел на государственном гербе, и имперский триколор в качестве государственного флага. В это время были идентифицированы и захоронены по православному обряду останки последней царской семьи России. Постоянные публичные манифестации религиозности новой власти и многочисленные фотографии президента вместе с патриархом Русской Православной церкви даже дали повод шутникам того времени сложить анекдот о том, что в постсоветской России место политбюро заняло метрополитбюро. И все же, на мой взгляд, Ельцин не столько стремился повысить свой рейтинг опорой на набирающий популярность традиционализм, сколько хотел противопоставить исторически традиционные царские символы искусственным, коммунистическим. Возрождение православной церкви, разрушенной большевиками, также должно было, по мысли Б. Ельцина, символизировать его стратегическую линию возврата России в естественную историю, прерванную коммунистическим переворотом, а также возврата ее в семью цивилизованных европейских народов, из которой страна была вырвана большевиками. Получение администрацией Б. Ельцина согласия членов британской королевской семьи участвовать в генетической экспертизе останков царской семьи Романовых преследовало не только утилитарные цели, но и должно было подчеркнуть историческое кровное родство русской элиты с европейской¹.

К режиму Б. Ельцина вряд ли подойдет определение «демократический», несмотря на использование им легитимных электоральных процедур. Первый президент не очень обижался на газетчиков, именовавших его «царь Борис», а выражение «не царское это дело» было весьма популярным в администрации Ельцина. Политолог И. Клямкин определил такой политический режим как «выборное самодержавие». По его мнению, «...этот термин довольно адекватно передает искусственность российской политической системы, несовместимость способа легитимации высшего должностного лица,

характерного для демократической политической парадигмы, с традиционным способом функционирования власти, характерным для парадигмы имперско-державной»². Программа передачи власти наследнику, которого Ельцин отбирал в течение нескольких лет среди своих приближенных, тоже не свидетельствует о последовательности демократических убеждений Ельцина. Его режим покоился на «сговоре элит», прежде всего, центральных и элит в российских автономиях. Возможно, существовала теоретическая вероятность эволюции этого режима в сторону демократии, однако движение в противоположном направлении – к авторитаризму – было куда более вероятным. Напомню, что массовый спрос на появление политического режима, похожего на советский, но без репрессий проявился уже в середине 90-х гг. С учетом подобных настроений Б. Ельцин выбирал себе преемника.

Второй президент России, будучи ставленником первого, кое-что перенял от предшественника, но больше переиначил, преобразовав полуавторитарный режим Б. Ельцина в полноценный авторитаризм, да еще и с символическими признаками тоталитаризма. В. Путин воспринял не только пышность ритуала инаугурации президента России, больше напоминающей коронацию русских царей, но и небывалый объем полномочий, сосредоточенных в руках президента, тех полномочий, которые при Ельцине были внесены в Конституцию страны. Он перенял технологию исторической легитимации президентской власти, но в отличие от своего предшественника легитимировал и советский режим. Ельцин проводил политику «возвращения России в Европу», Путин возродил сталинскую политику «осажденной крепости», антизападническую риторику холодной войны и шпиономанию. Ельцин символизировал разрыв России с тоталитаризмом; при Путине же российские власти рассылали ноты протеста тем европейским странам, которые признали сталинизм и гитлеризм равно недопустимыми формами тоталитаризма. Ельцин подчеркивал антиимперский характер своей политики. При Путине доминирующей линией внешней политики России стало «великодержавие», по сути дела, культ

¹ См. подробнее: Императорский том. Следственный комитет идентифицировал детей Николая II // Время новостей. 2008. № 127; <http://www.vremya.ru/2008/127/51/208516.html>

² Клямкин И. Российская власть на рубеже тысячелетия // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 2. С. 57.

империи. Для этой цели возрождается и культ Сталина, который подается вовсе не как марксист, а как человек, создавший великую империю, превосходящую по территории Римскую и простиравшуюся от Меконга до Эльбы, от Владивостока до Берлина. Для «державников» Сталин стал «новым собирателем империи, новым Петром Великим, новым супергосударственником, которому прошлось народом многое»¹.

Кстати, второе пришествие культа Сталина — это образец сугубо искусственной «изобретенной традиции». Даже в период, когда значительная часть населения России отказалась в доверии власти «демократов» и предпочла им власть советскую, это совсем не означало возрождение любви к Сталину. Еще 2002 г. не Сталин и, уж во всяком случае, не время его правления, рассматриваются общественным мнением как эталон «хороших советских времен». Наибольшая часть опрошенных (39%) предпочла бы жить во времена Л.И. Брежнева, лишь 3% выбрали в качестве предпочтительного сталинский период, при этом мирные годы первых годы пятилеток². Выбор брежневского времени во многом был продиктован восприятием его как стабильного, сытого, без репрессий и потрясений, поэтому особенно привлекательного для людей, уставших от 15-летнего периода бурных политических трансформаций. Российским политическим технологом путинского призыва нужно было очень сильно постараться, чтобы наперекор таким настроениям превратить Сталина в один из символов современной России.

Ныне образ Сталина «раскручен» и популярен настолько, что эту золотую жилу активно разрабатывают представители разных политических сил, например, бывшие либералы, ныне политические выкредеты. Этот тип людей во все времена хотел выглядеть святее папы, поэтому нет ничего удивительного в их активности на ниве «неосталинизма». Один из таких перебежчиков Михаил Леонтьев ценит Сталина за то, что он был автором проекта «мобилизационного общества»³. Виталий Третьяков, бывший главный редактор некогда одной из самых либеральных в России газет («Независимой газеты»), придумывает культурологические обоснования новому культу Сталина: «Сталин — наше все.

Как и Пушкин. Два полюса русской культуры»⁴. В стане левых сил, подлинных наследников Сталина, который безжалостно разрушал и русские национальные традиции, и церковь, гноил в лагерях как русских националистов, так и видных представителей русского клира, создаются движения с невероятной идеологической начинкой из смеси сталинизма, национализма и православия⁵. Однако все разновидности такого изобретенного традиционализма недолговечны — это скорее мода, чем традиция.

Традиционализм без традиций. Традиционализм как политический интерес к опоре на традиции в России, безусловно, есть, а вот в какой мере сохранились сами традиции, т. е. накопленный культурный опыт, передающийся из поколения в поколение и воспроизводящий своеобразие форм, норм и ценностей культуры? Понятие «традиция» генетически восходит к латинскому *traditio* и к глаголу *tradere*, означающему «передать». Воспроизводство традиций возможно лишь при наличии особых социальных каналов для диахронной, межпоколенной передачи (трансляции) ценностей и норм культуры, а также механизмов социального контроля, поддерживающих устойчивость традиционных норм.

Многие народы бывшего Советского союза сохранили и то и другое вопреки тоталитарной политике борьбы с «традиционными пережитками». Так, каждый казах до сих пор знает, к какому из трех *жузов* (некогда союзов племен) принадлежит он, его семья и род. Сохранность родовых отношений значительно смягчила в Казахстане последствия коллективизации 1930-х гг., предотвратила ту социальную ксенофобию и бесчинства так называемых «комитетов бедноты», которые проявились в российской глубинке. Впоследствии родовые связи встроились в советскую систему «блата», став основным инструментом нелегального доступа к различным дефицитным благам⁶. Родовые отношения, через которые передаются этнические традиции, сохранились также в Туркмении и еще прочнее в современном чеченском обществе. Здесь все иерархические элементы родо-

⁴ Цит. по: Бондаренко Вл. Указ соч.

⁵ См.: Квачков В. Сталин сегодня: русский православный социализм // «Народное ополчение». Официальный сайт Владимира Квачкова http://www.kvachkov.org/narod.php?narod=social_sphere/182-vladimir-kvachkov-stalin-segodnya-russkij.html

⁶ Подробнее см.: Шац. Э. Роль государства и устойчивость родовых связей в Казахстане // Казахстан и Россия: общества и государства / Ред. и сост. Д.Е. Фурман. М., 2004.

¹ Бондаренко Вл. Народ вседержитель // Завтра. 2000. № 1.

² См.: Общественное мнение — 2002. По материалам исследований 1989–2002 гг. М.: ВЦИОМ, 2002. С. 20.

³ Леонтьев М. Наша страна самостоятельный проект // Россия. 2003. 31 марта.

племенных структур (*дезел, ца, гар, некье и тейп*) в совокупности обеспечивают сохранность традиционных механизмов социального контроля и тот уровень доверия в пределах родовых групп, при котором многомиллионные сделки могут осуществляться без оформления каких-либо документов, на основе устных договоренностей между сородичами. Разумеется, в результате депортации чеченцев и многих последующих событий собственно родовые (тейповые) отношения в их среде сильно ослабели. Однако в ходе двух «чеченских войн» их роль вновь возросла: «оказалось, что в кризисных ситуациях тейп смог взять на себя обязанность защищать личность и гражданское достоинство человека. Уже в силу этого тейп оказался вовлеченным в политическую жизнь»¹. У большинства других народов Кавказа родовые отношения к настоящему времени практически изжиты, но у них сохраняются прочные семейно-родственные и территориально-соседские традиционные институты.

Что касается русского общества, то в нем практически не сохранились те партикуляристские институты, которые все еще выполняют важные социокультурные функции у народов Средней Азии и Кавказа. Намного ниже в России, чем, например, в христианских странах Латинской Америки или в Южной Европе (не говоря уже об исламских странах мира), социальная и политическая роль церкви. Ф. Фукуяма полагает, что уровень проявлений семейно-родственных отношений и передаваемых по этим каналам традиций в России ниже не только по сравнению с такими откровенно традиционными обществами, как китайское, но и со многими европейскими, например, с обществами Франции и Италии. По его мнению, «фамилистические» общества, «то есть те, в которых наиглавнейшим путем реализации общественного инстинкта является семья или более широкие родственные структуры — кланы и племена», обладают «более высоким уровнем социализированности, чем современная Россия»; члены российского общества, по мнению названного философа, «не умеют объединяться друг с другом»².

Действительно, на большей части территории России почти полностью демонтированы механизмы традиционного социального кон-

троля вместе с институтами, которые их хранили. О сельской общине прочно забыли уже в середине прошлого века. Религиозные общины, православные церковные приходы были разрушены в советское время, и их роль, скорее всего, не восстановится ныне, учитывая, что свыше 97% православных верующих не считают себя частью какого-либо одного прихода и посещают церковь эпизодически, по случаю и какую придется. Еще недавно были дворы, в которых пенсионеры, играя в домино, все же приглядывали за соседями, а бабушки, сидящие на лавочках перед парадным, судачили о нравственности тех или иных семей. Это хоть как-то восполняло отсутствие полноценного механизма социального контроля, действующего по принципу «Что люди скажут?» Сегодня и этого нет. А родственные отношения? Их разрушение в российской и, прежде всего, в русской среде, доведение некогда плотных родственных контактов до уровня эпизодического общения — общепризнанный факт. Об ослаблении семейных и родственных связей в русской среде свидетельствует почти полное забвение основных терминов родства, обозначающих родственников за пределами малой нуклеарной семьи. Сегодня не только представители молодежи, но и люди в возрасте 40–45 лет вряд ли скажут, что обозначают такие некогда привычные понятия, как «деверь» (брат мужа), «шурин» (муж сестры), «золовка» (сестра мужа) и многие другие.

Соседские связи в городах наполнены реальным содержанием лишь в границах лестничной площадки. Уже в пределах одного подъезда они ограничиваются в лучшем случае эпизодическими приветствиями друг друга. Договориться же о чем-то жителям всего многоквартирного дома обычно очень сложно. Как отмечает И. Шмерлина, в современных российских городах «соседи воспринимаются отчасти как вынужденный, навязанный элемент окружающей среды»³.

Социологический мониторинг российского общества (Левада-Центр, 1991–2005 гг.) указывает на монотонное ослабление всех видов социальных связей и сжатие сферы межличностного общения до уровня своей квартиры. Две трети опрошенных устойчиво ограничивают свои еженедельные контакты во внерабочее время лишь общением с членами своей семьи

¹ Чеснов Я. Быть чеченцем: личность и идентификации // «Удел Маггалла». — Сайт форума посвященного истории, культурологии и литературе. Москва. 04.02. 2004; <http://www.wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=polit;action=display;num=1080921867>

² Фукуяма Ф. Доверие. М.: АСТ, 2004. С. 57.

³ Шмерлина И. Социальная экология соседства // Социальная реальность. 2006. № 9; (<http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=211&print=yes>).

и родственниками. Более или менее регулярно во вне рабочее время и за пределами своей квартиры общаются с коллегами по работе 20% опрошенных), с членами одной добровольной общественной, политической, культурной организации либо спортивного клуба, секции — 5%, с людьми, принадлежащими к той же церкви, — 2%¹.

Не вызывает сомнений тот факт, что представление о российском обществе как коллективистском, соборном и общинном — это миф. Напротив, сегодня это общество — одно из наиболее атомизированных в современном мире. Это признает большинство экспертов, по крайней мере, в академической среде. Менее освоено следствие из этого факта — атомизация общества существенно ухудшает условия трансляции социокультурных и особенно этнических традиций.

Таким образом, традиционализм в России лишен своих естественных социальных корней, *но он и не является в российских условиях основным механизмом поддержания авторитарного режима. Эту функцию в России выполняет разобщенность.* «Российский социум, — пишет Борис Дубин, — причем именно в образованной и урбанизированной его части — стал более простым и однородным, уплотненным и раздробленным, но тем самым и более податливым для внешних воздействий на всех и каждого из его атомизированных членов»².

Между традицией и правом: патримониальная модель авторитаризма и механизмы ее устойчивости. Новое, развившееся уже в постсоветское время состояние социальных связей, их прогрессирующая атомизация наряду с традиционной склонностью к патернализму и отсутствием исторического опыта самоорганизации и самоуправления — все это создает благоприятную почву для воспроизводства в современной России особой разновидности авторитарного политического режима — *патримониального*. Эта модель была обоснована Максом Вебером, подчеркивавшим ее *переходный характер, проявляющийся в обществах, находящихся на пути между традиционными и рационально-легальными отношениями*. В ее рамках права и обязанности представителей разных страт общества не легитимируются традицией, не опираются на нее. Это уже рациональные отношения, порожден-

ные страхом или выгодой, но они еще не легальные, не опирающиеся на закон. Вся система патримониальных отношений основывается на личной (не правовой) зависимости бюрократии от правителя, народа от бюрократии.

Веберовская модель ныне стала особенно популярной в мировой политологии и часто используется для объяснения как самой специфики политических режимов в посткоммунистических странах, так и причин их устойчивости³. Вебер выделил разные типы личной зависимости бюрократии от властителя — от самых жестких, основанных на страхе наказания смертью («султанский тип»), до сравнительно мягких, покоящихся на взаимной экономической выгоде. Все эти разновидности проявляются и сегодня. Скажем, взаимоотношения нынешнего правителя Чечни Рамзана Кадырова не только со своей личной гвардией, но и со своим чиновничеством — это образец патримониальных отношений султанского типа. Отказ от подчинения султану карается смертью. При этом изменники при невыясненных обстоятельствах погибают не только в Чечне, но и в Москве, и даже в городах Западной Европы.

Султанский тип патримониализма проявляется и в ряде других регионов постсоветского мира, но все же в России, как и в большинстве других постсоветских стран, преобладает не деспотия, а более мягкая экономическая зависимость клиентов от патрона. В такой системе патримониальный чиновник служит не из страха, он вознаграждается за верность возможностью использовать служебное положение в личных целях.

Представление о двух типах авторитарно-патримониальных режимов совпадает, на мой взгляд, и с концепцией **Freedom House**, отражаемой в ежегодном докладе этой организации *Nations in Transit*. Например, в докладе за 2006 г. представлены следующие типы постсоветских стран⁴:

1. *Консолидированные авторитарные режимы*. Они во многом напоминают султанский тип патримониализма и характеризуются высшими показателями авторитарности:

Казахстан	6.39
Беларусь	6.71
Узбекистан	6.82
Туркменистан	6.96

¹ См.: Дубин Б. Массмедиа и коммуникативный мир жителей России: пластическая хирургия социальной реальности // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 3; <http://www.polit.ru/research/2006/09/06/dubin.html>

² Дубин Б. Указ. соч.

³ Наиболее полный обзор этих работ см.: Фисун А. Демократия, непатримониализм и глобальные трансформации. Харьков: Константа, 2006. См. также: Масловский М. Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. 1995. № 2.

⁴ Цит. по: Фисун А. Указ. соч. С. 144.

2. *Неконсолидированные авторитарные режимы.* Это определение очень близко тому, что Б. Дубин вкладывал в понятие «режим разобщения». Показатели авторитарности у стран с таким режимом несколько ниже, чем в первой группе:

Армения	5.14
Киргизия	5.64
Россия	5.75
Таджикистан	5.93
Азербайджан	5.93

3. *«Гибридные» или полуавторитарные режимы.* Показатели их авторитарности еще ниже:

Украина	4.21
Грузия	4.86
Молдова	4.96

4. *Консолидированные демократии.* Они характеризуются самыми низкими показателями авторитарности:

Эстония	1.96
Латвия	2.07
Литва	2.21

Итак, две первые группы можно отнести к патримониальным режимам, которые Макс Вебер считал не только переходными, но и принципиально неустойчивыми. Этот вывод в принципе верен, особенно применительно к неопатримониальным атомизированным обществам, однако жизнь показала, что такие режимы более устойчивы, чем это казалось в начале XX в.

Прежде всего, с тех пор кардинально изменилась возможность манипуляции общественным мнением, и дело не только в росте могущества информационных технологий, но и в ослаблении традиционной культуры. Атомизированные общества с ослабленными механизмами традиционной саморегуляции становятся более пластичными, податливыми к конструированию квазитрадиций (жизни «по понятиям»), на какое-то время заменяющих полноценные нормы.

В современных условиях значительно возросли возможности использования так называемого административного ресурса. В современных патримониальных системах шансы на приход к власти политической оппозиции в результате выборов крайне малы, даже если оппозиция не запрещена полностью, как в Туркмении, и не уничтожается физически, как в Чечне. Скажем, в Грузии, где количество легальных партий велико, политические

ресурсы оппозиции примерно так же малы, как и в России, где осталась едва ли не единственная оппозиционная партия, КПРФ, и разрозненные группировки либерально-демократического толка. Да и сами партии трудно отличить от патримониальной власти, поскольку они построены на личных отношениях — это всего лишь группы поддержки популярных личностей.

В неопатримониальных полициях перевернута с ног на голову система взаимоотношений между партиями, представленными в парламенте, и исполнительной властью. Не власть зависит от партий, а партии от исполнительной власти. В таких условиях даже при условии честных выборов мала вероятность демократического управления страной.

Что особенно важно, при современном могуществе политических технологий и разнообразии административных ресурсов простейшие электоральные демократии обречены на вырождение, на подмену имитационными формами, если они не опираются на свои естественные корни — институты гражданского общества. Но в том и состоит проблема развития постсоветских обществ, что в большинстве из них институты гражданского общества очень слабы и к тому же искусственно подавляются. Именно это делает весьма вероятными ретроградные политические процессы. Хочу подчеркнуть, что элементарные и неустойчивые демократии сносит в сторону авторитаризма почти вне зависимости от личных особенностей и биографии лидера страны или специфики региона, будь то бывший агент специальных служб, партийный функционер или бюрократ новой постсоветской формации. Так, академик Аскар Акаев пришел к власти в Киргизии на волне перестройки. Поначалу он демонстрировал и свой демократизм, и прозападную ориентацию, но затем его режим выродился в обычный авторитарный патримониализм и был свергнут в ходе «цветной революции» (уж не помню — то ли «тюльпановой», то ли «маковой»). Просвещенный юрист Николай Федоров, член Межрегиональной депутатской группы времен горбачевской перестройки, демократ из демократов в 1980-е гг., став президентом Чувашии, создал «демократуру», мало отличимую от режима соседней Башкирии, где с советских времен правит Муртаза Рахимов. Михаил Саакашвили по демократичности фразеологии может быть занесен в книгу рекордов Гиннеса, но ныне грузинская оппозиция добивается его отставки, упрекая, не без оснований, в авторитаризме.

Наряду с общими механизмами самосохранения патримониальных режимов в России проявляются и специфические, вытекающие из ее собственного исторического опыта. Так, знаменитую фразу В. Черномырдина: «В России, какую партию ни строй — получается КПСС», — можно трактовать не как фатальную предопределенность истории, а как традиционно российский технологический прием сведения новаций к известным шаблонам. Уже, по крайней мере, последние два века правители на Руси боролись с опасными для них инновациями тем, что противопоставляли им заготовки местного производства, которые похожи на зарубежные новации по форме, но противоположны им по содержанию. Так, термин «нация» стал известен образованному обществу России в самом начале XIX в., почти тогда же, когда он стал обсуждаться в интеллектуальных кругах Франции. Однако сразу же французская идея нации как согражданства, основанного на народном суверенитете, в России была подменена доктриной «официальной народности» или, как ее называет Рональд Суни, доктриной «официального национализма». Согласно ей, народ — вовсе не суверен, это дитя, опекаемое самодержцем как любящим, но строгим отцом. Официальный национализм, по мнению Р. Суни, явился «ответом правящих групп, преимущественно династических и аристократических, на угрозу исключения или маргинализации последних в воображенном сообществе... и был связан с попытками аристократии и монархии сохранить империю»¹. После Первой мировой войны на месте мировых империй стали складываться федерации, но российский особый путь проявился в создании Союза Советских Республик как формы сохранения империи, лишь декорированной некими атрибутами федеративного устройства. Последний по времени пример культурной подмены — это доктрина «суверенной демократии».

«Российская система» не традиционна, но инерционна. Основой этой инерции является господство сырьевой экономики. Как торговала Россия сырьем при Петре I, так и торгует, только вместо леса и пеньки продает нефть и газ. Сырьевые товары составляют 85% российского экспорта и охватывают более 50% российского ВВП, в то время как в развитых странах этот показатель составляет менее 20%. Проблема «ресурсного проклятия» известна давно: мно-

жество стран со значительными природными ресурсами получают весьма малую выгоду от их использования. Главное же, что тотально сырьевая экономика уменьшает стимулы к модернизации. Зачем менять отношение к труду, менять жизненные устои, если можно сносно жить на нефтедоллары? Впрочем, подобные формы самосохранения авторитаризма наблюдались и в других странах. Т. Ворожейкина приводит в качестве примера Мексику времен правления Институционно-революционной партии, которая обеспечила долголетие своего режима, осуществляя «обмен политических прав и свобод на перераспределение дохода в пользу средних и низко доходных групп населения через государственно корпоративистские механизмы»². В России используется примерно тот же механизм, но в нашей стране сверхдоходы от ресурсной экономики еще в большей мере облегчают процесс выкупа демократии у населения.

Сложившаяся структура экономики препятствует утверждению *собственнических начал* среди большей части российского населения. В России, как отмечал Василий Розанов, вся собственность выросла из того, что было либо пожаловано государем, либо украдено у кого-то. Вот и в постсоветский период нефтяные поля и газовые месторождения не были заработаны новыми российскими бизнесменами или получены ими по наследству. Эта собственность досталась им от государства, поэтому и сохраняет свое значение диагноз Розанова: «Труда в собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается»³.

Существует прямая связь между ресурсной экономикой и *структурой элит*. В России главенствует элита, связанная с ТЭК, в наибольшей мере зависящая от государства, поэтому и наиболее сервильная по отношению к власти. Такая элита в наименьшей мере склонна к опоре на гражданское общество, вот и не может оно прорасти через асфальт российской системы.

Засилье нефтегазовой экономики обусловило *избыточную роль государственной власти* в жизни России. С. Кордонский назвал такое государство «ресурсным». Он пишет, что задачами ресурсного государства были и остаются мобилизация и управление ресурсами, которые совсем не товары и чья ценность невыразима в деньгах, а мобилизация ресурсов заключается в том, что государство (в идеале) безраздельно управляет всеми материальными и человеческими потоками.

¹ Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 65.

² Ворожейкина Т. Указ. соч.

³ Розанов В. Уединенное // Он же. Сочинения. М.: Советская Россия, 1990. С. 45.

Главным ресурсом всегда была территория с ее землями и недрами, поэтому ресурсное государство в качестве высшей цели выдвигает удержание, а по возможности и расширение территории. Размышляя о повторяющемся из века в век воспроизводстве деспотических форм правления в России, многочисленные теоретики вслед за Монтескье связывали этот повторяющийся феномен с обширной территорией и наличием у нее врагов, реальных и мнимых. Чем больше страна, чем протяженнее ее границы, тем больше она ощущает угрозы со стороны многочисленных врагов. Страна, живущая в ситуации осажденной крепости, не расположена поощрять народный суверенитет и гражданские права. В таком государстве не приживается федерализм с его децентрализацией власти и широкими полномочиями региональных центров в сфере самоуправления. «Имперский тип государственности, — отмечает А. Захаров, — оказывается естественным оформлением режима, построенного на экспорте сырьевых ресурсов»¹. Политическая апатия нулевых годов еще в большей мере увеличила вероятность возврата России от декоративной федерации к *типу правления, напоминающему имперский*, который всегда опирается на власть наместников в провинциях. Как сажали государи воевод и губернаторов «на кормление», так и сажают. Вот и воспроизводятся нравы города Глухова.

Господство природных ресурсов в экономике при дефиците человеческих требовало прикрепления населения к территории, а после отмены крепостного права прикрепления его к власти. И то и другое было связано с лишением основной части жителей их гражданской и политической субъектности. Используя формулу Джеффри Хоскинга, можно сказать, что «*строительство государства в России мешало строительству нации*»². Но одновременно происходил и рост безответственности государева человека: «Барин правит — пусть он и отвечает за все», «Барин думает, что платит, — пусть думает, что я служу», «Барин имеет собственность — пусть он ее и охраняет». Мало что изменилось с тех пор, и не приходится удивляться тому, что как не было на Руси общества, способного контролировать государственный аппарат и осознавать свою ведущую роль в политической системе, так его и нет. Более того, в этом отношении наблюдается даже регресс, связанный с утратой традицион-

ных институтов социального контроля. Отсюда и гигантские качели инверсии ценностей, о которой я уже говорил.

Неопатримониальные режимы устойчивы, как Матрица³. Они изменяются только в результате внутреннего раскола элиты или революции, которые тоже чаще всего являются всего лишь формой перераспределения власти между ячейками все той же Матрицы. В ходе революции в Киргизии президента Аскара Акаева сверг Курманбек Бакиев, бывший его премьер-министр. А кто такой президент Украины Виктор Ющенко? Премьер-министр президента Леонида Кучмы. А Михаил Саакашвили? Министр в правительстве свергнутого им президента Эдуарда Шеварднадзе.

Матрица прочна. Но она не вечна. Инерция — не фатум и не вечный двигатель. Инерция, как и традиция, ограничивает возможность произвольного движения, задает некоторую особенность исторического пути народа и страны, однако само понятие инерции, по определению, предполагает *возможность ее преодоления при изменениях условий среды и усилении импульсов внешних воздействий*. И такие импульсы ныне проявляются все заметнее в силу большей, чем в прошлом, взаимосвязи стран мира.

О системных пороках патримониальных режимов. Сохраняют свое значение выводы Макса Вебера о принципиальной неустойчивости патримониальных систем. Она порождается, прежде всего, хроническим *дефицитом легитимности власти*. Власть — уже не от бога, но и не от закона, не от выборов. Пока лидера терпят в расчете на то, что он защитит от совсем отвязавшихся бояр, но ресурс личного авторитета скоропортящийся. Отношения внутри элит не легитимированы ни религией, ни законом, ни традицией. Почему московские элиты должны признать верховенство питерских? Почему одним жирные куски, другим объедки? Признать это элитарные группы не могут, к тому же они

¹ Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М.: МШПИ, 2008. С. 41.

² Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). Смоленск: Русич, 2000. С. 11.

³ В данном случае термин «Матрица» используется примерно в том же значении, как в знаменитом фильме Энди и Ларри Вачовски, носящем такое название. В фильме Матрица — это рукотворная компьютерная программа, которая при всем ее могуществе подвластна воле людей и в принципе может быть перенастроена или уничтожена. Вот и патримониальная матрица, в моем понимании, — это всего лишь модель легитимации господства, которая поддается изменению, хотя и обладает высокой инерционной устойчивостью. Совершенно иная трактовка исторической матрицы проступает в произведениях многих современных российских квазикультурологов, использующих понятие «матрица» в мистическом смысле как рок, **предопределяющий** некий «особый» исторический путь.

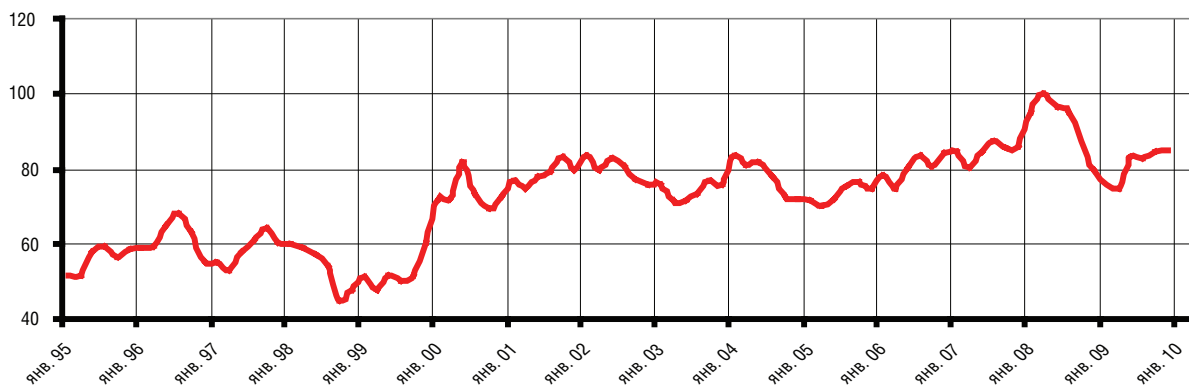
все в большей мере ощущают, что власть не готова к демонстрации декларированной поначалу «равной удаленности» от всех олигархических групп. В неправовом государстве высока вероятность доминирования неких кланов, отраслевых или региональных групп интересов. В таких условиях высока вероятность того, что элита, которая не может укрыться за традицией, не может рассчитывать на постоянное благоволение к ней патрона, будет пробиваться к защите закона, будет заинтересована в переходе от власти авторитета к власти нормы, следовательно, рано или поздно станет поддерживать политическую модернизацию.

Системным пороком патримониальных режимов является также *вырождение их общественных функций*. Еще Вебер отмечал, что неизбежным следствием присвоения служебного положения является утрата чиновничеством своих бюрократических функций. Иными словами, патримониальный чиновник перестает быть государственным служащим, поскольку государственные и общественные интересы подменяются его личными или корпоративными. Вырождение общественных функций бюрократии приводит к тому, что такие режимы

буквально разлагаются от коррупции. Явление это хорошо известно и вряд ли в данной статье нужны какие-то дополнительные аргументы для доказательства растущей коррумпированности нынешнего политического режима в России.

Патримониальные режимы — это всего лишь средство самосохранения сложившегося истеблишмента, они принципиально *не пригодны к проведению политики модернизации* во всех ее формах, как мобилизационной, так (и тем более) инновационной. Отсутствие же модернизационных перемен в условиях включенности России в систему глобальной экономики будет постоянно напоминать о себе растущим отставанием нашей страны в мировой конкуренции. Эти вызовы, скорее всего, будут стимулировать возрастание общественного интереса к политическими переменам, хотя для таких перемен нужны еще и внутренние предпосылки — готовность общества к освоению рационально-легальных форм жизнедеятельности, обычно предшествующих становлению устойчивых демократий. Такие процессы в России проявляются, но крайне противоречиво. Впрочем, анализ этих процессов — тема совсем другой статьи.

ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

Начиная с конца 2009 г., общественные настроения менялись очень мало. Сезонный всплеск потребительских настроений произошел в самом конце года, непосредственно перед новогодними праздниками: в декабре Индекс потребительских настроений (ИПН) вырос, по сравнению с ноябрем, на 12% и достиг уровня 102 пунктов.

Декабрьские измерения более общего показателя настроений, Индекса социальных настроений (ИСН), пришлось на начало месяца, когда еще предпраздничный покупательский ажиотаж был не столь велик, и ИСН не зафиксировал перемен настроений, по сравнению с ноябрем, оставшись на уровне 115 пунктов. Это свидетельствует о том, что рост потребительских настроений в конце декабря носил сезонный характер и был связан только с ожиданиями и подготовкой к самому массовому празднику в году.

Татьяна ВОРОЖЕЙКИНА

Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия¹

Является ли нынешний российский режим авторитарным? Вопрос этот кажется риторическим на фоне властного произвола и насилия, пронизывающих все уровни российского общества. В бесчисленном множестве повседневных взаимодействий с властью российский человек, как правило, сталкивается с сознательным или подсознательным стремлением ее конкретных носителей утвердить свое априорное превосходство и в принципе исключить ситуацию, когда власть вынуждена уступить. Любые, даже слабые и неорганизованные попытки граждан отстоять свои политические и социальные права, прокламируемые в Конституции, сталкиваются с систематическим и по большей части противозаконным применением насилия. Это касается оппозиционных митингов и шествий, забастовок и независимых профсоюзов, сопротивления уплотнительной застройке в городах и борьбы против ухудшения экологической среды обитания, защиты права на жилище и права частной собственности. Во всех этих случаях власть вполне осознанно стремится навязать свою волю силой и тем самым продемонстрировать бессмысленность и изначальную обреченность всякого сопротивления. Тот же, по сути дела, алгоритм воспроизводится и на макрополитическом уровне. Исполнительная власть полностью доминирует над законодательной и судебной, которым отведена роль инстанций, штампующих и оформляющих решения тех структур — президентских или правительственных, в которых в данный момент сосредоточена реальная власть. Разрушены федеративные принципы и механизмы разделения властей. Выборы (там, где они сохранились) не оказывают никакого влияния на формирование

¹ Автор отдает себе отчет, что предлагаемая типология авторитарных режимов XX в. очень сильно смещена — и по критериям, и по примерам в сторону Латинской Америки. Это объясняется не только академической специализацией автора, но тем очевидным обстоятельством, что ни один другой континент не дал такого разнообразия типов и видов авторитаризма, как Латинская Америка. Вместе с тем важнейший пример успешного авторитаризма конца XX — начала XXI вв. — китайский — требует отдельного рассмотрения и остается за рамками анализа.

и функционирование реальных центров власти, на принятие ими решений и, в противоположность демократическим выборам, представляют собой игру по постоянно и произвольно изменяемым правилам, но с заранее известным, predetermined результатом. Ликвидированы или маргинализированы неподконтрольные властям политические партии. Все влиятельные средства действительно *массовой* информации и, в первую очередь, телевидение, полностью подцензурны. Насилие — прямое или замаскированное законами и псевдозаконодательными решениями — все больше выступает как главный принцип и несущая конструкция системы власти, созданной в 2000-е гг.

Вместе с тем целый ряд очень важных параметров путинского режима не позволяет, по мнению многих исследователей, отнести его к категории «классического» авторитаризма. Это, с одной стороны, сохранение определенной, хотя и ограниченной свободы слова и информации (газеты, Интернет); избирательный характер физического насилия, применяемого к противникам режима; его недостаточный, несформированный персонализм² и, главное, регулярное проведение выборов как формального способа легитимации реальной власти. «"Подлинный" авторитаризм, — пишет Л.Д. Гудков, — не нуждается в выборах как плебисцитарной санкции своей легитимности»³. С другой стороны, отмечается институциональная слабость «путинизма» — повсеместная и всепроникающая коррупция, имитационный характер политических институтов, неспособных обеспечить равновесие внутри правящих групп и преем-

² «Персонализм сложившейся системы власти отражает слабость и нерасчлененность, неравновесность российской институциональной системы. Старые институты частично разрушены, новые декларативны и неэффективны (если их оценивать с точки зрения нормативных представлений о демократии, а не исходя из интересов власти). Именно эта *недифференцированность* и опознается нами (ошибочно) как выражение личностной власти, как концентрация власти "в одних руках"». — Гудков Л. Природа «путинизма» // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 3. С. 13.

³ Гудков Л. Указ. соч. С. 14.

ственность власти в сложившейся системе политического господства. Иначе говоря, «путинизм» выступает либо как *не*-авторитаризм, т. е. режим, где взаимоотношения внутри власти и между властью и обществом развиваются по иным, отличным от авторитарных принципам¹; либо как *недо*-авторитаризм — режим, которому не хватает существенных признаков, чтобы превратиться в «подлинный» авторитаризм.

I

Авторы приведенных выше рассуждений оттапливаются, как представляется, от двух существенно различных типов авторитаризма, описанных в западной литературе. Первый блок возражений по существу относится к *традиционному, султанистскому*, по определению Хуана Линца, типу режима, сутью которого является «деспотическое правление одного лица и его клиентелы, опирающееся на преторианскую гвардию и исключаящее любые формы организованного участия во власти со стороны институциональных структур, какие-либо попытки легитимации власти, которая преследует скорее частные, чем коллективные цели»². Х. Линц в принципе отделяет султанистские режимы от более институционализированных авторитарных, но в то же время использует по отношению к ним термин «султанистский авторитаризм»³. Лояльность к лидеру в режимах этого типа основана не на традиции, как в случае описанных М. Вебером патримониалистских режимов XIX в., не на идеологии или харизматических качествах, а на смеси страха и ожидания вознаграждения⁴. Несмотря на целый ряд общих характеристик, султанистские режимы отделяет от собственно авторитарных отсутствие двух важнейших характеристик или измерений: определенной степени или типа *ограниченного политического плюрализма*, легитимизирующего режим, и *апатии, политической демобилизации населения* (или ограниченной, контролируемой мобилизации), на которую авторитарный режим опирается⁵.

В типологии Х. Линца именно этот, второй тип авторитаризма является «подлинным».

Ограничение политического плюрализма в условиях авторитарных режимов может быть узаконенным или установленным *de facto*. Некоторые из этих режимов институционализируют политическое участие ограниченного числа независимых групп или институтов и даже поощряют такое участие, хотя никогда не оставляют ни малейшего сомнения относительно того, что именно власть и только власть будет решать, каким группам и на каких условиях будет разрешено существовать. При этом политическое влияние того или иного представителя группы или института в условиях авторитарного режима зависит не от поддержки, которую ему оказывает соответствующая группа или институт, а от того, насколько доверяет ему лидер или правящая группа. Постоянный процесс кооптации лидеров представляет собой механизм, с помощью которого различные секторы или институты становятся участниками системы, и именно в ходе этого процесса формируется элита, разнородная по своему происхождению и типам карьеры, где профессиональные политики и люди, сделавшие карьеру в политических организациях, составляют меньшинство по отношению к выходцам из бюро- и технократии, армии, групп интересов и иногда религиозных групп⁶. Будучи сопоставлен с этим типом авторитаризма, нынешний российский режим с его крайне слабыми, если не вообще отсутствующими механизмами институционального представительства интересов различных групп и поддержания равновесия внутри элиты, действительно выглядит недостаточным, дефектным авторитаризмом или не авторитаризмом вообще⁷.

Обращение к классической работе Х. Линца как своего рода исходному пункту дискуссий об авторитаризме в XX и XXI вв. мне кажется уместным и даже необходимым в условиях той понятийной нечеткости, которая, на мой взгляд, стоит за почти всеобщим — в либеральных кругах — убеждением в том, что «в России не может быть классического авторитаризма». Х. Линц подчеркивает, что и султанизм, и собственно авторитаризм в его типологии — это идеальные типы в веберовском смысле. Реальный

¹ Режим «инклюзивной гегемонии» или «навязанного» консенсуса, по определению Кирилла Рогова. (См.: Рогов К. Демократия — 2010: прошлое и будущее плюрализма в России // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 5–6).

² Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2000. P. 54.

³ Ibid. P. 157, 159.

⁴ См.: Ibid. P. 151.

⁵ См.: Ibid. P. 54.

⁶ См.: Ibid. P. 161.

⁷ Парадоксально, но под этим углом зрения абсолютное доминирование выходцев из спецслужб на всех уровнях российской административной системы (чем выше уровень, тем их больше) и их резко возросшее влияние в бизнесе, должно рассматриваться как дефект режима, поскольку «подлинный» или «классический» авторитаризм предполагает более или менее равновесное представительство различных институциональных групп в управленческой и экономической элитах.

политический режим всегда представляет собой смешанный набор характеристик, приближающих его к тому или иному типу авторитаризма, и никогда не соответствует идеальному типу по всем параметрам¹. Отсюда условность типологии Линца, как и всякой другой типологии или классификации. Кроме того, по собственному признанию Х. Линца, потребность в категории «авторитаризм» возникла в политической науке относительно поздно, после Второй мировой войны, когда стало ясно, что некоторые режимы в Европе, например, испанский или португальский, и в особенности в третьем мире не могут быть адекватно описаны в категориях демократии или тоталитаризма и относятся к особому типу политического режима, который не может быть просто включен в континуум между демократией и тоталитаризмом. Тем не менее большинство характеристик авторитаризма — это характеристики *от противного*: авторитарными режимы признаются по большей части на основании того, чем эти режимы *не* являются по отношению к демократии и к тоталитаризму². В целом можно сказать, что тот же подход преобладает и в большей части работ по демократии и авторитаризму, появившихся в 1990–2000-е гг.: разочарование в демократических надеждах первой половины 1990-х гг. заставляет исследователей искать квалифицирующие прилагательные уже не к демократии, а к авторитаризму: «полуавторитаризм», «мягкий авторитаризм», «электоральный авторитаризм», «сопоставительный авторитаризм»³.

Параллельно с этим, по преимуществу политологическим, анализом в 1970-е гг. появились фундаментальные работы, где авторитаризм рассматривался как комплексное явление, возникновение которого было связано с воздействием экономических и социальных факторов на политическую сферу и который, в свою очередь, оказывал существенное влияние на экономические и социальные изменения⁴. Этот

подход был предложен аргентинским исследователем Гильермо О'Доннеллом для теоретического объяснения нового для того времени типа авторитаризма, утверждавшегося в наиболее экономически развитых странах Латинской Америки. Его появление — сначала в Бразилии, а затем в Аргентине, Чили и Уругвае — не укладывалось в господствовавшие в 1950–1960-е гг. теории политического развития и политической модернизации, в соответствии с которыми более высокий уровень экономического и социального развития обуславливал более стабильное демократическое устройство. Как отмечал Фернандо Энрике Кардозо, «существовало явное противоречие между политическими последствиями экономического роста, постулируемыми этой теорией, и реальным ходом политической истории, отмеченной военными переворотами и процветающими авторитарными режимами»⁵. Г. О'Доннелл назвал этот феномен «бюрократическим авторитаризмом» и рассматривал его как тип *государства* (а не только политического режима), отличного от иных, более исследованных к тому времени видов авторитаризма — традиционного авторитаризма, популизма и фашизма⁶. Возникновение, социальное воздействие и динамику авторитарно-бюрократического типа политического господства Г. О'Доннелл связывал со структурными изменениями того специфического типа капитализма⁷, который сложился в Латинской Америке, а именно с процессом «углубления» (*deepening*) периферийного зависимого капитализма и переходом от «легкой» к «тяжелой» фазе индустриализации, потребовавшим радикальной трансформации механизмов накопления капитала и, соответственно, перераспределения социальных выгод и издержек этого процесса⁸. Включение социальных критериев в типологию авторитарных режимов позволяло различать их по типу *взаимоотно-*

¹ См.: Linz J. Op.cit. P. 54–55.

² См.: Ibid. P. 53.

³ Levitsky S., Way L.A. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. № 13 (April 2002). P. 51. Cp.: Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives // World Politics. № 49 (April 1997).

⁴ См.: Stepan A. The Military in Politics: Changing Patterns in Brazil. Princeton: Princeton UP, 1971; Authoritarian Brazil: Origins, Policies and Future. New Haven: Yale UP, 1973; Stepan A. State and Society. Peru in Comparative Perspective. Princeton: Princeton UP, 1978; O'Donnell G. Modernization and Bureaucratic Authoritarianism. Berkeley: Institute of International Studies, 1972; Idem. Reflections on the Patterns of Change in the Bureaucratic-Authoritarian State // Latin American Research Review 13. (1978. № 1); Authoritarianism and Corporatism in Latin America. Pittsburgh: Pittsburgh UP, 1977; The New Authoritarianism in Latin America. Princeton: Princeton UP, 1979.

⁵ Cardoso F.H. On the Characterization of Authoritarian Regimes in Latin America // The New Authoritarianism in Latin America. Princeton: Princeton UP, 1979. P. 33.

⁶ O'Donnell G. Reflections on the Patterns of Change in the Bureaucratic-Authoritarian State. P. 6.

⁷ Под капитализмом понимается современное общество в единстве его социально-экономических, политических и социокультурных характеристик. В самом широком смысле капитализм — это общество, основным экономическим регулятором которого является рынок. В какой мере рынок ограничивается государственным вмешательством, какой тип социальных отношений, политической системы, государства, социокультурных характеристик сосуществует и взаимодействует с рынком — все это является основанием для весьма различных вариантов капиталистического развития.

⁸ O'Donnell G. Op.cit. P. 5–6.

шений государства и общества (мобилизационные популистские vs. демобилизационные авторитарно-бюрократические) и по характеру социально-экономической политики («включающие» vs. «исключающие» авторитарные режимы)¹.

Предложенная Г. О'Доннеллом привязка бюрократического авторитаризма к структурным проблемам определенной фазы индустриализации вызвала упреки в экономическом детерминизме и в несоответствии этого объяснения эмпирическим данным в конкретных странах². Представляется, однако, что именно эта, наиболее спорная характеристика латиноамериканского авторитаризма позволила ввести в анализ очень важный параметр для типологии авторитарных режимов – характер *предшествующего* социально-экономического кризиса. Этот подход давал возможность установить типологические различия между сходными по чисто политическим критериям видами авторитаризма и отделить, опираясь на объективные критерии, *современные* авторитарные режимы от их *традиционалистских* предшественников.

II

Исходя из перечисленных критериев можно, как представляется, утверждать, что в XX в. **традиционалистские** авторитарные режимы не были, как это часто считается, порождением традиционных структур как таковых, а напротив, продуктом их начавшегося разложения в результате включения в мировой рынок и процесса первичной индустриализации в этих странах³. Классическими примерами таких режимов были диктатуры – Трухильо в Доминиканской Республике (1930–1961), клана Сомоса в Никарагуа (1934–1979), Убико в Гватемале (1931–1944), клана Дювалье на Гаити (1957–1986), Мобуту в Конго-Заир (1965–1997). Включение

этих стран в мировой рынок было основано на экспорте сельскохозяйственного и минерального сырья, который в большинстве случаев непосредственно контролировался иностранными компаниями и осуществлялся на их, как правило, грабительских условиях, поддержанных экономической и военной мощью бывших и новых метрополий. Печально знаменитым примером этого является американская «Юнайтед Фрут», монополизировавшая в первой половине XX в. экспорт бананов из центральноамериканских стран и Колумбии, владевшая в Гватемале огромными сельскохозяйственными площадями и портовыми мощностями. Импортозамещающая индустриализация, начавшаяся в этих странах в 1960–1970-е гг., носила ограниченный характер и не изменила существенным образом структуры экономики. Ее основой по-прежнему оставался аграрный и сырьевой экспорт – кофе, сахара, хлопка, мяса, фруктов, цветных и редких металлов, драгоценных камней, с одной стороны, и огромный сектор выживания – мелкое крестьянское хозяйство – с другой. При этом рост сельскохозяйственного экспорта, расширение площадей под экспортными культурами, как правило, приводили к увеличению крестьянского безземелья и нарастанию социальных конфликтов.

Приход к власти большинства диктатур этого типа был результатом подавления – ценой большой крови – социальных или политических движений снизу, носивших вооруженный характер. В Сальвадоре это было восстание в 1932 г. крестьян-индейцев, занятых на кофейных плантациях, поддержанное рабочим движением в городах и возглавленное коммунистической партией. Его разгром, в ходе которого армия и вооруженные отряды землевладельцев уничтожили более 30 тыс. человек, и положил начало военной диктатуре, просуществовавшей до конца 1970-х гг. В большинстве случаев подавление низовых народных движений было или организовано из-за рубежа, или стало результатом прямой иностранной интервенции. В Гватемале организованная США интервенция и государственный переворот 1954 г. привели к поражению массового демократического движения, прекращению на десятилетия любых попыток преобразований в политической и аграрной сферах и установлению террористического режима. Его жертвами в 1960–1980-е гг. стали, по разным данным, от 150 до 200 тыс. человек, в первую очередь, индейцы майя, на земли которых все больше распространялось сельскохозяйственное экспортное производство. В Ника-

¹ Включающий vs. исключающий *корпоративизм* в терминологии А. Степана (см.: *Stepan A. State and Society. Peru in Comparative Perspective*. Princeton: Princeton UP, 1978).

² См., например: *Shamis H. Reconceptualizing Latin American Authoritarianism in the 1970s: From Bureaucratic Authoritarianism to Neoliberalism // Comparative Politics* 23 (January 1991); по мнению, Х. Линца, в модели Г. О'Доннелла преувеличивается роль структурных ограничителей и недооцениваются политические возможности предотвращения военных переворотов (см.: *Linz J. Op.cit.* P. 195).

³ Это, по существу, не противоречит и типологии Х. Линца, который считает султанские режимы совместимыми с аграрной экономикой, в которой присутствует некоторое количество торговых и промышленных предприятий. Их стабильность обеспечивается также определенным уровнем модернизации транспорта и связи (см.: *Linz J. Op.cit.* P. 153).

рагу диктатура Анастасио Сомосы возникла в результате оккупации страны морской пехотой США в 1927–1933 гг. Созданная американцами для борьбы с освободительным движением А. Сандино национальная гвардия, которую и возглавил Сомоса, стала важнейшей и единственной опорой диктаторского режима до его свержения в 1979 г.¹ Режим Мобуту в Конго, пришедший к власти после окончания гражданской войны и подавления сепаратистских движений также опирался на помощь и поддержку Запада (бывшей метрополии – Бельгии, а также Франции и США), которая сохранялась вплоть до его полного разложения в 1990-е гг.² Такой генезис традиционалистских авторитарных режимов обусловил их сверхрепрессивный характер. Ни о какой свободе слова или свободе автономной социальной и политической организации речи не шло – основным способом борьбы с любыми проявлениями оппозиции было физическое уничтожение ее участников. Массовые убийства, пытки, исчезновения политических противников, так называемый экстраофициальный террор, осуществляемый переодетыми в гражданское членами официальных репрессивных структур, в течение долгого времени оставались главными и единственными средствами политического и социального контроля.

Традиционалистские авторитарные режимы характеризовало реальное отсутствие представительной политической системы и одновременно ее полная имитация. Это были по-преимуществу режимы личной, не опосредованной институционально власти диктатора и его ближайших родственников, опиравшейся на узкий круг приближенных и преторианские репрессивные структуры – национальную гвардию, полицию, и лично контролируемые диктатором полувоенные формирования. Все латиноамериканские диктаторы этого типа, за исключением Франсуа Дювалье, который был врачом, были выходцами из репрессивных структур и, как правило, занимали пост начальника национальной гвардии или полиции перед тем, как занять пост президента. Тем не менее власть диктатора, будучи властью де-факто, время от времени узаконивалась через формальные институты. Наиболее хрестоматийная и колоритная фигура этого ряда, доминиканский диктатор Рафаэль Леонидас

Трухильо, находясь у власти с 1930 по 1961 гг.³, формально был президентом страны сначала в 1930–1938 гг., а затем в 1942–1952 гг. При этом не только внутри страны, но и за границей прекрасно понимали, кому принадлежит реальная власть в периоды, когда диктатор считал нужным назначить временного местоблюстителя⁴. Точно так же не были все время президентами Анастасио Сомоса-старший и два его сына, правившие в Никарагуа 45 лет – время от времени их сменяли на этом посту их верные соратники. Полное отсутствие реальной политической институционализации было характерно и для тех диктатур, которые не носили персоналистского характера, как это было в Гватемале или Сальвадоре 1950–1970-х гг. Армия была здесь единственным реальным институтом, через который осуществлялась политическая власть экономически господствовавших групп – земельной и экспортной олигархии. В обеих странах формально существовали политические партии, с особой пунктуальностью проводились президентские и парламентские выборы, но реально верховная политическая власть принадлежала высшему армейскому командованию, независимо от того, кто, военный или гражданский, становился президентом на очередной срок.

Важнейшей отличительной чертой традиционалистских авторитарных режимов и центральной характеристикой того типа социального господства, который они воплощали, было полное, нерасчлененное *единство власти и собственности*. Все перечисленные диктаторы и(или) их семьи были обладателями огромных состояний, зачастую составленных из активов, конфискованных у убитых или высланных за границу противников диктатуры. Трухильо, Сомоса и Дювалье владели своими странами как семейной собственностью: им принадлежала значительная часть обрабатываемых земель, наиболее прибыльные промышленные и транспортные предприятия, газеты и телевизионные компании, большая часть дорогой недвижимости. Репрессивные структуры, таким

¹ Именно к нему относится приписываемая Ф.Д. Рузвельту фраза о «нашем сукином сыне».

² См.: Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М.: Наука, 1996. С. 20–38.

³ Трухильо был убит в 1961 г. в результате заговора, поддержанного на первом этапе ЦРУ США, которые стремились не допустить «второй Кубы» в Доминиканской Республике. Эта история лежит в основе прекрасного романа Марио Варгаса Льюсы «Праздник козла» (2000), в жесткой и трагической форме исследующего проблему притяжения подобного рода власти культурными и образованными людьми, их преклонения и восторга перед диктатором.

⁴ В 1954 г., не будучи президентом Доминиканской Республики, а занимая должность ее представителя в Организации американских государств, Трухильо нанес визит в Испанию, где его принимал лично Франко, а оттуда в Италию, где Папа Римский наградил его Орденом большого креста.

образом, охраняли не только власть, но и собственность диктатора и узкого круга его приближенных. Полицейский террор, по сути дела, прикрывал весьма неустойчивую политико-экономическую конструкцию, полностью лишённую как социальных, так и политических механизмов обратной связи. Неразделенность власти и собственности обуславливала негибкость персоналистских авторитарных режимов, их неспособность к постепенному размягчению и более или менее плавной политической эволюции. Утеря власти однозначно вела к утере собственности, а ослабление и дряхление диктатора – к обрушению режима. Свержение личной диктатуры нигде не означало перехода к демократии, а открывало дорогу длительному периоду политической нестабильности и социальных конфликтов.

По-иному обстояло дело там, где диктатуры не носили персоналистского характера и где собственность, в первую очередь, крупная земельная, была отделена от военной власти, как это было в Сальвадоре и в меньшей мере в Гватемале. Ни в одной из этих стран не произошло обрушения авторитарного режима, хотя переход от военных диктатур к политической демократии в них был отмечен длительными и кровопролитными гражданскими войнами. Многолетнее политическое господство репрессивных структур, всеобъемлющее насилие, которое лежало в основе социальных и экономических отношений, оставили длительный и до сих пор неизжитый след в психологии людей и в их взаимоотношениях с институтами власти.

Режимы традиционалистского авторитаризма вели подвластные им страны к стагнации и тупику. Породивший их процесс разложения традиционных аграрных структур и начавшаяся индустриализация не становилась процессом социально-экономической модернизации в собственном смысле слова, поскольку оказались подчинены интересам частной власти. Нерасчлененное единство власти и собственности в сочетании с политическим и социальным господством, не опосредованным институтами, на десятилетия заблокировали или существенно замедлили процессы социально-экономической модернизации в этих странах.

III

Традиционалистский авторитаризм был несомненным исключением в истории XX в. – большинство авторитарных режимов было в той или иной мере ориентировано на осу-

ществление социально-экономической модернизации и пытались – с разной степенью успеха – продвигаться в этом направлении. В этом смысле все современные авторитарные режимы могут быть, хотя и с большой долей условности, названы **режимами авторитарной модернизации**. К ним могут быть отнесены, во-первых, латиноамериканские популистские режимы и, во-вторых, собственно режимы авторитарной модернизации, как персоналистские, так и авторитарно-бюрократические.

Авторитарные популистские режимы возникли в более развитых странах Латинской Америки (Мексике, Бразилии и Аргентине) в ту же эпоху, что и традиционалистские режимы в менее развитых странах континента, в 1930–1940-е гг. Спусковым механизмом для их появления послужил мировой экономический кризис 1929–1930 гг. и последовавшая за ним Великая депрессия, которые, вследствие падения мировых цен на сырьё, подорвали эффективность экспортного хозяйства, а вместе с ним и устойчивость предшествующей политической системы. В Бразилии и Аргентине это была так называемая «олигархическая демократия», а в Мексике – постепенно усиливавшийся режим личной власти генерала Кальеса, выросший из революции 1911–1917 гг.¹

Популистские режимы – Ж. Варгаса в Бразилии (1930–1945), Х.Д. Перона в Аргентине (1946–1955) и Л. Карденаса в Мексике (1934–1940) – представляли собой наиболее последовательную в истории Латинской Америки попытку интегрировать общество «сверху» путем активного вмешательства государства, которое стремилось инкорпорировать городских трудящихся и средние слои в созданные сверху корпоративные структуры. Важнейшими из этих структур были профсоюзы, вертикальные, клиентелистские, полностью подконтрольные государственной власти организации, через которые главным образом и осуществлялась институционализация массового участия. Предполагалось, что корпоративные организации – профсоюзы, партии, предпринимательские союзы, молодежные и женские движения – должны образовать новую систему представительства классов и групп интересов и заменить собой либеральную систему предста-

¹ Генерал революции Плутарко Элиас Кальес был избранным президентом Мексики в 1924–1928 гг. После 1928 г. Кальес, носивший титул «вождя Революции» («El jefe máximo de la Revolución»), обладал властью де-факто и полностью контролировал трех сменявших друг друга избранных и назначенных президентов страны. Этот режим получил название «максимато».

вительной власти¹. Создавать и направлять эти организации должно было государство, задачей которого было преодоление частных интересов — индивидуальных, классовых, региональных — во имя общенациональных².

Ни одному их популистских режимов, конечно, не удалось реализовать корпоративистскую утопию всеобщего единения в лоне государства и окончательного преодоления индивидуализма, либерализма и классовой борьбы. Но в одном отношении все они оказались в высшей степени успешны: они смогли мобилизовать под национальными лозунгами и лозунгами социальной справедливости значительную часть народных масс, главным образом, городских трудящихся и создать партии и профсоюзы, которые на десятилетия пережили и сами режимы, и их создателей. Для сотен тысяч новых членов этих организаций, впервые почувствовавших себя обладателями реальных социальных прав и участниками реальной политической борьбы, вертикальный характер этих организаций, их зависимость от режима и его лидера не имела особого значения. Это, несомненно, означало радикальное, по сравнению с первой третью XX в., сокращение сферы независимого социального действия, но вместе с тем дало огромный импульс массовому народному движению, общим лозунгом которого была социальная справедливость. В 1950—1960-е гг. это движение перехлестнуло в Бразилии и, особенно, в Аргентине системные рамки. С этой точки зрения, латиноамериканский популизм не поддается, как представляется, однозначной оценке. Тот всплеск социальной активности, который повсеместно сопровождал кризис традиционных структур и начало процесса модернизации, популистские режимы смогли обратить в энергию революции «сверху» в отличие от традиционалистских режимов, способных только на кровавое подавление этой активности. Необходимо также иметь в виду, что в силу ряда причин эта социальная

¹ «Новое государство» не признает индивидуальных прав, противоречащих коллективным. У индивидов нет прав, у них есть обязанности! Права принадлежат коллективу! Государство, преодолевая борьбу интересов, гарантирует права коллектива и заставляет индивидов выполнять свои обязанности перед коллективом». (Речь Жетулио Варгаса перед рабочими Сан-Паулу в 1938 г. Цит. по: Fausto B. Getúlio Vargas. São Paulo: Companhia das Letras, 2006. P. 82).

² В создании таких структур в Бразилии периода «нового государства» и, в особенности, в перонистской Аргентине очевидно влияние идеологии и практики итальянского фашизма, в частности его «Трудовой хартии». Кроме того, это связано и с католической концепцией «органического государства», объединяющего различные интересы и силы в создаваемые государством корпорации.

активность заведомо не могла быть направлена в 1930—1950-е гг. в либеральное русло. К общемировым основаниям кризиса либерализма в этот период³ в Южной Америке добавлялось то обстоятельство, что либерализм, в реальности сильно «разбавленный» идеологией позитивизма и вульгарным клиентелизмом, воспринимался как идеологическое и политическое основание традиционной политической системы, повсеместно обрушившейся в 1930-е гг. под напором внутренних противоречий и мирового экономического кризиса.

Г. О'Доннелл отмечает, что между государством и обществом существует два основных способа опосредования (mediation), два типа коллективной идентичности, которые легитимируют государство в глазах общества: *гражданство* и *нация*. Гражданство означает, во-первых, равенство, основанное на всеобщем избирательном праве и режиме политической демократии. Это позволяет считать, что власть тех, кто занимает государственные должности, осуществляется с согласия граждан. Второй составляющей гражданства является право на регулируемое законом защиту от произвола со стороны государственных институтов. Нация основывается на представлении о «мы», которое предполагает наличие солидарных связей поверх разнообразия и антагонизмов в гражданском обществе, с одной стороны, и признание сообщества своим по принципу отличия от других наций («они») — с другой. Кроме этого существует еще один способ опосредования между государством и обществом — это тип коллективной идентичности, которую Г. О'Доннелл определяет как *народ*⁴. В этом случае «мы» основывается не на общем гражданстве и не на идее нации, включающей всех, без различия их положения в обществе. Коллективная идентичность «народ» (el pueblo, lo popular) предполагает «мы» как носителя требований содержательной, реальной справедливости (в отличие от абстрактного гражданского равенства) и, соответственно, обязательства государства по отношению к менее благополучной части населения.

³ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Он же. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991.

⁴ В английском переводе работы Г. О'Доннелла «Tensions in the Bureaucratic-Authoritarian State and the Question of Democracy» (в кн.: The New Authoritarianism in Latin America. Princeton: Princeton UP, 1979. P. 288–289) термин «народ» используется в испанском варианте el pueblo или lo popular, поскольку английское слово people существенно отличается по значению. Русское понятие «народ» гораздо ближе к испанскому, чем к английскому (см. также: O'Donnell G. Counterpoints. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1999. P. 36–37).

По мнению Г. О'Доннелла, этот тип коллективной идентичности сыграл особую роль в Латинской Америке¹. Формирование наций было опосредовано здесь народным фактором в гораздо большей мере, чем гражданским². Это было связано и с очаговым, социально поляризующим характером зависимого капиталистического развития в XIX — первой трети XX вв. и с доктриной католической церкви, считающей заботу о сообществе обязанностью государства. В XX в. именно популизм наиболее адекватно воплотил в своей политической практике и социальной политике народный тип коллективной идентичности³. Популизм оказался несравненно более влиятельным в Латинской Америке, чем либерализм, коммунизм или фашизм, апеллировавшие к гражданской, классовой и национальной идентичности, соответственно. Популистские режимы не менее активно использовали национализм как средство народной мобилизации, но он практически всегда был опосредован в официальной фразеологии социальной справедливостью. В отличие от фашизма нация «без прилагательных» не могла быть абсолютной ценностью в мулатских, метисных, иммигрантских странах. Как это ни парадоксально звучит, популизм опирался на гораздо более универсалистский (для того времени и для тех социальных условий) тип коллективной идентичности, чем тот, который лежал в основе либерального политического гражданства. При отсутствии или крайней слабости гражданства социального принцип политического гражданства оказывался пустым для подавляющего большинства населения этих стран.

Экономическим основанием популистского проекта была импортозамещающая индустриализация, создание национальной промышленности и защита внутреннего рынка от конкуренции иностранного капитала и товаров. Роль сырьевого экспорта, бывшего основанием прежней экономической модели, стала вспомогательной и заключалась в том, чтобы обеспечить приток капиталов для развития промышленности. В социальном отношении этот проект был перераспределительным, включившим рост реальной заработной платы и потребления, повышение жизненных стандартов большей части городского населения и усиление его вертикальной мобильности, активную

социальную политику государства — государственное пенсионное обеспечение, обязательные оплачиваемые отпуска, бесплатную систему медицинского обслуживания и даже дешевое государственное жилье (как в перонистской Аргентине). На этой основе возникла популистская социальная коалиция, объединившая предпринимателей, действовавших на внутреннем рынке («национальную буржуазию»), «народный сектор» (городских трудящихся и средние слои), бюрократию и традиционных провинциальных каудильо под эгидой дирижистского государства, которое выступало как главный податель благ — субсидий предпринимателям, субвенций провинциям и штатам, социальной защиты трудящимся и должностям в быстро растущем государственном аппарате⁴.

Популистские режимы по-разному подходили к доставшимся им от прошлых режимов демократическим институтам. Жетулио Варгас, пришедший к власти в результате государственного переворота, на первом этапе своего правления сохраняет выборы и представительные институты на федеральном уровне, но отменяет выборность губернаторов штатов⁵, назначая туда своих представителей. В 1937 г. он совершает Новый переворот и провозглашает создание «Нового государства», где отменяет действие собственной конституции 1934 г., распускает Национальный конгресс и запрещает все политические партии. Хуан Доминго Перон также приходит к власти в результате переворота в 1943 г. как член военной хунты, но в 1946 г. он избирается и в 1951 г. переизбирается президентом на всеобщих выборах. В перонистской Аргентине проводились выборы в законодательные органы, политические партии действовали легально. Вместе с тем оба режима были, хотя и в разной степени, репрессивными. Варгас действовал прямо, введя цензуру прессы и военное судопроизводство — Трибунал национальной безопасности — для политических противников. С середины 1930-х гг. в Бразилии происходит «институционализация» пыток как рутинной практики репрессивных органов и как части бразильской культуры⁶. В Аргентине фактическая цензура внедрялась путем установления государственного контроля над газетами, а преследование, в том числе физиче-

¹ И, добавим, не только в ней.

² См.: *O'Donnell G. Tensions in the Bureaucratic-Authoritarian State and the Question of Democracy.* P. 290.

³ В этом, собственно, и заключается смысл термина «популизм».

⁴ См.: *Ворожейкина Т.* Как стать гражданами: власть и общество в Аргентине // *Отечественные записки.* 2005. № 6.

⁵ До этого они избирались ассамблеями штатов.

⁶ См.: *Wack W.* *Camaradas: nos arquivos de Moscou: a história secreta da revolução brasileira de 1935.* São Paulo: Companhia das Letras, 1993. P. 261.

ское, политических противников осуществлялось сторонниками режима. В отличие от Перона, который создал свою Хустисиалистскую (перонистскую) партию сразу после прихода к власти, в 1946 г. Варгас в гораздо большей мере опирался на государственный аппарат и прибегнул к мобилизации сторонников режима путем создания Бразильской трабильистской партии только в самом конце своего 15-летнего правления, в момент упадка и кризиса режима. Оба популистских вождя были свергнуты в результате военных переворотов, чтобы затем, рано или поздно, триумфально вернуться к власти на демократических выборах¹.

Сказанное отнюдь не означает, однако, что режим Варгаса был более авторитарным, чем режим Перона. В обоих случаях реальная власть была сосредоточена в президентских структурах. Выборы (там, где они проводились), по сути дела, обеспечивали плебисцитарную легитимацию исполнительной власти и ее законодательных доверенных. Всякая неопределенность результата, связанная с демократическими выборами, была устранена. Поскольку процесс принятия решений был полностью изолирован от механизмов политического участия, существенной политической разницы между более или менее авторитарными популистскими режимами практически не было. Политика рассматривалась ими исключительно как сфера управления, хотя риторика участия составляла важнейший элемент их идеологии².

Самым успешным из латиноамериканских популистских режимов оказался мексиканский. Институционно-революционная партия (ИРП), созданная Кальесом в 1928 г.³, правила в Мексике до 2000 г., когда власть в результате демократических выборов перешла к оппозиции. Мексиканский режим смог пережить и своих популистских собратьев 1930–1950-х гг., и авторитарно-бюрократические режимы 1960–1980-х гг. Ему удалось дольше всех — до середины 1970-х гг. — сохранить популистскую социальную коалицию и, соответственно, социально-экономическую стабильность и политический консенсус, лежавшие в основе устойчивого экономического роста⁴. Социальный контракт, обеспечивший феноменальное политическое долголетие этого режима,

включал обмен политических прав и свобод на перераспределение в пользу средне- и низкодоходных групп населения, с одной стороны, и осуществление государством экономического курса в интересах предпринимателей в обмен на отказ последних от прямого вмешательства в политику — с другой. Для режима ИРП больше, чем для какого-либо другого из популистских режимов, была характерна высокая степень единства власти и собственности. Наличие партии-государства, огромного госсектора в ведущих отраслях экономики, всепроникающий государственный контроль и регулирование породил огромный слой государственной бюрократии, имевшей собственные экономические интересы и, соответственно, всепроникающую коррупцию.

В основе политической устойчивости мексиканского режима, который Марио Варгас Льюса назвал «совершенной диктатурой», лежала скрупулезная легитимация авторитарного по существу режима через систему формально демократических институтов. В Мексике регулярно и в полном соответствии с конституцией проводились выборы исполнительной и законодательной власти на федеральном уровне и уровне штатов. Существовала определенная, хотя и регулируемая государством, свобода прессы при полном контроле государства над телевидением. Оппозиционные политические партии действовали относительно свободно, за исключением коммунистической, которая, однако, также была легализована в 1977 г.

Вместе с тем выборы, в особенности выборы на важнейший политический пост президента страны, носили характер плебисцита. Реально выбор преемника входил в так называемые «экстраконституционные» полномочия действующего президента и осуществлялся им единолично⁵. Через правящую партию исполнительная власть до конца 1980-х гг. устойчиво контролировала от трех четвертей до двух третей конгресса, что достигалось при помощи смеси клиентелизма с рутинной практикой избирательных подлогов. Президентская власть функционировала как автономная и самодостаточная сила, полностью господствовавшая и в политике, и в обществе. Правящая партия концентрировала и монополизировала все административные ресурсы, остальные политические партии были или маргинализированы⁶,

¹ Варгас — через 5 лет, а Перон — через 19.

² См.: *Ворожейкина Т.* Государство и общество в России и Латинской Америке // *Общественные науки и современность.* 2001. № 6. С. 9.

³ Тогда она называлась Национально-революционной партией.

⁴ Средние темпы роста ВВП в Мексике составляли в 1950–1970 гг. 6,6%.

⁵ В Мексике это называлось «dedazo» — «указание пальцем».

⁶ Самая мощная из них, Партия национального действия, только в 1989 г. смогла добиться признания своей победы на губернаторских выборах в штате Баха Калифорния.

или представляли собой более или менее явные креатуры ИРП, призванные обеспечивать видимость многопартийности. Федеральная исполнительная власть полностью контролировала губернаторов штатов, несмотря на их формальную выборность. Эта система была бы неизбежно обречена на застой и саморазрушение, если бы не важнейший принцип непереизбрания, введенный в конституцию страны президентом Карденасом в 1934 г. — президент страны мог быть избран только на один шестилетний срок. Это не только сразу положило конец попыткам перевести реальную власть в неконституционное русло, как это было в период «максимато», но и обеспечивало постоянное, институционализированное обновление политической и административной элиты, а также устойчивые каналы вертикальной мобильности для партийной и государственной бюрократии¹. Именно этот институциональный принцип и делал мексиканскую систему «совершенной диктатурой» — поскольку исключал физическое самочувствие или смерть властителя из числа факторов, определяющих судьбу политической системы. В этом же состоит радикальное отличие мексиканской системы от советской, также основанной на единстве партии и государства, и нынешней российской — введение институциональных ограничителей личной власти позволило обеспечить одновременно преемственность и обновление политической и административной системы.

Популистские режимы осуществили глубочайшую модернизацию экономики и социальной сферы в своих странах, причем популистское государство выступало не только активным участником, но и демиургом этого процесса. Индустриализация привела миллионы людей из традиционной аграрной сферы в города, коренным образом изменила их мировоззрение и в сочетании с социальной политикой государства существенно повысила качество жизни городских трудящихся и средних слоев. Образовательные реформы, проведенные популистскими режимами, вызвали социокультурный сдвиг, который позволил миллионам людей приспособиться к условиям современной городской жизни.

Вместе с тем, несмотря на колоссальный социальный прогресс, в популистский период не произошло качественной трансформации отношений господства, которая позволила бы говорить о модернизации социальных отношений.

¹ Каждый новый президент приводил с собой свою новую команду — «камарилью» в мексиканских терминах.

Конечно, речь шла о начале длительного и, как показало будущее, зигзагообразного процесса модернизации, который и по сей день далек от завершения даже в наиболее развитых странах Латинской Америки. Но, начав и ускорив этот процесс, популизм одновременно тормозил его в наиболее существенном отношении. Популистское государство, несомненно, представляло собой преодоление традиционного латиноамериканского патримониального государства, но одновременно было его органическим продолжением. Популистские режимы опирались как на новый слой профессиональных администраторов, так и на местные и региональные патримониальные структуры. Очень часто местные и провинциальные хозяева жизни занимали места чиновников разного уровня, лишь формально прикрывая государственным статусом систему частной власти де-факто. С другой стороны, процесс бюрократической централизации на национальном уровне сделал миллионы людей подданными авторитарного государства, пронизанного клиентелизмом, коррупцией и произволом, не прекратив, однако, их зависимости от провинциальных каудильо, местных касиков и «полковников». Популистские режимы не смогли модернизировать государство, хотя большинство их лидеров осознавали эту необходимость, а Ж. Варгас даже провел административную реформу, которая положила начало формированию современной бюрократии в Бразилии². Для перехода к современному государству необходимо было современное (гражданское) общество, а популистские режимы, дав ему мощный первоначальный импульс, все больше становились препятствием для его формирования.

Латиноамериканский популизм, о смерти которого неоднократно объявлялось всю вторую половину XX в., оказался феноменально живучим явлением: вновь и вновь возрождается как в тех странах, где у него глубокие исторические корни, так и там, где он впервые возник на рубеже XX—XXI вв. К безусловно авторитарным в нынешней волне популистских режимов в Латинской Америке можно, как представляется, отнести режим Альберто Фухимори в Перу (1990—2000) и режим Уго Чавеса в Венесуэле (с 1999 г.) В отличие от своих исторических предшественников оба они пришли к власти в результате демократических выборов.

² Bresser Pereira L.C. Do estado patrimonial ao gerencial // Brasil: Um século de transformações. São Paulo: Companhia de Letras, 2000. P. 222—259.

Эти режимы радикально отличались по своей экономической политике: праволиберальной в первом случае и «левой», этатистской и перераспределительной во втором. Их роднили, однако, вера во всемогущество государства и его способность трансформировать общество в соответствии с представлениями власти и полное неприятие институтов представительной демократии. За десять лет правления¹ им удалось осуществить практически полную деинституционализацию политической сферы: самостоятельная роль законодательных органов была сведена к нулю, судебная власть перешла под полный контроль исполнительной, президентские выборы стали носить плебисцитарный характер. Оба режима прибегали к постоянным нарушениям свободы слова, а Чавес последовательно добивается полного контроля над телевидением. Кроме того, правление Фухимори сопровождалось нарастанием репрессий против политических противников, включая экстраофициальный террор, убийства и исчезновения. Эти режимы оставили после себя институциональную пустыню, ликвидировав, по сути дела, все эффективные каналы обратной связи с обществом. Идеальным для этого типа правителей способом общения с подданными является монолог (он же – инсценированный диалог), примером которого служат многочасовые еженедельные ток-шоу с участием Чавеса.

Чем объясняется столь удивительная жизнеспособность латиноамериканского популизма? Наиболее общая причина, по моему убеждению, коренится в главной проблеме социального развития континента – проблеме включения социально исключенных в политическую систему. Для значительной, хотя и постепенно сокращающейся части населения многих, в том числе развитых, стран Латинской Америки институты представительной демократии не выполняют (и никогда не выполняли) роль эффективных каналов, через которые они могут отстаивать свои интересы. Современная Венесуэла представляет собой наиболее выразительный пример того, как обрушение старой, формально демократической, но не проницаемой для исключенных политической системы приводит к становлению – демократическим путем! – авторитарных режимов, которые быстро сводят на нет, выхолащивают представительный характер институтов и их способность транслировать интересы общества (в том числе

¹ Правление Чавеса, добившегося отмены всех конституционных ограничений на переизбрание, может продлиться сколь угодно долго, вплоть до его смерти.

протест) в политическую сферу. Без демократического решения этой, проклятой проблемы, патерналистские тенденции социальных «низов» будут вновь и вновь смыкаться с авторитарными, автократическими тенденциями в самой политической системе и разрушать институциональное опосредование между гражданским и политическим обществом².

IV

Режимы авторитарной модернизации второго типа – самые многочисленные в истории XX в. К этому типу относят авторитарно-бюрократические режимы в Бразилии, Аргентине, Уругвае и Чили в 1960–1980-е гг., франкистский режим в Испании (1939–1975 гг.), военный режим 1967–1974 гг. в Греции, режим Сухарто в Индонезии (1965–1998), авторитарные режимы 1960–1970-х гг. в странах Юго-Восточной Азии (Тайвань, Южная Корея, Сингапур), турецкие военные режимы 1960–1980-х гг., шахский режим «белой революции» в Иране в 1960–1970-е гг. и, с оговорками, режим Маркоса на Филиппинах (1965–1986).

Первый вопрос, на который следует ответить, характеризуя этот тип авторитаризма, – это вопрос об общих основаниях для причисления к одному типу всех этих режимов, настолько удаленных друг от друга географически, столь разных по происхождению, по характеру и результатам проводимой ими политики, по социальному, культурному и даже временному (Испания) контексту, в котором они действовали. Таких оснований, как представляется, всего два, и они достаточно тривиальны. Во-первых, все эти режимы были, несомненно, авторитарными: они или разрушили, или лишили всяких реальных полномочий институты представительной демократии, существовавшие до их прихода к власти. Во-вторых, эти режимы действительно пытались осуществлять экономическую модернизацию, некоторые успешно, а иные – совершенно безуспешно. Другие основания выделения всех этих режимов в один тип нуждаются в серьезных уточнениях.

Как уже говорилось, Г. О’Доннелл связал происхождение авторитарно-бюрократических режимов в Латинской Америке с социально-экономическим кризисом, возникающим при переходе от «легкой» к «тяжелой» фазе импортозамещающей индустриализации. И хотя

² См.: *Ворожейкина Т.* Как стать гражданами: власть и общество в Аргентине. С. 106.

этот критерий отнюдь не бесспорен¹, он позволяет выделить несколько общих социально-экономических факторов, способствовавших разрушению демократических систем в самых развитых странах континента. Кризис, о котором идет речь, начинается в Бразилии и Аргентине в середине 1950-х (и несколько позже в Чили и Уругвае) в связи с исчерпанием той модели экономического развития, которая лежала в основе динамизма популистских режимов. «Насыщение внутреннего рынка для простой продукции обрабатывающей промышленности существенно ограничило возможности для дальнейшей промышленной экспансии. Кроме того, первоначальная фаза индустриализации, хотя и сократила зависимость от импорта потребительских товаров, привела к росту стоимости импорта полуфабрикатов и капитального оборудования, необходимого для производства потребительских товаров. Результатом этого стал растущий дефицит платежного баланса, внешняя задолженность и инфляция»². Выход из этого кризиса все более значительная часть правящих и господствующих групп видела на пути «вертикальной интеграции» или «углубления» процесса индустриализации посредством перехода к собственному производству промежуточных товаров и капитального оборудования³. Это требовало резкого увеличения нормы накопления в экономике и создания высокоэффективных капиталоемких производств, как правило, при участии транснациональных корпораций, часть которых именно в это время начинает инвестировать в рынки развивающихся стран.

Такую структурную перестройку было невозможно совместить с сохранением популистской социальной коалиции, основанной на активной социальной политике государства и перераспределении в пользу низкодоходных групп трудящихся, которые, собственно, и составляли массовый внутренний рынок для «легкой» фазы индустриализации. Эта коалиция начинает быстро распадаться со второй половины 1950-х гг., поскольку государство не может больше сочетать расходящиеся интере-

сы народного сектора и наиболее динамичного слоя предпринимателей. Новая экономическая модель требовала деактивации народного сектора, уничтожения тех механизмов и каналов социального и политического действия, которые эффективно использовались ими для отстаивания своих интересов в рамках популистских режимов, а именно профсоюзов и партий. Это, в свою очередь, оказалось несовместимым с сохранением институтов политической демократии, поскольку сила и организованность народного сектора были столь высоки, что блокировали любые попытки демократического разрешения кризиса без учета его интересов⁴. Череда военных переворотов, открытая 31 марта 1964 г. в Бразилии, привела во всех этих странах к установлению системы политического исключения народного сектора, подвергнутого жесточайшим репрессиям, с тем, чтобы, разгромив его организации, покончить с его активной ролью на национальной политической арене⁵.

Было бы неверно, однако, объяснять разгром народного сектора только социально-экономическими причинами и императивами экономического развития. Политическая и социальная его активизация в предшествующие переворотам десятилетия подспудно несла реальную угрозу существующей системе социального господства, угрозу, которая становилась явной, когда народное движение выходило за рамки популистского государства, сдвигая его политику все дальше «влево» (как это было в Бразилии в 1961–1964 гг.) или когда народный блок приходил к власти на демократических выборах (как это произошло в Чили в 1970–1973 гг.) В особенности наглядной эта угроза была в Аргентине и в Уругвае, где леворадикальные группировки с конца 1960-х гг. вели открытую вооруженную борьбу против своих правительств⁶. Военные пришли к власти в условиях

¹ Критики концепции О'Доннелла указывали на существенные различия в уровне индустриализации в Бразилии, Аргентине, Чили и Уругвае на момент совершения там военных переворотов (см.: *The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton: Princeton UP, 1979. P. 8).

² *Collier D. Overview of the Bureaucratic-Authoritarian Model // The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton: Princeton U, 1979. P. 26.

³ В Бразилии этот процесс начинается уже при Варгасе, когда создаются крупнейшие металлургические компании «Вале до Рио Досе» и «Волта Редонда».

⁴ В Бразилии 1945–1964 гг. различные, более или менее радикальные варианты популизма функционировали в рамках демократической политической системы. В Аргентине период 1955–1976 гг. ввел постоянное чередование демократических режимов и диктатур, которые военные устанавливали каждый раз, когда возникала угроза возвращения к власти перонистов. В Чили и Уругвае демократическая традиция практически не прерывалась, за исключением короткого периода диктатуры К. Ибаньеса в Чили в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

⁵ См.: *O'Donnell G. Tensions in the Bureaucratic-Authoritarian State and the Question of Democracy*. P. 292.

⁶ «Возникшее в ядре среднего класса, движение вооруженного сопротивления [в Аргентине] представляло собой очень серьезный вызов военным и политикам. <...> С течением времени это движение смогло создать подлинные массовые организации, члены которых в разной степени участвовали в вооруженном насилии. Уровень притяжения вооруженного насилия среди молодежи среднего класса был очень высоким» (*Lynch J., Cortés R. et al. Historia de la Argentina*. Barcelona:

глубочайшего социально-политического раскола в обществе, авторитарно-бюрократические режимы, которые они установили, были репрессивными и контрреволюционными по своей социально политической природе. Первый из них, бразильский, положивший начало убийствам и систематическим пыткам политических противников, а также «эскадронам смерти» как главному оружию. экстра официального террора, по прошествии времени оказался вполне вегетарианским, по сравнению с практикой военных режимов Чили, Уругвая и особенно Аргентины. Аргентинская диктатура 1976–1983 гг. была установлена в самой богатой и экономически развитой стране континента, население которой в подавляющем большинстве состояло из потомков европейских иммигрантов и считало себя, по выражению Х. Борхеса, «европейцами в изгнании». И именно в этой стране был установлен чудовищный, даже по центральноамериканским меркам, террористический режим, жертвами которого стали около 30 тыс. убитых, замученных насмерть и бесследно исчезнувших ее граждан.

Размах и изощренность террора, осуществлявшегося авторитарно-бюрократическими режимами второго поколения (Чили, Уругвая и Аргентины), не были иррациональными. Военные были преисполнены решимости превратить репрессивное государство в оружие радикальной перестройки общества сверху вниз, восстановления иерархических структур, которые отвечали бы их представлениям о правильной организации общества. Речь шла о «систематических и неустанных попытках государства проникнуть в общество всюду, куда длинная рука государства могла дотянуться, с тем, чтобы насадить "порядок и власть"¹. Это жестко вертикальное, авторитарное, патерналистское представление об идеальных взаимоотношениях государства и общества, казалось бы, жестко контрастировало с той радикально либеральной политикой, которую эти режимы осуществляли в экономике. И, тем не менее, чем более последовательным был либеральный курс в экономике, тем более настойчиво авторитарное государство стремилось «переделать» общество, восстановив в нем пошатнувшиеся в годы популизма структуры

Crítica, 2002. P. 273) Красноречивым подтверждением силы и влияния этих движений в Аргентине и Уругвае является то обстоятельство, что их активисты – Нестор Кишнер и Хосе Мухика – были избраны президентами своих стран в 2003 и 2009 гг. соответственно.

¹ O'Donnell G. Democracy in Argentina: Macro and Micro // Idem. Counterpoints. Selected Essays on Authoritarianism and Democratization. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1999. P. 52.

и модели социального господства. Хотя в целом этого достичь нигде не удалось, политика трансформации общества под эгидой государства имела частичный успех, в особенности заметный в Чили, где военные смогли разрушить основные структуры солидарности и коллективистский этос, сложившиеся здесь с самого начала XX в.

В какой мере выделенные критерии, связанные с генезисом авторитарно-бюрократических режимов Латинской Америке – характер предшествующего социально экономического кризиса и социально-политический кризис, вызванный активизацией народного сектора, – могут быть приложены к остальным режимам авторитарной модернизации, включенным в данную группу? Было бы, конечно, неверно связывать происхождение всех перечисленных режимов с кризисом зависимой индустриализации и ее переходом от «легкой» к «тяжелой» фазе. Однако последний представляет собой лишь одно из проявлений кризиса капитализма среднего уровня развития², который во всех проходивших его странах был чреват острейшими социально-политическими конфликтами, обрушением демократической системы и переходом к той или иной форме авторитаризма³. Именно в ситуации такого кризиса приходит к власти большинство авторитарных режимов из предложенного выше списка, за исключением тех, которые возникают в менее развитых странах Юго-Восточной Азии и в Иране, хотя они также отнюдь не были самыми отсталыми в своих регионах. Так или иначе все эти режимы представляют собой продукт экономического развития, а не отсталости. Практически все они, кроме режимов Ли Куан Ю в Сингапуре и Маркоса на Филиппинах, оказываются у власти в результате глубокого социального кризиса, подавленной революции и/или гражданской войны и носят репрессивный (контрреволюционный) характер⁴.

² Под капитализмом среднего уровня развития имеется в виду определенная стадия исторической эволюции, а не уровень развития данного общества относительно иных, ему современных.

³ Подробнее о характеристиках кризиса среднеразвитого капитализма см.: Майданик К.Л. Правоавторитарные и фашистские режимы и тенденции в Латинской Америке // Латинская Америка. 1975. № 42; К проблеме современных правоавторитарных режимов // Латинская Америка. 1976. № 1.

⁴ Все режимы этого типа пользовались политической, экономической, а иногда и военной поддержкой западных стран, США, в первую очередь. Только администрация Дж. Картера в 1978 г. выступила с публичным осуждением нарушений прав человека в Чили, Уругвае и Аргентине и прекратила военное сотрудничество с правительствами этих стран.

Особое место в этом ряду занимает франкистский режим в Испании¹. Он приходит к власти в результате гражданской войны и военного разгрома социально-политической коалиции, сложившейся вокруг правительства Народного фронта (1936–1939). Будучи первым (по времени появления) режимом подобного рода, он просуществовал до середины 1970-х гг. и вместили в себя все фазы и функции правоавторитарных режимов – от контрреволюционных репрессий и активной политики индустриального развития в 1940–1950-е гг. до постепенного размягчения авторитаризма и подготовки к возвращению к демократии в 1960–первой половине 1970-х. Франкистский режим принято считать хрестоматийным примером режима авторитарной модернизации и столь же хрестоматийным образцом успешного перехода к демократии, основанном на пакте элит². Вместе с тем именно режим Франко наглядно демонстрирует относительность всякой классификации в приложении к реальным историческим и современным примерам, а также отсутствие в реальности четких границ между различными типами авторитаризма, с одной стороны, и между авторитаризмом и другими типами недемократических режимов, тоталитаризмом и фашизмом, с другой. Франкизм приходит к власти как традиционная военно-клерикальная диктатура, развивается как современный авторитарный режим и в то же время представляет собой, по мнению Х. Линца, провалившуюся попытку установления режима тоталитарного³. Франкистский режим смог интегрировать фашистскую по происхождению и национал-социалистскую и национал-синдикалистскую по идеологии партию, Испанскую фалангу, в структуры авторитарного режима, превратив ее в правящую партию на протяжении всего периода 1939–1975 гг.

Одним из важных признаков, отделяющих режимы авторитарной модернизации от традиционалистских, является наличие более или

менее структурированной системы *институционализации авторитарной власти*. Даже в тех из этих режимов, которые возглавлял персональный лидер (Франко в Испании, Сухарто в Индонезии, Пиночет в Чили), существовала система институционального перераспределения власти и ответственности – через правящие партии, как Фаланга в Испании или ГОЛКАР в Индонезии, или военную хунту со сменяемым в соответствии с воинским званием и выслугой лет составом⁴. Некоторые авторитарные режимы сохраняли представительные органы с чисто формальными и крайне урезанными полномочиями и проводили выборы, в которых могли участвовать только разрешенные диктатурой партии или только правящая партия, в тех случаях, когда она была единственной. Наиболее изошренная система подобного рода существовала в Бразилии. Разогнав в 1964 г. представительные органы всех уровней, запретив политические партии и отменив политические права большинства активных деятелей демократических и левых организаций, в 1968 г. военные воссоздают представительную систему на федеральном уровне и уровне штатов, допустив к участию в выборах только две разрешенные режимом партии – правящую партию АРЕНА и оппозиционное Бразильское демократическое движение. К системе реальной власти эти органы и эти выборы никакого отношения не имели. Пост президента каждые пять лет замещал генерал, старший по званию и выслуге лет в вооруженных силах; президент назначал губернаторов штатов, кандидатуры которых затем одобряли соответствующие законодательные собрания. Эта система, несмотря на ее фиктивный характер, начала со временем давать сбои: в 1974 г. официальная оппозиция победила на выборах в Национальный конгресс, что стало для тогдашнего генерала-президента одним из стимулов для того, чтобы начать постепенное «размягчение» диктатуры («*apertura*»). Другие авторитарно-бюрократические режимы в Южной Америке, как и близкие к ним по историческим функциям военные режимы в Греции и Турции⁵, опирались в политическом

¹ Именно на основе анализа идеологии и практики режима Франко Х. Линц впервые сформулировал понятие «авторитаризма» как типа режима отличного и от демократического правительства, и от тоталитарной системы (см.: *Linz J. An Authoritarian Regime: the Case of Spain // Mass Politics: Studies in Political Sociology / N. Y.: Free Press, 1970*).

² См.: *Linz J.J., Stepan A. Problems of Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore, L.: The Johns Hopkins UP, 1996. P. 87–115*.

³ Х. Линц считает, что в первоначальном франкизме присутствовали тоталитарные тенденции, которые могли бы превратить его в подлинный тоталитаризм только в случае победы держав оси во Второй мировой войне (см.: *Linz J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. P. 3–4, note 3; 39*).

⁴ Исключением, с этой точки зрения, является режим шаха М. Реза Пехлеви в Иране, который в политическом плане опирался только на репрессивные структуры. Х. Линц и А. Степан причисляют его (как и режим Ф. Маркоса на Филиппинах) к султанистским патримониалистским режимам вместе с режимами Дювалье и Трухильо (см.: *Linz J.J., Stepan A. Problems of Transition and Consolidation. P. 51*).

⁵ В 1960–1970-е гг. все основные социально-политические и социально-экономические кливажи в Турции совпадали с латиноамериканскими.

и административном плане исключительно на вооруженные силы и репрессивные структуры. Институциональная база этих режимов была несравненно более узкой, чем в Бразилии, хотя надо сказать, что и здесь репрессивный аппарат был важнейшей частью реальной власти, до середины 1970-х гг. именно с его помощью политическая и социальная жизнь Бразилии направлялась в нужное, с точки зрения правящих и господствующих групп, русло.

С точки зрения экономической стратегии, которую они осуществляли, режимы авторитарной модернизации можно разделить на две группы. К первой группе относятся те режимы, которые были ориентированы на существенное, иногда решающее участие государства и госсектора в экономике. Государственный дирижизм и протекционизм по отношению к частному сектору лежал в основе экономических успехов («экономических чудес») в Испании во второй половине 1950-х — 1960-е гг., в Бразилии, Индонезии, Южной Корее, Сингапуре и на Тайване в конце 1960-х — 1970-е гг. Экономическая политика этих режимов могла быть ориентирована на замещение импорта и даже экономическую автаркию, как в Испании в 1940—1950-е гг., или, напротив, на всемерное развитие промышленного экспорта, как в странах Юго-Восточной Азии, или быть одновременно протекционистской и экспортоориентированной, как в Бразилии. Однако во всех этих случаях государство определяло стратегию экономического развития и являлось его основным регулятором.

Именно эта стратегия стала основой модернизационного рывка в Бразилии, осуществленного в конце 1960-х — первой половине 1970-х гг. Политика государственного регулирования экономики сыграла решающую роль в мобилизации внутренних и внешних накоплений и их привлечении в сферу средне- и долгосрочных производственных капиталовложений. Успех этой политики, выразившийся в ускоренном экономическом росте 1968—1974 гг.¹, был результатом сочетания нескольких факторов: первоначального резкого снижения реальной заработной платы и ее доли в ВВП и последующей стабилизации ее уровня в период, когда производительность труда резко возросла²; крупномасштабной переориентации бразильской экономики на производство экспортной

продукции в условиях благоприятной внешней конъюнктуры и увеличения спроса на товары длительного пользования, темпы производства которых росли вдвое быстрее, чем промышленность в целом³. Автомобильное производство, развернутое в Бразилии крупнейшими транснациональными корпорациями «Форд» и «Фольксваген», стало символом и мотором ее экономического процветания. Внутренний рынок для автомобилей и других дорогостоящих товаров длительного пользования обеспечивался с помощью целенаправленной государственной политики перераспределения, но теперь в прямо противоположную, по сравнению с популистскими правительствами, сторону, путем концентрации доходов в руках меньшинства, способного приобретать товары, изготовленные по новейшим техническим стандартам. Покупательная способность этого меньшинства, составлявшего 15—20% населения страны, стимулировалась как благоприятными условиями потребительского кредита, так и самой ситуацией ускоренного экономического роста, который увеличивал спрос на квалифицированных специалистов. Наиболее динамичные, технологически сложные, наукоемкие секторы экономики (автомобилестроение, производство сложного оборудования, электронная и электротехническая промышленность), как правило, принадлежали транснациональным корпорациям и их бразильским партнерам. Напротив, экстенсивные, капиталоемкие отрасли (инфраструктура, металлургия, добывающая промышленность, производство вооружений, добыча и переработка нефти) находились под контролем государства. В годы военного режима госсектор приобрел невиданную даже при популистских режимах Варгаса, Кубичека и Гуларта силу и самостоятельность, обеспечивая около 40% капиталовложений и до 50% занятости. Таким образом, с точки зрения роли государства в экономике, авторитарно-бюрократический режим в Бразилии сохранял полную преемственность по отношению к популизму, в то время как, с точки зрения социальной политики, он, безусловно, представлял собой полный разрыв с популизмом. Широкая социальная коалиция, служившая опорой популистским режимам, сменилась в случае правоавторитарного режима на гораздо более узкую, включавшую государственную бюро- и технократию, местных и иностранных предпринимателей и высшие средние слои.

¹ Ежегодный прирост ВВП в этот период превышал в Бразилии 10%.

² Реальная заработная плата неквалифицированных рабочих в Бразилии сократилась с 1964 по 1967 г. на одну треть и сохранялась на этом уровне до 1974 г. (см.: *Bacha E.L. Issues and Evidence on Recent Brazilian Economic Growth // World Development. 1977. Vol. 5. № 1–2. P. 53*).

³ См.: *Furtado C. La dette extérieure brésilienne // Problèmes d'Amérique Latine. 1982. № 66. P. 16*.

Вторая группа авторитарно-бюрократических режимов, включающая латиноамериканские режимы второго поколения в Чили, Уругвае и Аргентине, ориентировались на ультралиберальную экономическую стратегию, на минимизацию государственного регулирования и отказ от протекционизма, резкое сокращение государственных расходов, демонтаж госсектора и в этом смысле представляла собой антитезу бразильской экономической стратегии. Конечная цель экономической политики этих режимов состояла в том, чтобы сделать частный сектор основным агентом экономического развития, возвратив тем самым рынку роль главного и автоматического регулятора. Наиболее последовательно эта политика проводилась в Чили, где в 1975–1980 гг. госсектор был практически ликвидирован¹, а либерализация импорта (единый таможенный тариф на все товары, кроме автомобилей, был снижен к 1979 г. до 10%) должна была обеспечить выживание лишь тех отраслей, продукцию которых можно было выгодно экспортировать. С экономической точки зрения, эта стратегия оказалась, в конечном счете, успешной: за полтора десятилетия стране удалось, несмотря на последствия экономического кризиса 1982 г., добиться устойчиво высоких темпов экономического роста² и существенным образом диверсифицировать экспорт, почти в половину снизив долю главного экспортного продукта, меди, в его стоимости³. Однако социальная цена этого экономического успеха была огромной: быстрый рост безработицы в результате приватизации и либерализации экономики, отказ правительства от социальных мер поддержки незащищенной части населения привели к резкому падению уровня жизни и появлению огромных массивов нищеты в чилийских городах⁴. За годы военной

¹ Из 507 предприятий, находившихся в ведении Государственной корпорации развития (КОРФО) в 1973 г., к 1980 г. осталось только 15 – на транспорте, в медной и металлургической промышленности. Доля частного сектора в накоплении, которая не превышала 7% в 1974 г., достигла 65% в 1979 г. В целом доля государства в экономике за 7 лет (1973–1980) сократилась в Чили с 43 до 30% (см.: *Brassel J. Le regain du libéralisme économique en Amérique Latine // Problèmes d'Amérique Latine. 1982. № 66. P. 20.*

² Ежегодные темпы роста ВВП в среднем составляли в Чили 6,8 % в 1986–1990 гг. (*Estudio económico de América Latina y el Caribe 2006–2007. Santiago de Chile: CEPAL, 2007. P. 46.*)

³ Доля меди в стоимости чилийского экспорта снизилась с 78% в 1973 г. до 46% в 1990 г. (см.: *Meller P. El cobre chileno y la política minera. Santiago de Chile: Universidad de Chile; Marzo, 2002. P. 17.*)

⁴ Эти меры осуществляло не только правительство Народного единства в 1970–1973 гг., но и предшествовавшее ему правительство христианских демократов (1964–1970).

диктатуры Чили стала одной из стран с самым неравномерным распределением дохода в Латинской Америке, заняв по этому показателю второе место после Бразилии. Так же, как и в Бразилии, важным рычагом структурной перестройки экономики стало снижение реальной заработной платы⁵. Чилийский военный режим, полностью отказавшись от этатистской составляющей предшествовавшего бразильского опыта, вполне воспринял и даже усилил роль социального исключения как базовой характеристики режимов этого типа.

Чилийский режим был единственным экономически успешным из латиноамериканских авторитарно-бюрократических режимов второго поколения. Принесли такие же, если не бóльшие социальные жертвы на алтарь экономической либерализации, аргентинский военный режим 1976–1983 гг. оказался не в состоянии обеспечить аналогичную последовательность в осуществлении экономического курса. Военным не удалось создать открытую экономику и радикально перестроить взаимоотношения государства и общества, заменив популистские механизмы социальной интеграции экономическими, рыночными, как это произошло в Чили. Программа либерализации экономики натолкнулась на сопротивление части аргентинских предпринимателей, не мысливших свою экономическую деятельность без государственной поддержки, и в особенности на экономические интересы военной корпорации, которые были встроены в ту систему государственного интервенционизма и патернализма, которую стремилось разрушить аргентинское министерство экономики. В результате военные сумели привести Аргентину на грань экономической катастрофы еще до начала мирового экономического кризиса 1982 г. и не сформировали даже подобия той социальной базы, которую удалось создать режиму Пиночета в Чили.

Важнейшим фактором экономического успеха чилийского военного режима было, как представляется, последовательно проведенное *разделение власти и собственности*. Государство полностью, за исключением добычи меди, ушло из экономики. У государственных институтов и отдельных чиновников не было собственных экономических интересов, и они не контролировали собственника через механизмы прямой и завуалированной коррупции. По данным

⁵ Реальная заработная плата в Чили была в 1979 г. на 18% ниже, чем в 1974 г., а доля ее в ВВП сократилась в этот же период с 52 до 45% (см.: *Brassel J. Op.cit. P. 27.*)

«Transparency International», Чили — наименее коррумпированная из всех латиноамериканских стран, далеко оторвавшаяся по этому показателю от основного их массива. Следует признать, что это заслуга военного режима. Добившись наименьших успехов в сфере собственной *политической институционализации* (на протяжении 16 лет не проводилось никаких выборов, все представительные органы были распущены, а политические партии запрещены), авторитарный режим смог создать устойчивые экономические институты, обеспечившие стабильное функционирование рыночной экономики. Под этим углом зрения, чилийский авторитарно-бюрократический режим представляется антиподом мексиканского, авторитарно-популистского, который довел до совершенства политико-институциональное прикрытие авторитаризма, но при этом не смог создать экономические и правовые институты, отделяющие власть и экономические интересы ее носителей от собственности.

V

Подводя итог сказанному об авторитарных режимах последнего, третьего типа, необходимо, как представляется, вернуться к началу и задать вопрос о том, насколько оправдано употреблении термина «авторитарная модернизация» для их характеристики. Можно ли, иначе говоря, считать, что эти режимы и, в частности, самые экономически успешные из них — в Испании, Бразилии, Чили, странах Юго-Восточной Азии — действительно осуществили модернизацию своих стран?

С моей точки зрения, модернизация представляет собой комплексный процесс, с разной скоростью протекающий в различных сферах: экономической, технологической, социальной, культурной, политической. Центральным звеном этого процесса, однако, является *модернизация социальных отношений, отношений господства* — именно в этой сфере совершается та решающая трансформация, которая ведет к становлению общества, обладающего собственными внутренними, отличными от государственных и не сводимыми к ним механизмами интеграции, и к появлению автономного типа личности. Эта трансформация ни в коей мере не является простым и предопределенным результатом трансформации экономической, а требует таких институциональных и социокультурных механизмов, которые позволяют преодолевать традиционный тип отношений господства или,

по крайней мере, ограничивать его рамками постоянно сужающихся географических и социальных анклавов¹. Между тем большинство авторитарных режимов этого типа уже в силу условий своего возникновения, связанных с репрессиями и насилием, стремилось к восстановлению «порядка и власти», за которым стояло не что иное, как восстановление традиционных отношений господства, пошатнувшихся в результате социально-экономического кризиса. Некоторые из них, как уже отмечалось на примере латиноамериканских авторитарно-бюрократических режимов, целенаправленно стремились воссоздать в «большом», как они считали, обществе иерархические структуры и модели поведения. С этой точки зрения, большинство авторитарных режимов были анти-модернизаторскими, и, более того, сам термин «авторитарная модернизация» представляет собой оксюморон, поскольку авторитаризм в принципе противоречит социальной модернизации.

Во всех рассмотренных случаях экономически успешного авторитаризма — в Испании, Бразилии, Чили — модернизация социальных отношений, типа человека и, тем более, политической сферы осуществляется уже *после* демонтажа авторитарных режимов, в ходе процесса политической демократизации. Этот процесс отнюдь не был подготовлен в недрах авторитарных режимов, как это часто полагают сторонники «разумного авторитаризма», а напротив, требовал преодоления многообразных проявлений авторитаризма и «авторитарных анклавов», доставшихся в наследство от диктатур. В двух наиболее успешных, хрестоматийных случаях поставторитарной демократизации Испании и Чили она была осуществлена не благодаря авторитарным режимам, а вопреки им: в обеих странах наиболее влиятельные демократические партии не только пережили десятилетия про-скрипций в период диктатур, но и стали основными акторами процесса демократизации. В этом, как представляется, проявилась особая устойчивость латиноевропейской партийной системы, где партии — правые, левые и центр — четко связаны с интересами социальных групп и слоев и представляют эти интересы. Чили в этом, политическом, смысле была единственной страной Латинской Америки с нелатиноамериканскими политическими институтами и партиями, четко отражавшими социальные

¹ См.: *Ворожейкина Т.* Перспективы и тупики российской модернизации // Пути России: культура, общество, человек / Под ред. А.М. Никулина. М.: МВШСЭН, 2008. С. 39–41.

интересы. В целом эта партийная система — сильные левые, сильные правые и сильный центр — сохраняется в Чили до сих пор.

VI

Сравнение путинского режима в России с рассмотренными выше типами авторитаризма, а также с идеальными типами, сформулированными на их основе, приводит к нескольким важным соображениям.

По критерию происхождения, положенному в основу предложенной классификации, путинский режим нельзя объединить ни с одним из известных типов авторитаризма, существовавших в XX в. Он единичен, поскольку является результатом процесса разложения тоталитаризма, представляющего собой единичный случай в мировой истории¹. Ни один из тоталитарных режимов, возникших в других странах (в Германии и — с оговорками — в Италии) не трансформировался в результате внутреннего разложения, все они были разрушены в результате военной интервенции извне, полностью уничтожившей структуры власти и репрессивные институты всех уровней.

Это не означает, однако, что путинский режим уникален и по всем остальным параметрам². Напротив, практически все элементы, из которых сложен этот режим, отнюдь не уникальны и хорошо известны из опыта других стран. Это в первую очередь касается двух наиболее важных характеристик, разделяющих различные типы авторитаризма, о которых шла речь выше: характер политической институционализации режима и степень единства/разделения власти и собственности. По первому критерию — *слабости политической институционализации* — путинский режим гораздо ближе к традиционалистским авторитарным режимам, чем к популистским или даже авторитарно-

бюрократическим. В России не создано ни правящей партии, обеспечивающей эффективные каналы вертикальной мобильности, ни институциональной системы преемственности власти, выводящей ее за пределы властного горизонта одного человека (даже если этот человек лишь псевдоним для группы теневых правителей, как считает Л.Д. Гудков)³.

Вторая характеристика — *нераздельность власти и собственности* — объединяет путинский режим с традиционалистскими и авторитарно-популистскими и отделяет его от наиболее эффективных в экономическом отношении авторитарно-бюрократических режимов. С этой точки зрения, те, кто рассчитывал на ускоренную модернизацию под эгидой авторитарного режима по чилийскому образцу, получили скорее Трухильо, чем Пиночета. Скорость, с которой властная группировка в России прибрала к рукам все наиболее прибыльные экономические активы в стране, существенно превышает ту, с которой получили свои страны в собственность традиционалистские режимы в Центральной Америке.

Возникновение путинского режима, так же, как приход к власти традиционалистских и авторитарно-бюрократических режимов, связан с изначальным («foundational») *кровавополитием* — чеченской войной. Война с собственным народом, через которую с течением десяти лет прошли российские репрессивные структуры, привела к утверждению насилия в качестве одного из базовых элементов социальных отношений. Насилие, осуществляемое в псевдоправовых формах, а чаще — голое неинституционализированное, стало в путинское десятилетие важнейшим фактором демодернизации, ретрадиционализации отношений господства. Как отмечает Л. Гудков, «...для того, чтобы отношения "насилие — терпение" сохраняли свою устойчивость, должны действовать позитивные оценки насилия как особо значимого поведения, причем — в качестве "действий избранных", с одной стороны, "терпения", с другой, и негативная оценка тех, кто ему сопротивляется. Насилие должно быть признано нормальным фактором социальной жизни. <...> Нынешнее российское государство, практикующее лишенное оправдания насилие в отношении своих граждан, производит — и производит непрерывно, систематически по всем каналам своего воздействия на общество — *обесценивание* любых значений автономного от власти существования,

¹ Концепция разложения тоталитаризма предложена в работах Л. Гудкова и Б.Дубина. См.: Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 5; Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма. / Под ред. М. Липман, А. Рябова. М.: Изд. Р. Элинина, 2007; Гудков Л. Общество с ограниченной вменяемостью // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1.

² Тип властных отношений и, шире, государственно-центричная модель развития объединяет Россию и целый ряд развивающихся стран, в том числе, большинство тех, о которых шла речь в данной статье. Подробнее о соотношении тоталитаризма и государственно-центричной модели в России см.: Ворожейкина Т. Ценностные установки или границы метода // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 4. С. 62–65.

³ См.: Гудков Л. Природа «путинизма». С. 12.

любых социальных образований, не имеющих маркировки лояльности к власти»¹. Эта оценка удивительным образом совпадает с тем, как Г. О'Доннелл определяет социальный смысл аргентинского военного режима 1976–1983 гг.: «Мы были не только лишены политического гражданства, но социальные отношения и модели власти (patterns of authority), образующие контекст ежедневного существования, должны были подчинять нас и превращать в послушных детей. Те, кто обладал "правом править" (right to rule), должны были править тиранически на рабочем месте, в школе, в семье и на улицах; те, у кого была "обязанность подчиняться" (duty to obey), должны были делать это покорно и молчаливо, единодушно соглашаясь с тем, что даже самые деспотичные требования как на уровне микросоциальных отношений, так и со стороны государства направлены на благо подданных. <...> Эта концепция власти была в высшей степени вертикальной и авторитарной, она исключала представление об автономии тех, кого стремились ей подчинить. Несмотря на патерналистский тон, украшавший эти аргументы, невозможно было скрыть массовое (не только

физическое) насилие, на которое эта власть опиралась»². Основанное на насилии политическое господство репрессивных структур, на которые опираются слабо институционализированные авторитарные режимы, оставляет, как уже говорилось, трудно преодолеваемый след в психологии людей, привыкших считать себя подданными, и в их отношении к государству.

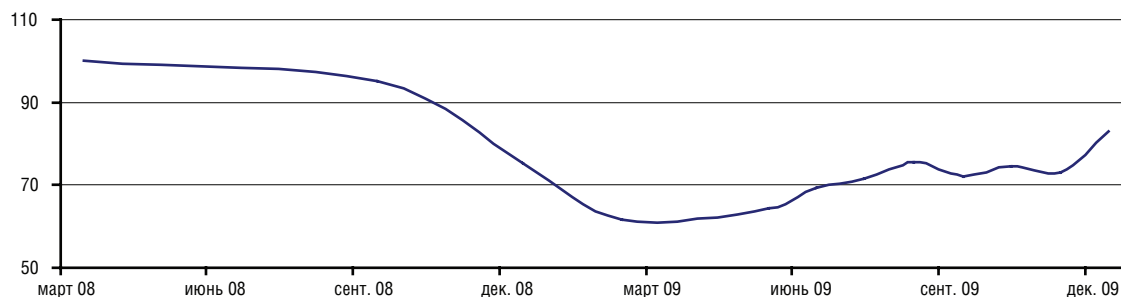
Мне кажется, что перечисленных особенностей путинского режима достаточно, чтобы характеризовать его как авторитарный, понимая под авторитаризмом набор определенных качеств, в той или иной мере присущих авторитарным режимам. Вместе с тем очевидна неспособность российских правящих и господствующих групп к институционализации авторитарного режима. Путинский режим — это режим неструктурированного, «рассеянного» авторитаризма, режим избирательного применения репрессий и избирательного правосудия. Это же обстоятельство — киселеподобный, неструктурированный характер авторитаризма в России — препятствует, как представляется, и формированию социального и политического протеста против него в обществе³.

¹ Гудков Л. Общество с ограниченной вмещаемостью // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1. С. 29.

² O'Donnell G. Democracy in Argentina: Macro and Micro // Idem. Counterpoints. Selected Essays on Authoritarianism and Democratization. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1999. P. 53.

³ На это обратил внимание Сэм Грин в выступлении на Четвертых Ходорковских чтениях (28 мая 2009 г.). — <http://sites.google.com/site/galenko49/Home>

ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА

Марина КРАСИЛЬНИКОВА

Население в кризисе: отложенные уроки

Субъективные оценки, мнения и представления населения России об экономической стороне жизни (и личной, и жизни страны) отличаются куда большей рациональностью и прагматизмом, нежели представления о социально-политической жизни общества. Более того, в той мере, в которой темпы и характер экономического развития страны зависят от действий населения как агента тех или иных экономических отношений, население выступает еще и хорошим предсказателем краткосрочной динамики экономического развития страны.

Реакция населения на экономический кризис, ставший ключевым событием прошедшего года, была вполне прагматична и, в сущности, не столь уж эмоционально преувеличена, т. е. панически окрашена, усилена нерациональными опасениями.

За прошедший год ушли в прошлое экспертные споры о том, был ли кризис «импортирован извне» или для него имелись все предпосылки внутри страны. Фактическая глубина падения основных экономических показателей в России, по сравнению с другими странами, не оставила места для этих дискуссий. Внимательный анализ мнений и настроений населения еще перед кризисом показывал, что в убаюкивающем хоре постоянно растущей экономики страны прослушивались тревожные нотки.

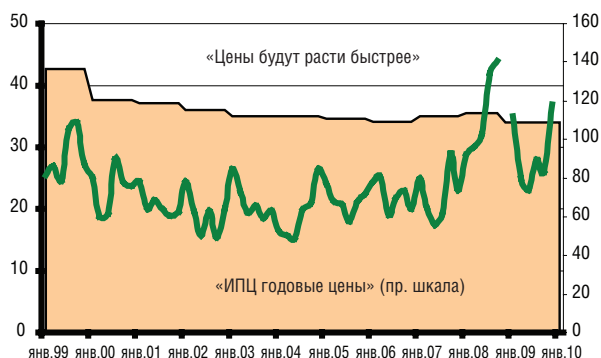
Прежде всего, настораживало сохранение неуверенности в завтрашнем дне, неизменно отражаемое в опросах представление населения о том, что так и не решаются жизненно важные для каждой семьи вопросы — низкий уровень жизни значительных слоев населения, постоянный рост потребительских цен, практическое отсутствие заметных успехов в работе здравоохранительной и образовательной систем и т. п.

Однако все эти проблемы и тревоги были не новы — точно в таком же виде они присутствовали десятилетиями. Несмотря на постепенные улучшения, население по-прежнему в массе своей оставалось бедным, люди жили «от зарплаты до зарплаты», дающей возможность удовлетворения только первоочередных текущих потребностей (питание и одежда). Прimitивный уровень экономических отношений, в рамках которых живет большинство, означает, что экономический кризис для массовых слоев населения имеет простейшие проявления — либо что-то случается с самой зарплатой, либо цены растут так, что привычной зарплаты начинает не хватать. Именно эти два фактора стали основными в распространении нынешних кризисных настроений среди населения, этими критериями оно измеряет состояние экономики страны. Рассмотрим, как менялись в кризисный период настроения и оценки российского населения, опираясь на данные массовых репрезентативных опросов Левада-Центра, а также на цифры экономической статистики, предоставляемой Росстатом РФ.

Инфляционные ожидания. На протяжении всех предкризисных лет благополучного экономического развития его инфляционные ожидания оставались высокими, что было естественно на фоне сохранявшегося высокого уровня ежегодного роста потребительских цен (см. рис. 1). Население давно привыкло жить в условиях высокой инфляции, которая загнала инфляционные ожидания его на столь высокий уровень, что уже трудно измерять различия между «очень-очень высокими» и просто «очень высокими» инфляционными ожиданиями. Все последние годы 85–90% населения ожидали дальнейшего роста цен прежними или более высокими темпами. Поэтому признаком

кризиса стал рост доли ожидавших ускоренного роста цен. Доля тех, кто ожидал ускорения темпов роста цен, осенью 2008 г. выросла примерно вдвое — до 42-44% от общего числа опрошенных.

Рисунок 1
ИНФЛЯЦИОННЫЕ ОЖИДАНИЯ (данные Левада-Центра¹)
И ТЕМПЫ РОСТА ИНДЕКСА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЦЕН - ИПЦ (данные Росстата РФ) (в % от числа опрошенных)

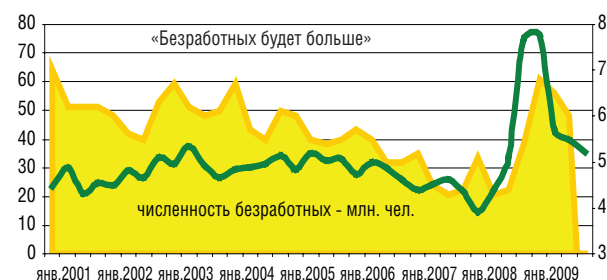
Инфляционные ожидания — это как раз пример субъективных реакций населения, которые носят скорее апостериорный, а не априорный характер. Это характерно не только для России, но и для других стран. В России это особенно ярко проявляется, поскольку экономика страны такова, что возможности частных потребителей влиять на ценообразование путем сокращения или увеличения объема потребительского спроса крайне ограничены (уровень монополизма в экономике и сила административного давления на процессы ценообразования слишком велики).

Опасения безработицы стали для населения основным критерием кризисного состояния экономики. В условиях крайне слабой социальной защищенности российского населения страхи безработицы стали концентратом всего многообразия экономических взаимоотношений, и это не могло быть иначе, когда в стране годами накапливаются и не решаются жизненно важные проблемы экономических взаимоотношений.

С осени 2008 г. опасения потерять работу стали быстро распространяться среди трудящихся (см. рис. 2). По сравнению с началом года, более чем в три раза выросла доля тех, кто полагал, что в ближайшее время число без-

работных в стране вырастет (в ноябре 2008 г. доля таких ответов составила 75% опрошенных, а в начале года и в предыдущие несколько лет такой ответ давал только каждый четвертый-пятый респондент).

Рисунок 2
ОПАСЕНИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ (в % от числа опрошенных; доля ответов «безработных будет больше» — данные Левада-Центра; общая численность безработных в экономике России — данные Росстата).

Усилия правительства по решению проблемы безработицы позволили избежать массовых увольнений, и население довольно быстро стало успокаиваться. Но снизить угрозу безработицы удалось только за счет административных мер, прокурорских угроз и демонстративных «Пикалевских порок». Так называемые «рыночные меры» — стимулирование развития малого бизнеса, особенно среди безработных, очевидно опять «не задалось», по крайней мере, о практических результатах этих усилий правительства ничего не известно.

Еще один фактор, который, по мнению властей, мог испугать население, — это **девальвация рубля**. Широко распространено мнение, что динамика валютного курса является еще одним критерием, которым население руководствуется при оценке экономической ситуации, фактором, влияющим на экономическое поведение населения. Кризис показал, что значимость этого фактора сильно преувеличена. Большая часть российского населения мало интересуется ситуацией на валютных рынках, обменными курсами, соответственно, не оказывают давление на валютный рынок (см. табл. 1 и рис. 3). Причина — бедность, отсутствие сбережений значимых размеров, т. е. отсутствие средств, за сохранность которых нужно опасаться, накоплений, достаточных для валютных спекуляций. Отечественная валюта и сегодня является наиболее предпочтительной формой хранения тех личных сбережений, которые есть у массовых слоев населения. Поэтому усилия и затраты властей на плавную девальвацию рубля несильно повлияли на настроения большинства

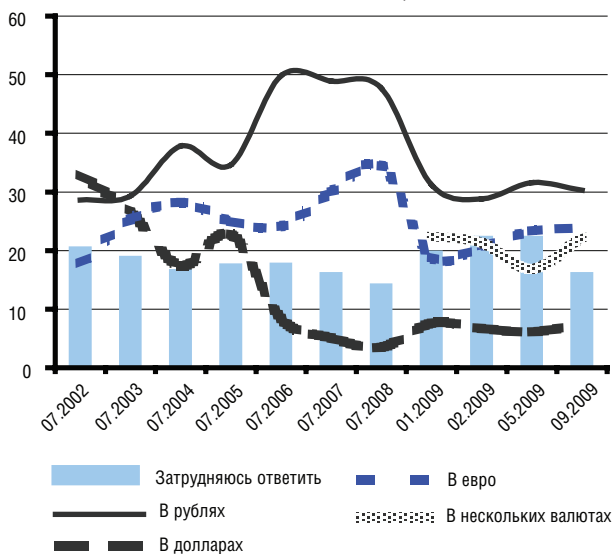
¹ Все приведенные в статье данные Левада-Центра получены в ходе исследовательских программ «Мониторинг», «Курьер» и «Вестник», основанных на репрезентативных опросах взрослого городского и сельского населения России.

населения, хотя и были, очевидно, эффективны для спасения крупных российских собственников.

Таблица 1
СЛЕДИТЕ ЛИ ВЫ ЗА ОБМЕННЫМ КУРСОМ РУБЛЯ К ДОЛЛАРУ? ЕСЛИ ДА, ТО КАК ЧАСТО ВЫ СТАРАЕТЕСЬ УЗНАТЬ ОБМЕННЫЙ КУРС? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра)

Вариант ответа	Дек. 08	Февр. 09	Май 09
Несколько раз в неделю	10	22	14
Примерно раз в неделю	13	18	18
Примерно раз в две недели или реже	9	10	16
Не слежу	68	50	52

Рисунок 3
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В КАКОЙ ВАЛЮТЕ СЕЙЧАС ЛУЧШЕ ВСЕГО ХРАНИТЬ СВОИ СБЕРЕЖЕНИЯ? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра)

Если уровень инфляции и безработицы является важнейшим для населения сигналом о состоянии отечественной экономики, наиболее значимым фактором, определяющим экономическое поведение массового потребителя, то обменные курсы валют живо интересуют относительно малочисленные группы населения, составляющие не более 20%. Однако волнения этой наиболее обеспеченной, но немногочисленной части населения весьма наглядны, поскольку в результате высокого уровня дифференциации личных денежных доходов в их руках сосредоточена почти половина всех доходов российского населения.

Между тем, в реакции населения на динамику валютных курсов важна не только сама по себе активность людей в пунктах обмена валют. Динамика валютных курсов в сознании массовых слоев населения прочно ассоциируется с темпами инфляции — укоренено мнение о том, что «рост курса доллара» обязательно приводит к еще более быстрому росту цен. «Социальные последствия» возможного резкого изменения курса рубля могут быть только опосредованными, т. е. если он провоцирует резкий скачок потребительских цен.

Как население реагировало на признаки кризиса? Страхи и опасения дальнейшего развития кризисных явлений в экономике сначала (в конце 2008 г.) привели к резкому ухудшению оценок материального положения российских семей и заставили людей внести коррективы в свое потребительское поведение. И в этой части население показало высокую меру рыночной рациональности и прагматизма как субъективных оценок, так и обыденного поведения.

Сначала о **семейных доходах**. Долгие годы роста реальных доходов населения страны сопровождались постепенным повышением субъективных оценок динамики материального положения российских семей (см. рис. 4).

Рост личных доходов имел восстановительный характер, позволял залатать «дыры» в семейных бюджетах, но в гораздо меньшей степени приводил к действительно качественным изменениям в уровне жизни людей (см. рис. 5).

За десятилетие реальные доходы населения выросли примерно в два с половиной раза. Рост доходов более или менее равномерно происходил во всех группах населения, существенных изменений в дифференциации денежных доходов не произошло. В результате заметно выросли размеры наиболее обеспеченных массовых слоев населения (это люди, которые без затруднений для семейного бюджета могут себе позволить покупку бытовой техники) — с 4-5% в начале 2000 г. до, примерно, 18% перед кризисом. Одновременно сократилась доля тех, кто едва сводит концы с концами — примерно с 30% в начале 2000 г. до, примерно, 10% перед кризисом. Модальная (наиболее распространенная) характеристика российского потребителя сменилась с «денег хватает только на продукты» до «денег хватает на продукты и одежду».

За время экономического роста заметно сократился уровень бедности. В Левада-Центре регулярно измеряются субъективные оценки величины доходов, которые характеризуют

Рисунок 4
СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ ПРОИЗОШЕДШИХ И ОЖИДАЕМЫХ ИЗМЕНЕНИЙ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕМЬИ (ДАННЫЕ ЛЕВАДА-ЦЕНТРА) И ТЕМПЫ РОСТА РЕАЛЬНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ (данные Росстата) (в % от числа опрошенных)

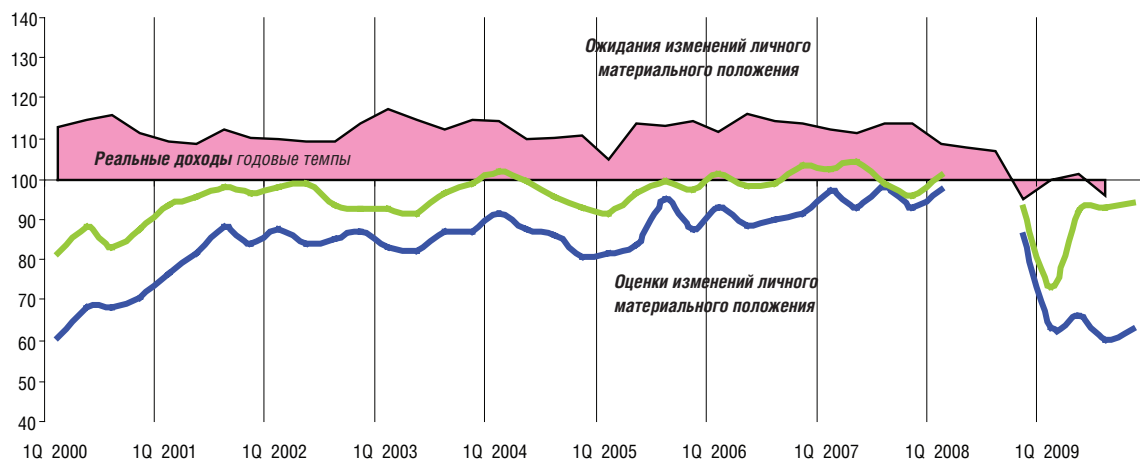
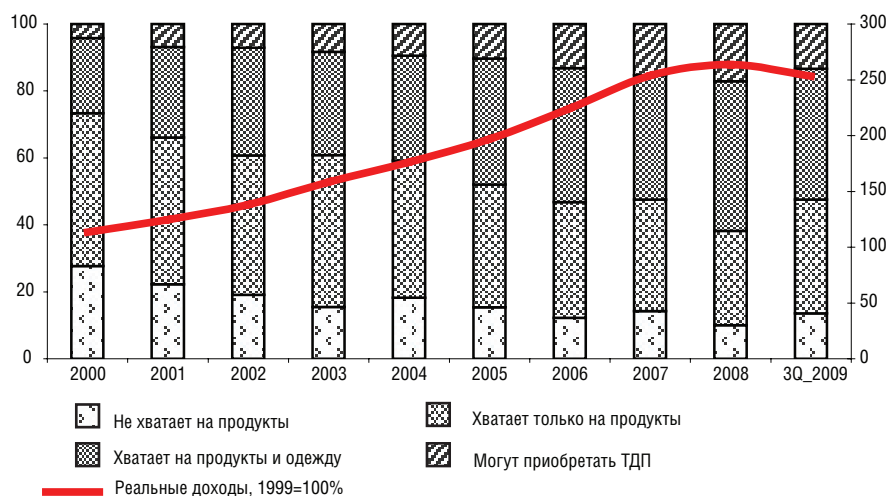

Рисунок 5
СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА СЕМЬИ (данные Левада-Центра) И ИЗМЕНЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ (данные Росстата) (в % от числа опрошенных)

распространенность бедности в обществе. Это, во-первых, оценки величины прожиточного минимума и, во-вторых, оценки такого уровня семейных доходов, ниже которого семью следует считать бедной. Многолетние измерения показывают, что, по мнению населения, это два принципиально различных уровня доходов, — в среднем оценки прожиточного минимума почти в два раза выше, чем оценки уровня бедности. По данным опроса, проведенного в декабре 2009 г., средняя оценка прожиточного минимума составила почти 10 тыс. руб. в месяц на человека, а средняя оценка бедности — примерно 6 тыс. руб. Согласно расчетам Росстата, во втором квартале 2009 г. прожиточный мини-

мум в среднем по стране составлял примерно 5,3 тыс. руб. на человека в месяц. Таким образом, субъективные представления населения об уровне доходов бедной семьи примерно соответствуют статистическим расчетам прожиточного минимума.

Субъективные оценки величины прожиточного минимума существенно превышают официально применяемый в России уровень «порога бедности», на основе которого определяется численность бедного населения. В России применяется так называемый «абсолютный» подход к определению порога бедности, при котором соответствующая сумма дохода рассчитывается на основе суммы затрат на некоторый фик-

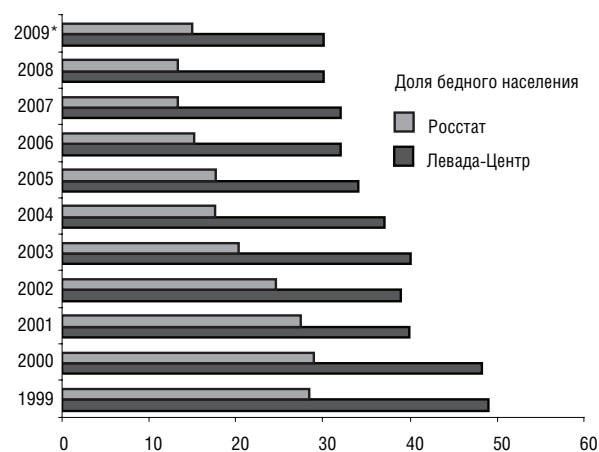
сированный набор потребительских товаров и услуг. Такой метод чаще применяется в относительно бедных странах. В развитых странах, как правило, используется «относительный» подход к определению порога бедности, т. е. граница отсечения доходов бедного населения устанавливается относительно некоторых общих для страны показателей. Например, Евростат для расчетов уровня бедности использует следующее правило: к бедным относятся семьи, доходы которых составляют менее 60% от медианного дохода в среднем по стране. Если применить это правило для современной России, то окажется, что в 2009 г. порог бедности равнялся бы примерно 7,4 тыс. руб. на человека в месяц¹. Таким образом, субъективные оценки жителей России величины прожиточного минимума оказываются значительно выше также и стандартов, применяемых в развитых странах. Что это: завышенные ожидания или иное восприятие понятия «прожиточный минимум»? Представляется, что верно второе объяснение. В сознании большинства россиян «прожиточный минимум» — это уровень дохода, обеспечивающий «скромное, но более-менее приличное существование» (на протяжении десятилетий устойчиво три четверти респондентов выбирают это определение), а не просто физическое выживание. Иными словами, прожиточный минимум — это скорее граница выработанного в обществе стандартного образа жизни, но не бедности. При этом стандарт описывается в терминах «минимума», ориентирован на бедность. И это есть свидетельство укорененности бедного сознания.

Более того, представления о «нормальной» жизни в российском обществе также весьма скромные. В среднем нормальный доход в конце 2009 г. оценивался россиянами на уровне 20 тыс. руб. в месяц на человека. Такой доход, по мнению большинства, должен обеспечивать базовые потребности в еде, одежде, оплате коммунальных услуг. Уже немногие говорят о покупке автомобиля и совсем редко — о решении жилищного вопроса. На это массовое среднее воображение не претендует. О характере запросов среднего современного российского жителя красноречиво свидетельствуют следующие данные: по оценкам городских жителей, уровень «нормального дохода» оказывается почти в два с половиной раза ниже уровня

семейного дохода, при котором семья могла бы позволить себе приобрести жилье хотя бы в кредит².

На основе данных о субъективной оценке уровня доходов бедной семьи в Левада-Центре рассчитывается показатель «субъективной бедности»³, который позволяет оценить долю семей, имеющих доходы ниже уровня бедности. По этим оценкам, доля бедного населения существенно снизилась за период после кризиса 1998 г. — с почти половины населения в 1999 г. до 30% перед нынешним кризисом (см. рис. 6). Примерно такие же темпы сокращения бедности фиксирует и Росстат. Однако доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, по данным Росстата, существенно ниже, чем по субъективным оценкам. Отметим, что и те и другие расчеты динамики бедности показывают: в 2009 г. распространенность этого явления не выросла.

Рисунок 6
РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ БЕДНОСТИ - СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ (данные Левада-Центра) И ДОЛЯ НАСЕЛЕНИЯ С ДОХОДАМИ НИЖЕ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА (данные Росстата) (в % от числа опрошенных)

* Данные Росстата за первое полугодие 2009 г. Как правило, годовые оценки доли бедного населения несколько ниже квартальных данных.

¹ Рассчитано исходя из данных Росстата о среднем размере денежных доходов — 16,7 тыс. в месяц на человека и показателя дифференциации денежных доходов — коэффициента фондов — 16,4 раза.

² По данным репрезентативного опроса городского населения России (N=2200), проведенного Левада-Центром в январе 2010 г. по заказу Сберегательного банка РФ, в среднем доход в расчете на одного человека в месяц, необходимый для того, «чтобы иметь возможность купить в кредит хотя бы однокомнатную квартиру в Вашем Городе» — примерно 60 тыс. руб.; а средняя оценка уровня дохода, который «нужен сейчас Вашей семье, чтобы жить, по Вашим представлениям, нормально» — примерно 23 тыс. руб.

³ О методике расчета см.: Красильникова М. Субъективные оценки уровня бедности в России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2000. № 6. С. 40–45.

С началом развития кризисных явлений в российской экономике второй половины 2008 г. положительные тенденции повышения уровня жизни прервались и субъективные оценки стали стремительно ухудшаться. Однако уже с весны 2009 г. отрицательный тренд поменялся, страхи поулеглись и ситуация выравнялась. Лучше всего об этом свидетельствует восстановление структуры распределения населения по субъективным оценкам материального достатка (см. рис. 5). С одной стороны, отраженная на этом рисунке структура населения очень устойчива, нужны существенные и долговременные фактические изменения размеров семейных доходов, чтобы люди почувствовали изменения в собственном потребительском статусе. В то же время широко распространившиеся осенью 2008 – зимой 2009 гг. кризисные страхи заставили многих иначе взглянуть на свои семейные бюджеты, еще раз задуматься об устойчивости своего материального достатка и оценить его несколько скромнее, в некоторых случаях испугавшись заранее. Мера, в которой изменилась структура распределения субъективных оценок материального достатка во второй половине 2009 г., как раз и показывает меру «необоснованного» страха, страха перед ухудшениями, которые, как оказалось, не произошли. Однако этот страх заставил потребителей пересмотреть свои позиции, и результаты этого пересмотра отразились во вполне конкретных экономических действиях.

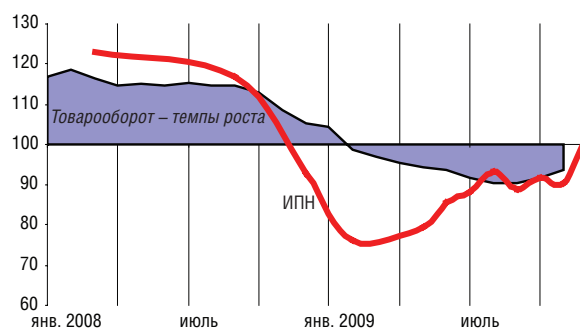
Как повел себя российский потребитель в условиях кризиса? Перед кризисом мы имели улучшенный, по сравнению с началом тысячелетия, но по-прежнему очень скромный образ российского массового потребителя. У «наевшейся и одевшейся» средней российской семьи еще недостаточно свободы потребительского выбора. Действительной свободой потребительского выбора обладают 15–20% семей, которые относят себя к группе тех, кто может свободно приобретать товары длительного пользования, собственно в их руках сосредоточена почти половина денежных доходов населения. Их потребительские настроения особенно сильно влияют на экономическую динамику.

Как повел себя российский потребитель, столкнувшись с изменением экономических условий? Какова рациональность современного российского потребителя? Инструмент ее измерения – индекс потребительских настроений (ИПН). ИПН является общепризнанным показателем, измеряющим динамику потребительского поведения населения. Изменение этого

показателя зависит не только от субъективных оценок людей относительно своего личного материального положения, их взглядов на ситуацию в розничной торговле, но и непосредственно учитывает представления населения о динамике экономического развития страны в целом. Иными словами, ИПН – это действительно индикатор субъективных представлений людей о направлении развития экономики страны. Исходя из этих представлений люди формируют свое потребительское поведение, т. е. оказывают непосредственное влияние на то, как происходит это самое экономическое развитие. Чем выше степень экономической свободы потребителя, чем меньше степень свободы потребительского выбора ограничена удовлетворением первоочередных потребностей, тем сильнее степень влияния потребителя, так называемых массовых слоев населения, на экономическую динамику.

Как реагировало население в роли «потребителя»? В начале по-разному, и наиболее здоровую реакцию продемонстрировал именно массовый потребитель, который сразу же стал сокращать потребление. Осенью 2008 г. высокие инфляционные ожидания привели к кратковременному (до начала 2009 г.) росту спроса только в высокодоходных группах, в то время как основная часть населения под воздействием опасений безработицы и падения денежных доходов (при высоких инфляционных ожиданиях) начала сокращать спрос уже тогда. Это заблаговременно показал ИПН, который стал снижаться уже с конца лета 2008 г. (см. рис. 7).

Рисунок 7
ДИНАМИКА ИНДЕКСА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН) (данные Левада-Центра) И ТЕМПЫ РОСТА РОЗНИЧНОГО ТОВАРООБОРОТА (данные Росстата) (в % от числа опрошенных)

Потребительское кредитование, точнее, кредиты физическим лицам, – еще один важный фактор экономической динамики, непосредственно связанный с выбором населения, фактор, зависящий от действий совокупного

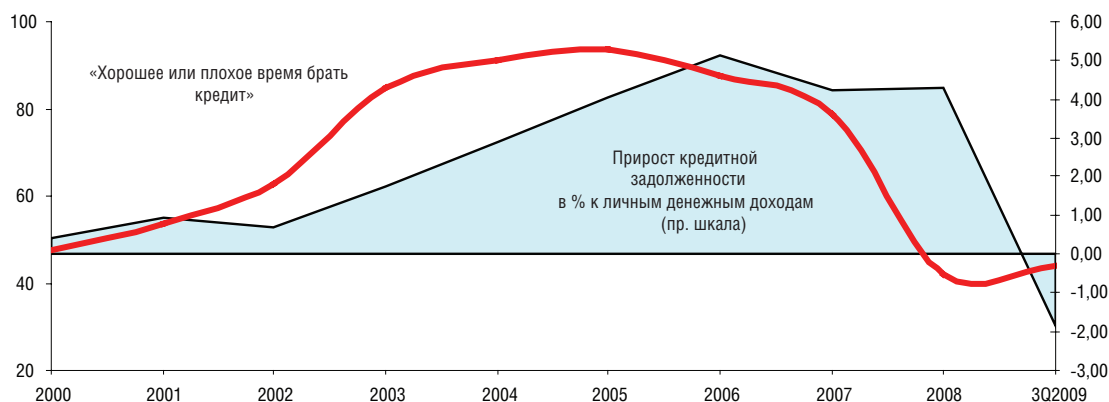
потребителя. Последние годы перед кризисом в России был настоящий «кредитный бум». Еще в начале тысячелетия объем кредитов физическим лицам был просто незаметен в общей массе денежных доходов (был около 0%), тогда как перед кризисом объем кредитной задолженности уже равнялся примерно 16% денежных доходов. Согласно данным Левада-Центра, в этот период быстро росла доля семей, бравших кредиты (см. табл. 2). При этом нужно учитывать, что, как правило, семьи брали кредит не один раз (в среднем, как показывают исследования, — 2 раза). Перед кризисом как минимум треть семей имели задолженность по кредиту.

Таблица 2
ДОЛЯ РЕСПОНДЕНТОВ, СООБЩИВШИХ О ТОМ, ЧТО КТО-ЛИБО ИЗ ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ БРАЛ КРЕДИТ В ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА ПЕРЕД ОПРОСОМ (данные Левада-Центра) (в % от числа опрошенных)

2003	16
2004	23
2005	29
2006	35
2007	38
2009	29

В кризисный период кредитование физических лиц в буквальном смысле «обвалилось». Люди стали гораздо реже брать новые кредиты, соответственно, до четверти сократилась доля тех, у кого еще осталась кредитная задолженность. Но заметим, что представления людей о целесообразности покупок в кредит стали ухудшаться задолго до кризиса (см. рис. 8). Во второй половине 2009 г. кредитные настроения стали понемногу улучшаться, но процесс идет

Рисунок 8
ДИНАМИКА СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПОКУПОК В КРЕДИТ (данные Левада-Центра) **И ПРИРОСТ КРЕДИТНОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В % К СУММЕ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ** (данные Росстата) (в % от числа опрошенных)

медленно, баланс позитивных и негативных оценок целесообразности покупок в кредит остается на уровне десятилетней давности.

Что произошло с личными сбережениями российского населения в период кризиса? Про сбережения можно сказать коротко: массовых потерь сбережений в результате кризиса не произошло. Распространенность личных сбережений не изменилась: как и в предыдущие годы, их имеет примерно четверть семей. В среднем размер сбережений по-прежнему невелик и соответствует примерно 4-5 месячному доходу семьи. Формы хранения сбережений архаичны: в основном это либо крупный госбанк, либо наличные деньги. Различные инвестиционные предложения не привлекают массового «сберегателя». Более того, драгоценные металлы как форма хранения сбережений успешно конкурируют с инвестиционными фондами, добровольным пенсионным страхованием, сберегательными сертификатами, акциями и облигациями, вместе взятыми.

Важное изменение в сберегательном поведении российских жителей в последний год — это усиление роли страховых мотивов в структуре целей накопления сбережений (см. табл. 3). Люди все чаще рассматривают сбережения как страховой запас. Такая стратегия накопления сбережений естественно «дополняет» описанную выше тенденцию частичного отказа от потребительских расходов, кредитных заимствований. Однако сейчас речь не идет о кардинальных изменениях в сберегательных предпочтениях, поскольку основная цель семейных сбережений — по-прежнему накопление ресурсов для обеспечения семейных нужд. Заметный рост доли тех, кто считает нужным копить деньги для «развлечений и путешествий», про-

изошел еще до кризиса и является отражением общего повышения уровня жизни, которое позволило массовым слоям населения задуматься, наконец, и об отдыхе.

Показатели зафиксировались на одном уровне, и только замеры общественных настроений, проведенные в декабре 2009 г., особенно во второй его половине, опять показали некото-

Таблица 3
СТРУКТУРА ЦЕЛЕЙ НАКОПЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ (данные Левада-Центра) (в % от числа опрошенных)

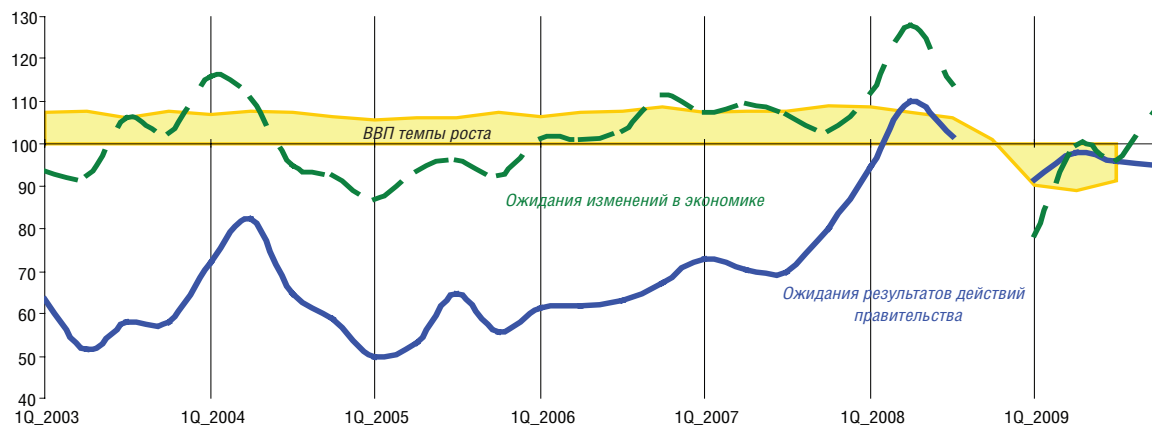
Цели накопления сбережений:	Сент. 2002	Сент. 2005	Сент. 2007	Сент. 2009
Покупка дорогих вещей	14	13	11	11
Покупка квартиры, собственного дома	20	21	21	22
Образование	22	20	19	18
Лечение	27	24	19	24
Отдых, развлечения, путешествия	12	13	12	19
Собственное дело, покупку акций	4	4	4	6
Покупка земли, дачи, садового домика	3	3	2	6
Покупка автомобиля	9	10	10	13
На всякий случай, про запас	35	36	33	41
Другие цели	6	5	7	4
Не стал бы делать сбережения ни на какие цели	9	7	10	11
Затрудняюсь ответить	8	9	10	5

В итоге на сегодняшний день мы имеем следующую картину. Население весьма остро отреагировало на актуальные для него проявления экономического кризиса, в доступной ему мере рационально перестроило свое потребительское поведение в соответствии с кризисными реалиями. Опасения безработицы оказались пока напрасными, соответственно, несколько улеглись страхи потери доходов, люди во многом успокоились, но возвращаться к прежней потребительской эйфории не спешат. Об этом

рый рост. Но этот рост точно имеет значительную сезонную составляющую, объясняемую массовыми предпраздничными настроениями.

Что население ожидает от будущего экономического развития страны? Годы стабильно высоких темпов роста экономики страны (6-8% годового роста ВВП) постепенно вывели показатель экономического оптимизма населения в положительную область. Стали преобладать позитивные ожидания изменений в экономике страны¹.

Рисунок 9
ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ СТРАНЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА (данные Левада-Центра) **И ТЕМПЫ РОСТА ВВП** (данные Росстата) (в % от числа опрошенных)

свидетельствует то, что появившиеся в конце весны 2009-го г. признаки роста потребительского оптимизма, улучшения оценок личного положения не получили пока дальнейшего раз-

¹ Показатель «ожиданий изменений в экономике» рассчитывается как разность положительных и отрицательных ответов на вопрос «Как Вы думаете, что ожидает Россию в ближайшие месяцы в области экономики?» плюс 100.

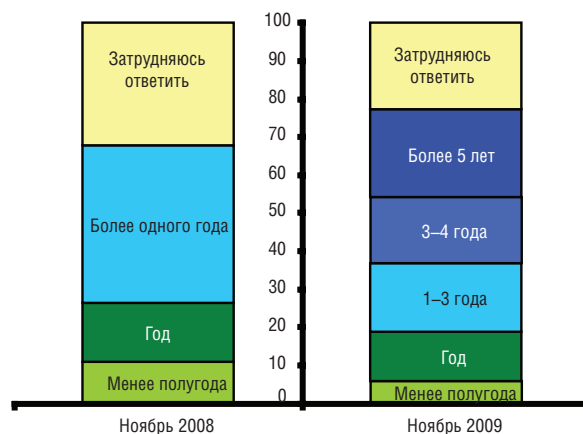
Кризис прервал эту положительную тенденцию. Но в 2009 г. и эти оценки стали восстанавливаться в только что описанном режиме — рост в конце весны, затем на полгода стабилизация и только в декабре всплеск.

Сопоставление динамики экономических ожиданий и оценок успешности экономической политики правительства¹ в 2009 г. хорошо демонстрирует, сколь различна природа прагматических оценок экономической реальности и ожиданий эффективности действий правительства по исправлению экономической ситуации. Имидж нынешнего правительства, как и всего руководства страны, несильно пострадал за период кризиса. Это при желании можно объяснить тем, что, как показывают данные опросов, население пока пострадало от кризиса в меньшей степени, чем опасалось. Но более правильным представляется другое объяснение: население уже давно не особенно верит в эффективность экономической политики государства и сейчас не слишком связывает восстановление экономики с усилиями правительства.

По мнению населения, окончание экономического кризиса откладывается еще на более длительный срок, чем это казалось годом ранее. За год (с ноября 2008 по ноябрь 2009) заметно увеличилась доля людей, считающих, что кризисное состояние российской экономики — это на годы (см. рис. 10). Различия в распределении ответов, показанные на рисунке, на самом деле больше, поскольку в ноябре 2008 г. еще были люди (5% выборки), которые отвечали, что кризиса нет и не предвидится, и такие респонденты на вопрос о сроках окончания кризиса не отвечали.

Отсюда вопрос: о каком кризисе говорит население? О том, который составляет часть мирового финансово-экономического кризиса или о куда более долговременном кризисном

Рисунок 10
КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ КРИЗИС? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра)

состоянии собственно российской экономики? Представляется, что о втором. Это соображение подтверждается и тем, что еще в начале осени 2008 г. большинство людей считали: кризисное состояние, в котором находится российская экономика, это не «внезапное» несчастье, кризис назревал уже много лет. И поэтому 2009 г. — это не просто год преодоления кризиса, а скорее год «отложенных уроков». Оказалось, что в рамках сложившейся модели развития страны удалось так или иначе, но без особых потерь для населения пережить всемирные экономические трудности. Это может стать дополнительным аргументом в пользу того, чтобы по-прежнему «медленно и постепенно» искать подходы к осуществлению давно назревших перемен. Сейчас это принято называть задачами модернизации. В кризисной ситуации власти вполне справились и старым методом «ручного управления». Но задачи все равно надо будет решать, просто сейчас очередной раз удалось увернуться от выполнения уроков.

¹ Показатель «успешности экономической политики правительства» рассчитывается как разность положительных и отрицательных ответов на вопрос «Как Вы считаете, сможет ли нынешнее правительство России в течение ближайшего года улучшить положение в стране?» плюс 100.

Наталья БОНДАРЕНКО

Работодатели и работники в условиях кризиса

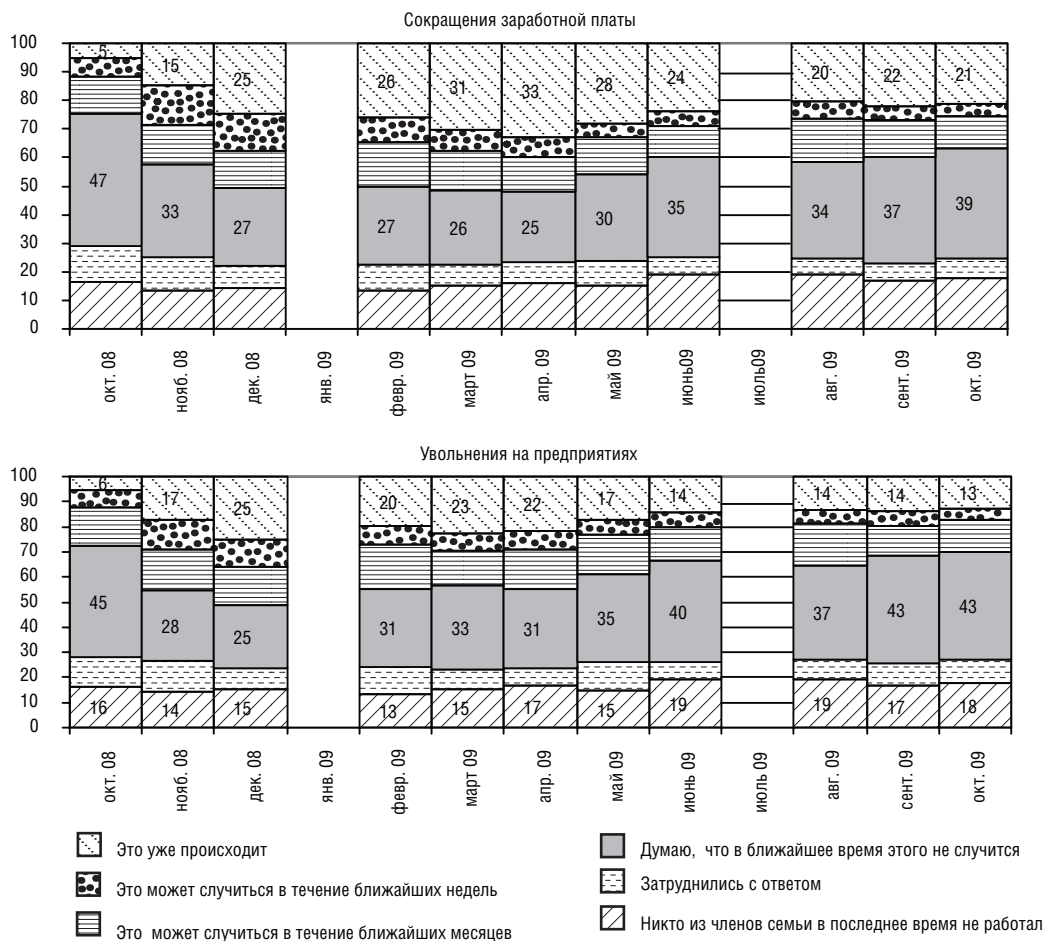
Регулярные опросы Левада-Центра позволили зафиксировать в 2009 г. очень интересный момент на российском рынке труда, причем одновременно в оценках работодателей и работников. Кроме того, благодаря прошлым исследованиям коллектива Левада-Центра сейчас существует возможность сравнить, хотя и в урезанном виде, ситуацию 2009 г. с другими знаковыми годами, в частности с 1998-м. По этим результатам можно судить, какие тактики применяли работодатели при управлении персоналом в «непростых» экономических условиях и

какой эффект от этих мер ощущали на себе сами работники.

О том, как развивались события на рынке труда в 2009 г., можно судить через призму оценок домохозяйств (см. рис.1). Если оценивать по росту доли семей, которые ощутили на себе сокращение зарплат, невыплаты, перевод на сокращенный график, отправку в отпуск без содержания или/и ситуацию угрозы увольнения, то ухудшение ситуации на российском рынке труда работники почувствовали еще в ноябре 2008 г. В дальнейшем, до апреля 2009 г., ситуа-

Рисунок 1

ХРОНИКА 2009 Г. ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ОЦЕНОК ПО ВОПРОСУ: «ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ВАС И О ЧЛЕНАХ ВАШЕЙ СЕМЬИ, ПРОЖИВАЮЩИХ ВМЕСТЕ С ВАМИ, ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕЙЧАС...» (в % от числа опрошенных, N=1600)¹

¹ По регулярным опросам, репрезентирующим взрослое (18 и старше) население России.

ция продолжала ухудшаться. В течение первой половины 2009 г. опрошенные несколько чаще сообщали о сокращении/резании зарплат (апрель 2009 г. – 33% семей), а также о задержках заработной платы, хотя насколько позволяют судить данные, в основном краткосрочных (апрель 2009 г. – 26% семей). О том, что на предприятиях были значительные увольнения/сокращения персонала сообщали реже (апрель 2009 г. – 22% семей). Еще реже встречались ситуации перевода на сокращенный график работы, отправки в неоплачиваемый отпуск, когда «сохранялось рабочее место», но речь все же шла о скрытой безработице (апрель 2009 г. – 13% семей).

В летние месяцы распространенность подобных явлений на рынке труда, по оценкам респондентов, стала фиксироваться реже. А с августа 2009 г., в течение осени прошлого года существенной динамики в ответах респондентов по общероссийским опросам не отмечалось. Так что во второй половине 2009 г. в целом наблюдалась положительная динамика, и в основном показатели вернулись к уровню ноября 2008 г., т. е. к уровню, характерному для начального этапа нынешнего кризиса. Однако ситуацию пока нельзя признать оптимистичной, особенно в том, что касается распространенно-

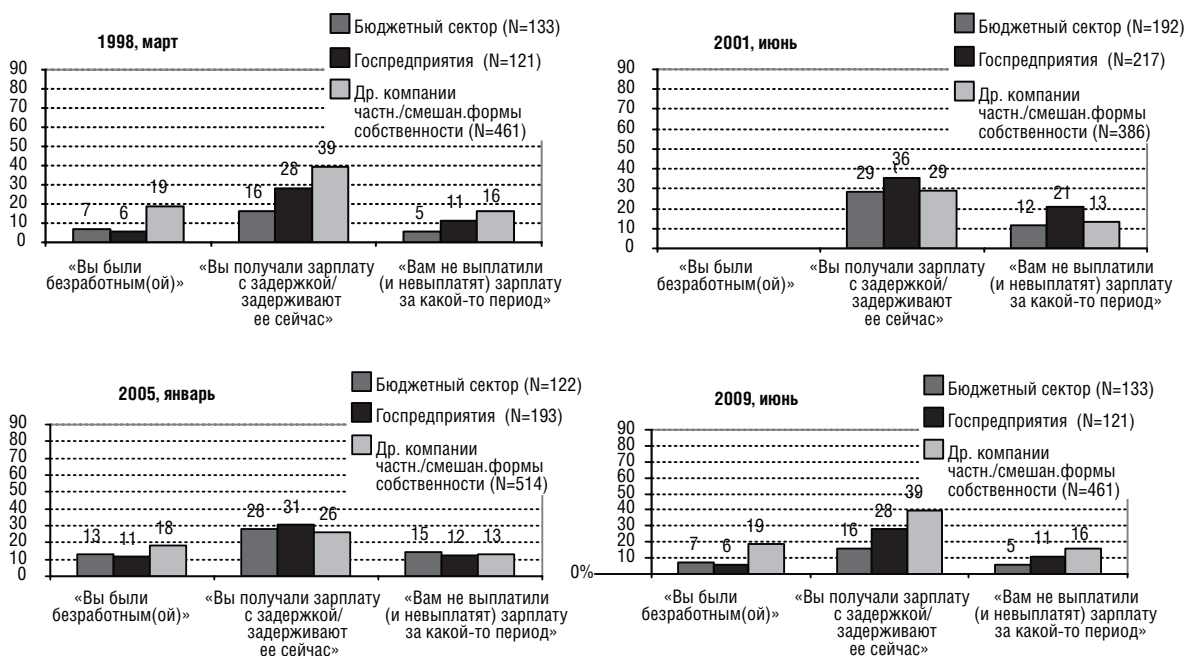
сти случаев, когда снижались заработки работающих членов домохозяйств. Вместе с тем ожидания относительно будущих заработков стали менее пессимистичными: доля тех, кто считает, что у работающих членов их семьи снижение заработков маловероятно, выросла с 25% в апреле до 39% в октябре 2009 г. (см. рис. 1).

Если сравнивать данные общероссийских опросов 1998 и 2009 г., то различия очень заметны. Во-первых, оказалось, что риски несвоевременного получения зарплаты, опасения потерять работу, а также страхи длительной безработицы у работающего населения, по результатам опросов 2009 г., в сравнении с 1998-м, гораздо менее распространены (см. рис. 2, 6).

Во-вторых, относительное «самочувствие» в 1998 и в 2009 г. работников разных секторов экономики: занятых в бюджетном секторе, на госпредприятиях, в частном и смешанном секторе – можно охарактеризовать как диаметрально противоположное (см. рис. 2). В 1998 г. работники негосударственных компаний чаще, чем бюджетники и занятые на госпредприятиях, сообщали, что оставались на время без работы, но все же основной проблемой были массовые задержки выплаты заработной платы во всех секторах. При этом в связи с задержками и невыплатами более всего «страдал» именно

Рисунок 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «СЛУЧАЛОСЬ ЛИ С ВАМИ В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ 12 МЕСЯЦЕВ, ЧТО...» (В % от числа опрошенных, занятых в секторе, расчеты – по городскому населению¹)

¹ По результатам опросов взрослого населения России, проведенных Левада-Центром по заказу Centre for the Study of Public Opinion.

бюджетный сектор. Постепенно ситуация с выплатами выравнивалась по секторам (это отражают результаты последующих опросов в июне 2001 г. и в январе 2005 г.).

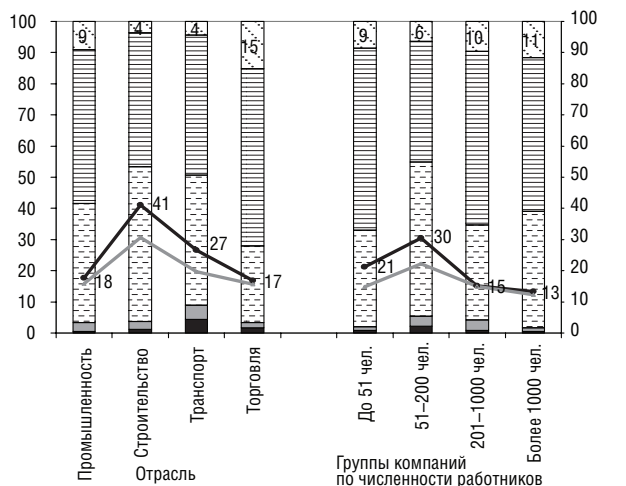
А вот в 2009 г. проблему задержек и невыплат заработной платы чаще ощущали работники компаний частной и смешанной формы собственности. И если брать для ориентира ситуацию в 2005 г., то масштабы задержек в 2009 г. в этом секторе были значительно больше. Не отстают по динамике и госпредприятия (по крайней мере, в оценках работников этих предприятий). Тогда как по *бюджетному сектору* картина в 2009 г. оказалась значительно лучше. Более того, ситуацию с выплатами бюджетникам (так же, как по опыту безработицы) можно назвать наиболее благополучной за весь десятилетний период наших наблюдений.

В целом во всех секторах в 2009 г. как по масштабам невыплат, так и по распространенности опыта нахождения без работы ситуация *гораздо менее драматичная*, чем в 1998 г. Хотя на общероссийском уровне кризисные последствия в 2009 г. были не столь массовыми, это не исключало возможностей развития критической ситуации в определенных секторах экономики и, следовательно, в тех нишах рынка труда, которые связаны с этими секторами. В этой связи особое внимание далее будет обращено на оценку ситуации в основных секторах экономики, в том числе на межотраслевые сравнения.

Как уже отмечалось, наиболее неблагоприятная ситуация вызрела к концу первого квартала 2009 г. (по многим индикаторам наблюдалась ситуация «ямы»). Остановимся подробнее на кризисных эффектах, зафиксированных к апрелю 2009 г. в ходе опросов населения и работодателей. По данным опроса руководителей компаний¹, уже в первые месяцы 2009 г. примерно 25% предприятий были вынуждены значительно сократить объемы производства/выпуска, а почти 20% предприятий ожидали значительного сокращения производства/выпуска по итогам 2009 г. В основном это были предприятия, работающие на региональном уровне (77%), в том чис-

ле на уровне одного населенного пункта (25%). По большей части это были предприятия малого и среднего бизнеса (76%).

Рисунок 3
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОМПАНИЙ – ОЦЕНКИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ (в % от числа опрошенных предприятий; апрель 2009 г.)

- Предприятие довольно успешно развивается, можем проводить модернизацию производства, расширяться, вводить новые мощности, технологии
- У предприятия нет текущих финансовых проблем, платежи осуществляются, как правило вовремя; можем выкраивать средства на текущий ремонт, частичную замену оборудования, поддержание технологий
- Предприятие в целом «сводит концы с концами», однако средств едва хватает на выплату зарплаты, налогов, на покрытие первоочередных обязательств
- Предприятие давно работает в убыток, есть задолженность поставщикам, кредиторам, приходится частично сворачивать производство, сокращать работников
- Предприятие существует на грани закрытия/банкротства
- Доля компаний, в которых объем продаж/выпуска в первые месяцы 2009 г., по сравнению с аналогичным периодом 2008 г., значительно снизился
- Доля компаний отрасли, которые ожидали значительного снижения объема продаж/выпуска в 2009 г., по сравнению с 2008 г.

Одновременно, по оценкам руководителей, происходили и существенные изменения инвестиционных возможностей компаний. Если в начале 2008 г. около четверти (24%) опрошенных предприятий «довольно успешно развивались, могли проводить модернизацию производства, расширяться, вводить новые мощности, технологии», то в начале 2009 г. таких предприятий оказалось лишь 8%. При этом доля предприятий, которые в целом «сводили концы с концами», однако средств едва хватало на выплату зарплаты, налогов, на покрытие первоочередных обязательств, выросла с 17% в 2008 г., до 40% в 2009-м. Уже во второй половине 2008 г. для значительной доли компаний еще острее стали проблемы, связанные с сокращением спроса, с взаимными неплатежами

¹ Опрос проведен в рамках регулярного исследования Мониторинга экономики образования, осуществляемого по заказу ГУ-ВШЭ и Министерства образования и науки РФ. Опрос проводится по общероссийской выборке предприятий в 6 секторах экономики (промышленность, строительство, транспорт, связь, торговля, сектор деловых услуг). В этих основных секторах экономики занято около половины работающего населения России. Выборка составляет 1005 предприятий и равно распределена по 6 отраслям. В нее включены предприятия, на которых заняты свыше 10 человек.

по расчетам с поставщиками/потребителями, с дефицитом кредитных ресурсов, что создавало не только сложности для начала/продолжения реализации инвестиционных проектов компаний, но и проблемы текущей ликвидности компаний: проблемы своевременной уплаты налогов, заработной платы и погашения других текущих обязательств. По показателям общеэкономического положения, наиболее неблагоприятная ситуация сложилась в строительстве, в промышленности (см. рис. 3). Доля предприятий, которым «средств едва хватало на выплату зарплаты, налогов, на покрытие первоочередных обязательств», выросла в промышленности с 15% в 2008 г. до 38% в 2009-м, в строительстве, соответственно, с 25 до 49% предприятий отрасли. А вот доля компаний, которые «довольно успешно развивались, могли проводить модернизацию производства, расширяться, вводить новые мощности, технологии» в промышленности снизилась с 25% в 2008 г. до 9% в 2009-м, в строительстве с 35 до 4% предприятий отрасли.

Также особенно остро влияние кризиса на «общеэкономическое самочувствие» компаний фиксировалось руководителями небольших компаний, численностью до 200 чел., а отнюдь не крупным бизнесом (см. рис. 3). Вместе с тем в начале 2009 г. некоторые негативные тенденции отмечались во всех опрошенных отраслях и секторах.

Какую политику реализовывали опрошенные компании в области управления персоналом? Целый ряд компаний принимали различные меры по сокращению расходов на персонал. Например, о снижении уровня оплаты труда сообщили на 30% опрошенных предприятий (при сравнении среднего уровня заработной платы в феврале 2009 г. с февралем 2008 г.). На этих предприятиях в 30% случаев сокращения среднего уровня заработной платы были значительными. Для сравнения укажем, что некоторый рост среднего уровня оплаты труда наблюдался на 24% опрошенных предприятий, значительный рост — на 3% предприятий.

В целом из списка, включающего 8 видов мероприятий по снижению расходов на рабочую силу (в том числе увольнения, сокращения зарплат, перевод на неполный рабочий график, отправку в неоплачиваемые отпуска), около трети опрошенных предприятий (34%) в первые месяцы 2009 г. не проводили ни одного¹.

¹ По ответам руководителей предприятий на вопрос: «Были ли на Вашем предприятии в нынешнем 2009 году: (1) увольнения/сокращения среди персонала, ответственного за **основную производственную/**

С другой стороны, около половины опрошенных компаний реализовали две меры и более. К таким мерам оптимизации расходов на персонал, как увольнения персонала или сокращение уровня оплаты работников, прибегало как руководство предприятий с относительно благоприятной экономической динамикой (где объем работ/выпуска был больше в первые месяцы 2009, по сравнению с аналогичным периодом 2008), так и на предприятиях с неблагоприятной динамикой. Но следует отметить, что на тех предприятиях, где общеэкономическая ситуация значительно ухудшилась, набор мер по оптимизации затрат на персонал оказался более разнообразным: из 8 видов мер, которые были перечислены в опроснике, примерно на 40% предприятиях было реализовано более 4 видов. Чаще такие меры вынужденной (явной и скрытой) экономии реализовывали в строительстве и промышленности (см. рис. 4). Несколько реже об этом сообщали руководители торговых и транспортных организаций. Если оценивать по доле предприятий, реализовывавших какие-либо из адаптивных мер занятости и оплаты работников, то интересно отметить, что крупный бизнес был достаточно активен (особенно в том, что касается увольнений/сокращений сотрудников). Хотя по общеэкономическим индикаторам более неблагополучно чувствовали себя небольшие компании, но увольнения работников и отправка персонала в неоплачиваемые отпуска на них происходили реже. Вместе с тем в связи с дефицитом оборотных средств и взаимными неплатежами бизнес-партнеров, которые наиболее остро ощутили именно небольшие компании, эти последние чаще прибегали к урезанию зарплаток персонала, к задержкам выплат заработной платы.

Сопоставим результаты опросов руководителей предприятий и опросов работающего населения (см. рис. 5). Из тех отраслей, которые представлены на рисунке, по **распространенности увольнений/сокращенной занятости персонала** лидируют (как отмечено и руководителями

профильную деятельность? (2) увольнения/сокращения среди персонала, занятого во **вспомогательной** деятельности? (3) часть персонала, ответственного за **основную производственную/профильную** деятельность была отправлена в неоплачиваемый отпуск? (4) часть персонала, занятого во **вспомогательной** деятельности, была отправлена в неоплачиваемый отпуск? (5) перевод персонала, ответственного за **основную производственную/профильную деятельность** на сокращенную рабочую неделю/день? (6) перевод персонала, занятого во **вспомогательной** деятельности, на сокращенную рабочую неделю/ день? (7) задержки выплаты заработной платы работникам? (8) сокращение зарплаток (вкл. заработную плату, а также премии, надбавки и проч. дополнительные выплаты)?».

Рисунок 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «БЫЛИ ЛИ НА ВАШЕМ ПРЕДПРИЯТИИ В НЫНЕШНЕМ 2009 Г...» (по опросу руководителей компаний); (в % от числа опрошенных предприятий; апрель 2009 г.)

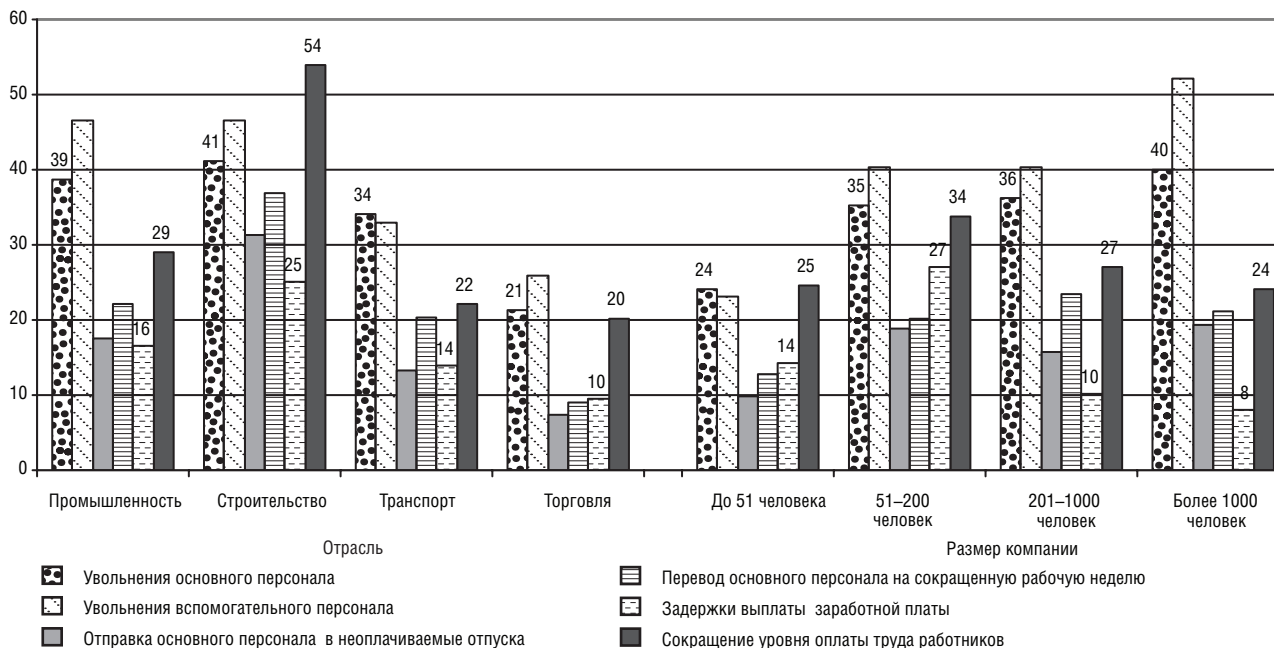
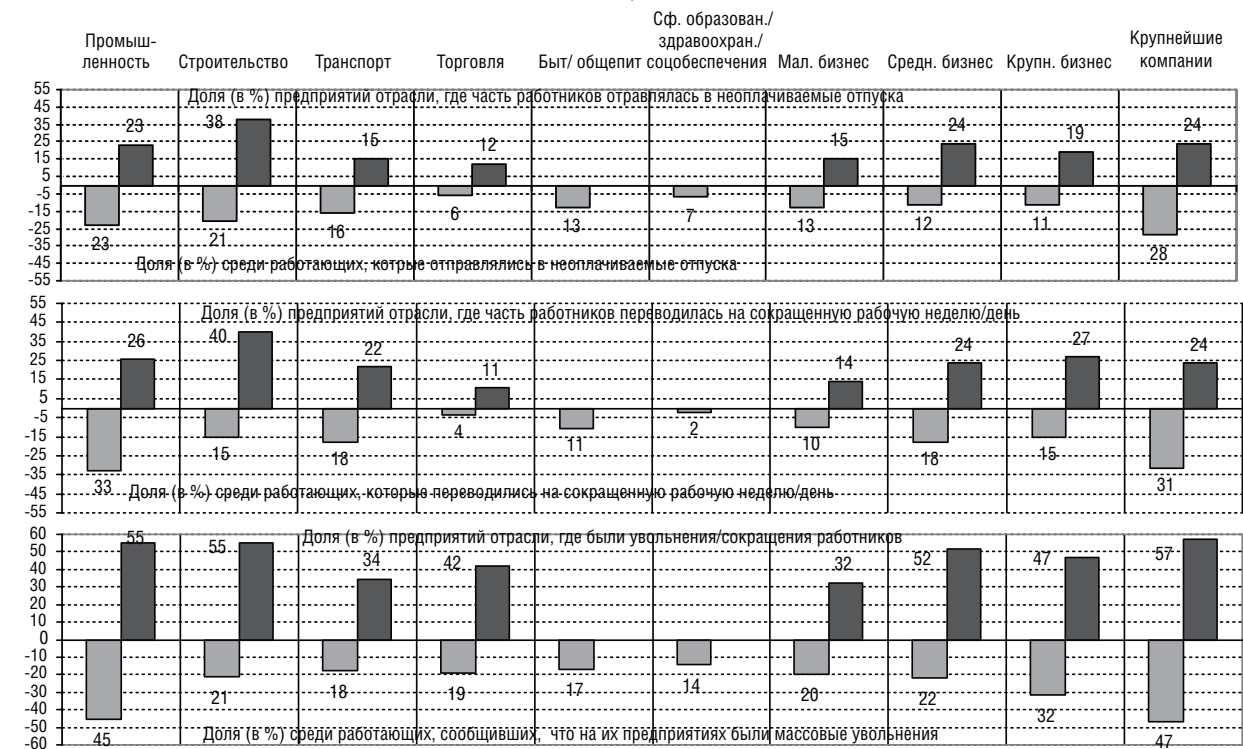

Рисунок 5

РАЗЛИЧИЯ ПО СЕКТОРАМ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ЯВЛЕНИЙ СОКРАЩЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ РАБОТНИКОВ (по опросам работодателей и опросам населения. Верхняя часть диаграмм – результаты опроса работодателей^{1,2}, нижняя часть диаграмм – результаты опроса населения³; апрель 2009 г.)

¹ По вопросу: «Были ли на Вашем предприятии в 2009 году: (1) перевод персонала в неоплачиваемый отпуск? (2) перевод персонала на сокращенную рабочую неделю/день? (3) увольнения/сокращения персонала?»

² Информация по сфере обслуживания (быт/ общепит) и сфере образования, здравоохранения и соцобеспечения отсутствует.

³ По вопросу «За последние три месяца приходилось ли Вам (1) уходить в неоплачиваемые отпуска? (2) переходить на сокращенный рабочий день/неделю? (3) были ли на Вашем предприятии массовые увольнения работников?»

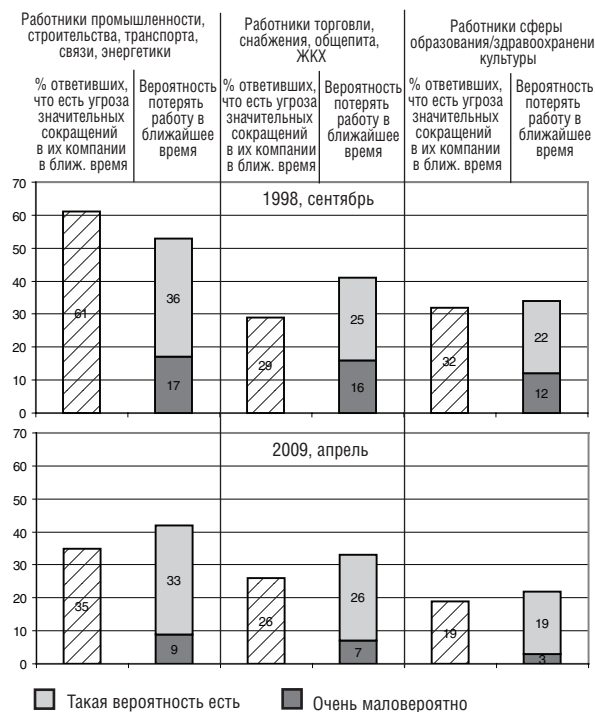
предприятий, и их работниками) промышленность и строительство. Причем, если судить по опросам работающего населения¹, то сокращение занятости было более масштабным именно в промышленности. А реже всего о случаях увольнения/сокращениях персонала сообщали работающие в сфере образования/здравоохранения, которые составляют основную часть занятых в бюджетной сфере. Если сравнивать ситуацию в малом, среднем и крупном бизнесе, то – и по опросу работающего населения, и по опросу руководителей предприятий – в практиках сокращения занятости лидируют крупные компании (см. рис. 5).

Вернемся к сравнениям 2009-го и 1998 г., но теперь более детально остановимся на *опасениях и ожиданиях* работников различных отраслей. И так, у работающего населения (даже если сравнивать наиболее затронутые нынешним кризисом сегменты) опасения потерять работу в апреле 2009 г. были гораздо менее распространены, чем в 1998 г. (см. рис. 6). В частности, если рассматривать укрупненную группу занятых в сфере производства (промышленность, строительство, энергетика, транспорт), то значительно меньше опрошенных – 35% в 2009 г. против 61% в 1998 г. – считали, что в их компаниях есть угроза значительных увольнений в ближайшее время. Личные опасения потерять нынешнюю работу высказывали в 2009 г. 42% работающих в сфере производства против 53% в 1998 г. (в апреле 2009 г. максимальные риски, когда потеря работы «очень вероятна», были только у 9% опрошенных из этой сферы экономики). Интересно, что в апреле 2009 г. более низкие риски потери работы, если судить по оценкам самих работников, оказались у работающих в сфере обслуживания – в торговле, снабжении, общепите.

В апреле 2009 г., по сравнению с мартом 1998-го, респонденты чаще высказывали мнение, что даже если они и потеряют нынешнюю работу, то им удастся найти работу по профессии, по специальности (см. рис. 7). Такая тенденция наблюдается и среди работающих в сфере производства, и среди занятых в сфере обслуживания, и среди работающих в бюджетной сфере. Но все же большая уверенность отмечается среди занятых в сфере обслуживания; менее уверены в возможностях своей адаптации бюджетники, занятые в сфере образования/

здравоохранения (подобная дифференциация наблюдалась как в 1998 г., так и 2009 г. и в целом объясняется особенностями российского рынка труда).

Рисунок 6
ОЖИДАНИЯ УВОЛЬНЕНИЙ И ЛИЧНЫЕ РИСКИ ПОТЕРИ РАБОТУ ПО ОБЩЕРОССИЙСКИМ ОПРОСАМ НАСЕЛЕНИЯ
(в % от числа опрошенных)

Интересно, что уровень страхов (трудностей с поиском новой работы) был дифференцирован и среди занятых в различных отраслях производственной сферы: меньшую уверенность в возможностях трудоустройства высказывали работники промышленных предприятий. 37% работающих в промышленности уже на момент опроса выражали сомнения, что смогут найти работу по специальности, в строительстве таких было 13%, на транспорте – 17%. Подобные настроения среди работников промышленных предприятий могут быть обусловлены, во-первых, общей экономической ситуацией в этой отрасли, характеризующейся острой нехваткой финансовых ресурсов и сжатием спроса для значительной части предприятий. А условия для нового «рывка» (поисков новых ниш на рынке) есть не у многих промышленных предприятий. Именно руководители промышленных предприятий *чаще*, чем руководители других компаний (например, в связи, строительстве), среди наиболее насущных проблем в 2009 и в 2008 гг. выделяли проблему «устаревшего оборудования, основных

¹ По распределению ответов работающих респондентов на вопросы: за последние 3 месяца (а) приходилось ли Вам за последние три месяца **уходить в неоплачиваемые отпуска** в связи с отсутствием работы? (б) приходилось ли Вам по инициативе администрации **переходить на сокращенный рабочий** неделю/день? (в) были ли на Вашем предприятии (в организации) **массовые сокращения работников**?

фондов, технологий», другими словами, проблему «незавершенной модернизации». С другой стороны, сложности адаптации на рынке труда основных работников промышленных предприятий по-прежнему связаны с тем, что для этой сферы готовили «узкоспециализированных» работников, работников с «традиционным» навыками, ориентированными на жесткую систему организации производства. В нынешних же условиях выигрывает работник, обладающий высоким адаптивным потенциалом, широким набором профессиональных навыков. Таким образом, ситуация выхода из кризисного этапа для занятых в промышленности может оказаться относительно более продолжительной и нестабильной.

Понятно, что страхи и надежды работников по поводу их занятости подпитываются целым рядом факторов. Немаловажной является позиция руководства компаний, ситуация на местном рынке труда, личный опыт адаптации работника.

Скажем несколько слов о политике руководства компаний, как она видится глазами работников. В 2009 г., по сравнению с 1998 г., занятые в сфере производства и работающие в сфере обслуживания несколько чаще сообщали,

Таблица 1

«ПРЕДПРИНИМАЕТ ЛИ АДМИНИСТРАЦИЯ ВАШЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ КАКИЕ-НИБУДЬ ДЕЙСТВИЯ, ЧТОБЫ ПРЕДОТВРАТИТЬ МАССОВОЕ УВОЛЬНЕНИЕ СОТРУДНИКОВ?» СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ 1998 Г. И 2009 Г. (в % от числа опрошенных)

Доля сообщивших, что администрация...	Мнения работающих в компаниях							
	Промышленность, строительство, транспорт, связь, энергетика		Торговля, снабжение, общепит, ЖКХ		Сф. образования, здравоохранения, культуры и пр.		В целом	
	1998, сентябрь	2009, апрель	1998, сентябрь	2009, апрель	1998, сентябрь	2009, апрель	1998, сентябрь	2009, апрель
активно ищет новых поставщиков и рынки сбыта, чтобы не снижать объем производства	14	18	11	16	2	9	10	16
переводит работников на неполный рабочий день, неделю	24	22	5	11	5	5	12	16
отправляет работников в отпуск без сохранения содержания	23	13	12	13	7	4	14	12
создает коммерческие филиалы, фирмы, кооперативы и переводит туда часть людей	1	1	2	4	1	4	2	2
помогает в трудоустройстве на других предприятиях тех, кто подлежит сокращению	4	2	1	3	1	4	3	3
Другие меры	2	2	1		1		1	1
Администрация ничего не предпринимает	28	24	42	30	50	48	38	28
Затруднились ответить	23	31	25	30	34	38	27	31

Рисунок 7

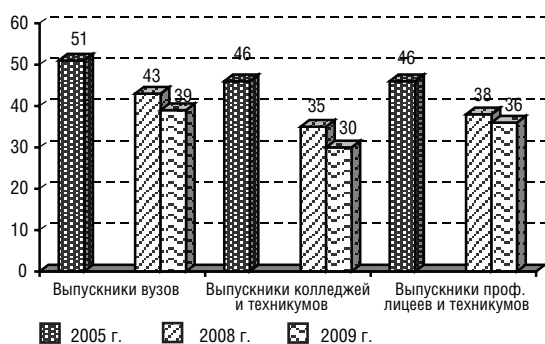
УВЕРЕННОСТЬ В «НОВОЙ РАБОТЕ», ОТВЕТЫ НА ВОПРОС «В СЛУЧАЕ ПОТЕРИ РАБОТЫ СМОЖЕТЕ ЛИ ВЫ НАЙТИ ДРУГОЕ МЕСТО РАБОТЫ ПО ВАШЕЙ ПРОФЕССИИ, СПЕЦИАЛЬНОСТИ?» (в % от числа ответивших «Думаю, что найду»).

щали, что среди мер по предотвращению массовых увольнений работников, по сохранению объемов выпуска/продаж руководство компаний предпринимало активные действия по поиску новых поставщиков и привлечению новых потребителей (см. табл. 1). Реже респонденты сообщали о такой категоричной мере, как отправка работников в отпуск без сохранения содержания, т. е. «скрытых» увольнений.

Ранее мы рассмотрели практики, используемые компаниями в отношении имеющегося персонала. Не удивительно, что предприятия при ухудшении ситуации или ухудшении прогнозов стремятся избавляться от работников, чья квалификация не соответствует затратам работодателя. Одновременно предприятия продолжали поиск квалифицированных претендентов на рынке труда. Вместе с тем, по данным общероссийского опроса руководителей компаний, в течение 2008 г. стали очевидны и тенденции определенного пересмотра политики в области найма нового персонала. Работодатели более всего пересмотрели («адаптировали») свои потребности в отношении найма неосновного персонала, в частности по категориям «служащие», «офисные работники», «технические исполнители». Если в 2005–2007 гг. нанимали новых работников этой категории 43% предприятий, то в 2007–2008 гг. — 35%. Несколько снизилась за последние два года и активность найма исполнителей высшей квалификации, специалистов (как для функциональных, так и для линейных подразделений). Но сохраняется приоритетность поиска квалифицированных кадров на рабочие должности. Такая ротация рабочих объяснима, поскольку, по результатам опросов прошлых лет, работодатели в наименьшей степени были удовлетворены «профессионализмом» рабочих (уровнем их профессиональных знаний, трудовой дисциплины и т. д.).

Рисунок 8
НАЙМ ВЫПУСКНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ОТВЕТЫ НА ВОПРОС «ПРИНИМАЛИ ЛИ НА ВАШЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ВЫПУСКНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ВУЗОВ, КОЛЛЕДЖЕЙ, ТЕХНИКУМОВ, ПРОФЛИЦЕЕВ) В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ 2 ЛЕТ?» (в % от числа опрошенных предприятий, N=1005; апрель 2009 г.)

Еще одна тенденция, усилившаяся за последний год, — это сокращение найма выпускников учреждений профессионального обра-

зования. На фоне общего сокращения найма новых работников снижение доли работодателей, сообщавших о найме «недавних» выпускников, выглядит вполне естественно, тем более что при отборе кандидатов на позицию, по мнению работодателей, важнее оказывается опыт работы по специальности, по профессии¹. В целом же за четыре года наблюдений с 63 до 51% сократилось число предприятий, нанимавших «недавних» выпускников учреждений профессионального образования (по-прежнему предприятия чаще всего имеют дело с выпускниками вузов). Таким образом, в целом ситуация для выпускников, молодых специалистов на российском рынке в 2009 г. не улучшалась.

Интересно, что вопрос «квалификации кадров», проблема средств для инвестирования в подготовку и повышение квалификации персонала, не был первоочередным и в относительно благополучные периоды и не являлся таковым в 2008–2009 гг. За последние годы работодатели заметно реже стали выделять средства на финансирование целевого обучения специалистов в учебных заведениях (укажем, что тенденция к сокращению этого вида деятельности возникла еще до кризиса). Вместо этого работодатели стали чаще стараться переобучить работников самостоятельно. С сожалением приходится констатировать, что, несмотря на отмечаемую работодателями большую потребность в совершенствовании профессиональной подготовки кадров, практическая деятельность руководителей предприятий и организаций в этом направлении продолжает сворачиваться. В 2007 г. какие-либо мероприятия по повышению квалификации и переподготовке кадров были на 68% предприятий, в 2008 г. — на 61%. Основная масса работодателей, обеспечивающих занятость большей части наемных работников, остается пассивным потребителем сложившихся услуг системы профессионального образования, и такая модель поведения воспроизводится уже не один год². Таким образом, рассчитывать работникам на помощь работодателей в их профессионально-квалификационном росте особенно не стоит.

Ранее мы писали об оценке ситуации на рынке труда в конце 2008 и начале 2009 гг.

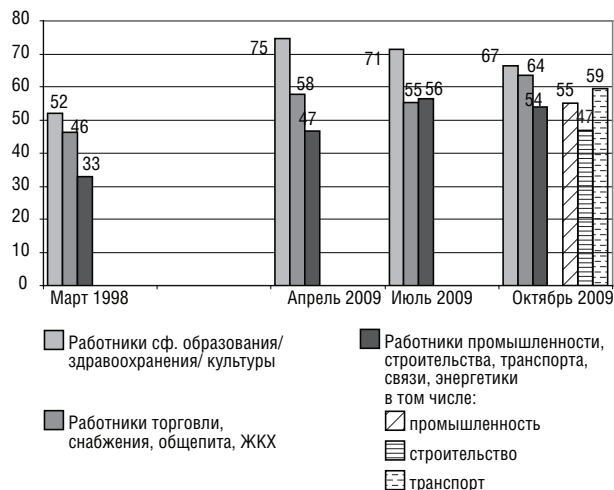
¹ См.: Красильникова М.Д., Бондаренко Н.В., Харламов К.А. Спрос на рабочую силу — мнение работодателей // Мониторинг экономики образования: информационный бюллетень. 2006. № 1.

² См.: Бондаренко Н.В., Красильникова М.Д. Спрос на рабочую силу — мнение работодателей // Мониторинг экономики образования: Информационный бюллетень. 2007. № 8.

Результаты опросов второй половины 2009 г. показывают, что после некоторой положительной динамики осенью цифры «заморозились». Это касается «опыта» российских семей по несвоевременному получению зарплаты, увольнением, переводу на сокращенный график. Остановимся более подробно на ожиданиях работников, зафиксированных в конце прошлого года, в том числе в тех проблемных секторах, о которых уже раньше шла речь.

Если сравнивать мнения занятых в таких трех сферах, как производство, обслуживание и социальная (см. рис. 9), то наиболее спокойны в отношении сохранения своей работы представители социальной сферы – бюджетники (хотя с апреля по октябрь 2009 г.¹ их уверенность несколько снизилась). В меньшей степени – занятые в сфере производства, но и среди них с апреля по октябрь 2009 г. увеличивалась доля тех, кто считает, что в ближайшее время не потеряет свою работу. Среди работников сферы обслуживания доля «оптимистов» также к осени выросла. В итоге к концу 2009 г. оценки между работниками трех включенных в рассмотрение секторов стали менее дифференцированными. Тем не менее к концу года наименьшая уверенность сохранялась у работников промышленных предприятий и строительных организаций (см. рис. 9).

Рисунок 9
«КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ЛИЧНО В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ПОТЕРЯТЬ СВОЮ НЫНЕШНЮЮ РАБОТУ?»
(в % от числа ответивших «Думаю, что не потеряю нынешнюю работу», «Маловероятно»; по опросам, репрезентирующим взрослое население России, старше 18 лет, городское население)

¹ Данные опросов городского взрослого (18 лет и старше) населения России, проведенных Левада-Центром по заказу Сбербанка России.

Пессимистично в связи с другими (прямыми и скрытыми) возможностями ограничения занятости и доходов также чаще всего высказывались занятые в промышленности и, добавим, в строительном секторе (см. рис. 10). Наиболее оптимистичны в своих ожиданиях работающие в социальной сфере, хотя в октябре 2009 г. 29% считали возможным в ближайшее время сокращение основной заработной платы.

Среди самых «ожидаемых» форм ограничения занятости и доходов чаще всего упоминается снижение заработной платы, а именно основных окладов/ставок. Менее вероятным работникам практически всех представленных на рисунке 10 секторов представляются угрозы неполной занятости или скрытой безработицы – отправка в неоплачиваемые отпуска, переход на сокращенный рабочий график. Исключение составляют промышленные предприятия, у работников которых, если сравнивать результаты опросов июля и октября 2009 г., страхи относительно неполной занятости или скрытой безработицы остаются наиболее распространенными.

Рисунок 10
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «ВОЗМОЖНО ЛИ, ЧТО В СЛЕДУЮЩИЕ ТРИ МЕСЯЦА ТАМ, ГДЕ ВЫ РАБОТАЕТЕ...»
(в % от числа опрошенных, которые считают возможными в своей компании ситуации...²)

А как люди готовы адаптироваться к реальным последствиям и к своим страхам относительно «проживания» кризисной ситуации? Оговоримся, что приводимые далее результаты в большей степени являются «информацией к размышлению» и пока не могут претендовать

² Данные опросов городского взрослого (18 лет и старше) населения России, проведенным Левада-Центром по заказу Сбербанка России.

на серьезные выводы. При сравнении мнений по вопросу о том, как нужно вести себя в «кризисных» ситуациях, оказалось, что позиции работников разных секторов экономики достаточно дифференцированы (см. табл. 2).

Хотя очевидно, что в данном случае речь идет о суждениях (установках), а не о фактических действиях, однако именно работники тех секторов, которые оказались наиболее затронуты нынешним кризисом — промышленность, строительство — чаще других выбирали такие способы добиться решения собственных вопросов, как «акции протеста, уличные демонстрации». Напротив, тактика «пережидания»,

непротивления обстоятельствам менее предпочтительна для них. Работники этих отраслей действительно имеют в своем «багаже» историю коллективных действий, они, как показывает новейшая история, более активны, склонны к самоорганизации. С другой стороны, при отсутствии других легальных/действующих институтов защиты личных прав и форм диалога выход на акции протеста — это та форма, которая может «сработать», «напугать» власть, собственников. А вот реакция работающих в социальной сфере — это реакция зависимых, сильно зависимых людей.

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, СЛЕДУЕТ ОТНОСИТЬСЯ К ПРОБЛЕМАМ/КОНФЛИКТАМ, С КОТОРЫМИ ЛЮДИ СТАЛКИВАЮТСЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?» (в % от числа опрошенных, по данным опросов, репрезентирующих взрослое население России, старше 18 лет; апрель 2009 г.)

Вариант ответа	В среднем	Занятые в промышленности	Занятые в строительстве	Занятые на транспорте	Занятые в торговле	Занятые в сфере образования, здравоохранения, соцобеспечения
Проявлять терпение и стойкость, приспосабливаться к обстоятельствам и ждать, пока положение не улучшится	50	38	45	46	53	63
Воспользоваться следующими выборами для смены властей, выбрать на них тех лидеров, которые смогут лучше руководить страной	21	24	25	20	27	21
Устраивать акции протеста, уличные демонстрации, чтобы заставить власти обратить внимание на нужды и проблемы простых россиян	19	25	25	24	11	9
Затруднились ответить	11	14	6	10	10	7

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Алексей ЛАСТОВСКИЙ

Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой

Особенно острая необходимость переосмысления своей истории и поиска общей перспективы возникает в государствах, которые претерпевают радикальные трансформации в своем социокультурном развитии. В качестве примера можно привести новые государства в Восточной Европе (в том числе Беларусь), где распад советского образа истории потребовал пересмотра и переопределения национального исторического нарратива, поиска объединяющих способов осмысления своей истории.

В данной работе будет предпринята попытка разобраться с теми особенностями исторической памяти жителей Беларуси, которые сложились в результате длительного упорядочивания официального образа истории советскими властями и бурных трансформаций описаний прошлого уже в независимой республике.

В данной работе будет использоваться теоретическая рамка исследований памяти, распространенная в современном социальном знании, где историческая память рассматривается как представления о прошлом, которые подтверждают для членов общества их коллективную идентичность и символически обозначают их единство во времени и пространстве благодаря созданию общей истории. Соответственно, и сама историческая память нами рассматривается в тесной связке с формированием и воспроизведением национальной идентичности.

Вместе с тем существование множества трактовок и версий в междисциплинарном пространстве исследований памяти (весомым свидетельством чему является и разнообразие используемой терминологии — «коллективная память», «социальная память», «историческая

память», «культурная память») предполагает необходимость уточнить избранный теоретический подход.

Наиболее продуктивным в данном контексте представляется использование общего термина «историческая память», отсылающего ко всей совокупности представлений о прошлом. При этом для аналитических целей необходимо выделение нескольких уровней исторической памяти, обусловленных дискурсивной стратификацией социума.

Прежде всего стоит отметить уровень памяти, который формируется властным дискурсом и представляет собой кодифицированный набор описаний, идей и образов прошлого. Здесь очевидна параллель с концепцией культурной памяти Яна Ассмана как «коллективного концепта для всего знания, которое определяет поведение и опыт в интерактивной рамке общества и которое передается через поколения в повторяющихся социальных практиках и инициациях»¹. Культурная память характеризуется дистанцией от повседневности. У нее есть фиксированные точки, в которых прошлое сворачивается в символические фигуры, к которым прикрепляются воспоминания. Как пишет Ассман, память о судьбоносных событиях прошлого укрепляется с помощью культурных формаций (тексты, ритуалы, монументы) и институциональной коммуникации (повторение, практика, соблюдение). В современном обществе важнейшими институтами трансляции культурной памяти выступают институт

¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 44.

образования (чаще всего непосредственно контролируемый государством) и средства массовой информации.

Другой уровень исторической памяти формируется в результате инкорпорации и усвоения культурной памяти в массовом сознании, это обыденные представления о прошлом, зачастую фрагментарные и противоречивые. Здесь вполне рациональным выглядит предложение И.М. Савельевой и А.В. Полетаева воспользоваться терминологией французского социолога С. Московичи и употребить для категоризации данного уровня исторической памяти определение «социальные представления о прошлом»¹.

И наконец, третий уровень в исторической памяти вновь может быть связан с подходом Яна Ассмана, который ввел различие между коммуникативной и культурной памятью, связанное «с различием между повседневностью и праздником, между профанным и сакральным, между эфемерным и прочно-обоснованным, между частным и общим»². Повседневная коммуникация характеризуется высокой степенью тематической нестабильности, обоюдностью ролей и неорганизованностью. В такой коммуникации каждый индивид формирует память, которая социально опосредована и соединяет индивида с группой. Наиболее важная характеристика коммуникативной памяти — это ограниченный временной горизонт, который с течением времени постоянно смещается. Два вышеупомянутых уровня исторической памяти отсылают к восприятию прошлого, опосредованному через институциональные каналы, а коммуникативная память — к личному опыту прошлого. Наиболее связными и целостными предстают нарративы прошлого, которые формируются как индивидуальные биографии либо как семейные предания.

Стоит отметить, что все эти уровни разделяются только аналитически, в социальной практике они взаимосвязаны. Например, даже рассказ о личном травматическом опыте повседневной жизни в период войны не может быть полностью дифференцирован от тех представлений, которые циркулируют в культурной памяти. Эта взаимосвязь обязательно должна учитываться при проведении соответствующих исследований.

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Ред. Л.П. Репина. М.: Круг, 2008. С. 50–76.

² Ассман Я. Культурная память. С. 61.

Изучение каждого из выделенных уровней предполагает и использование различного методологического инструментария. Так, наиболее приемлемыми методами для изучения культурной памяти, по нашему мнению, будут дискурс-анализ и контент-анализ, тогда как социальные представления о прошлом вполне могут исследоваться с помощью опросов общественного мнения. Для изучения же коммуникативной памяти несомненным преимуществом обладает методология устной истории.

Уточним, что в рамках данной статьи мы будем анализировать в первую очередь именно второй уровень исторической памяти, т. е. социальные представления о прошлом, опираясь на результаты различных опросов общественного мнения. Но при этом все равно приходится учитывать и описывать дискурсивное пространство знания о прошлом в Беларуси.

Естественно, что общие представления о прошлом могут происходить из различных источников. Это может быть и устная память, передаваемая в рамках семьи из поколения в поколение, или коммуникативная память различных социальных групп. Но при формировании исторической памяти о прошлом народа главенствующую роль занимают все же официальные институты — система образования, СМИ, музеи и архивы и т. д. Поэтому дискурс исторической памяти чаще всего политизирован, он обусловлен конфигурацией актуальных политических интересов. Соответственно, смена курса государственной политики приводит к тому, что история переписывается, а социальные представления о прошлом подвергаются трансформации. Так, главной задачей дискурса исторической памяти в советский период было создание общей истории «советского народа» с акцентированием классовых интересов низших социальных страт. После 1991 г. молодое белорусское государство столкнулось с проблемой формирования национальной исторической памяти, что потребовало радикальных изменений в системе образования³ и вызвало оживленный интерес к различным вопросам белорусской истории на страницах прессы. Содержание и значения официального дискурса памяти на протяжении всего нескольких лет (1989–1991 гг.) полностью изменились, но коллективное сознание не поддается такой легкой ломке. В коллективных представлениях о прошлом наслаиваются как актуальные идеологемы, так и обломки, остатки

³ См.: Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада. СПб., 2005. С. 437–445. Гл. «Школьныя падручнікі: перагляд і новая цензура».

прежних постулатов, которые ушли с поверхности публичного дискурса, но остались в сознании социальных групп.

Поэтому в качестве рабочей гипотезы нами выдвигалось предположение, что историческая память жителей Беларуси не выступает некоей гомогенной целостностью, она имеет свою специфику, в первую очередь, среди различных возрастных групп, что обусловлено сменой образовательных парадигм в советское и постсоветское время.

В основу работы положены материалы специального социологического исследования, проведенного сектором социальной и этнической психологии Института социологии НАН Беларуси в июне 2008 г. (республиканская репрезентативная выборка — 1147 респондентов, анкетный опрос). Для подтверждения этих данных мы будем также ссылаться на результаты исследования «Восприятие населением новых независимых государств истории и постсоветского периодов», проведенного в апреле-мае 2009 г. в рамках проекта «Евразийский монитор» на территории постсоветских государств (в Беларуси за осуществление этого исследования отвечала социологическая лаборатория «Новак»). Также будут использоваться результаты исследования «Национальная идентичность белорусов: кто мы и какими будем?», осуществленного летом 2009 г. социологической лабораторией «Новак» в кооперации с Белорусским институтом стратегических исследований и инициативой «Будзьма».

Мы остановимся на анализе трех индикаторов исторической памяти:

- 1) истоки белорусской государственности;
- 2) выделение ключевых событий в истории Беларуси (как вызывающих гордость, так и горечь и стыд);
- 3) оценка важнейших исторических персоналий¹.

При обработке ответов на открытые вопросы каждый уникальный вариант ответа рассматривался как категория. Количество упоминаний каждой категории могло существенно отличаться, категории могли быть как уникальными, т. е. упоминаться один раз, так и достаточно распространенными, упоминать-

¹ Для того чтобы более детально и полно выявить особенности и противоречия исторической памяти среди жителей Беларуси, был использован список различных исторических деятелей, респондентам предлагалось оценить их вклад в историю Беларуси по шкале «положительно/противоречиво/отрицательно». В опросе также использовались фигуры исторических деятелей, позаимствованные из более широкого исторического контекста (российского или советского), но оказавшие самое непосредственное влияние на ход истории Беларуси.

ся множество раз (например, «Победа в ВОВ»). Категории, близкие по своему семантическому значению, объединялись в общие темы.

В первую очередь обратимся к проблеме истоков белорусской государственности. Каждое национальное государство пытается утвердить себя в истории, представить свои истоки уходящими далеко в прошлое, что повышает статус значимости национальной идентичности. Соответственно, история любой нации представляется уходящей в глубокую древность, при этом национальная история обычно имеет свой «золотой век» и эпоху упадка. Такие построения подвергаются деконструкции со стороны современных исследователей национализма, которые утверждают, что современные нации — это явление эпохи модерна, они появляются в Европе только в период Великой французской революции².

Соответственно, и белорусская нация (именно как «модерная» нация) возникла лишь в XIX в. Но уже первые попытки написать историю Беларуси в конце этого столетия выводили истоки белорусской государственности к эпохе Полоцкого княжества. Великое Княжество Литовское в первых националистических исторических нарративах соответствовало мифологеме «золотого века» для белорусского народа³. В марте 1918 г. белорусскими националистами была предпринята попытка создания независимого государства — Белорусской Народной Республики, впрочем, не увенчавшаяся успехом. Позже в советские времена националистическая версия белорусской истории была пересмотрена (в том числе «благодаря» репрессиям среди историков), а период Полоцкого княжества был вписан в контекст существования Киевской Руси и древнерусской народности. Великое Княжество Литовское рассматривалось как государство литовских феодалов⁴. Особое значение придавалось включению белорусских земель в состав Российской империи, но фактически в советской исторической науке утверждалось, что полноценное существование белорусская нация

² Более подробно см.: Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.

³ Более подробно см.: Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада. СПб., 2005.

⁴ Возникновение ВКЛ описывалось следующим образом: «Литовские князья, воспользовавшись тяжелой борьбой русского народа с татаро-монголами на востоке и немецкими агрессорами на западе, стали подчинять своей власти западные земли Руси... Этим было положено начало созданию Литовского государства. Образование его определялось интересами литовских феодалов, которые хотели укрепить свое господство над литовским крестьянством и упрочить свою власть в соседних землях Руси». — См.: История Белорусской ССР. Минск.: Изд-во АН БССР, 1961. Т. 1.

получила только в форме Белорусской Советской Социалистической Республики¹.

Естественно, такая концепция развития белорусской государственности была радикально пересмотрена после распада Советского Союза. В исторической науке и затем в системе образования вновь возобладали взгляды, возводящие истоки белорусской государственности к временам Полоцкого княжества, а «золотым веком» снова стал период Великого Княжества Литовского. Но такой националистический ренессанс в преподавании истории во второй половине 90-х гг. в результате исторической политики президента Беларуси Александра Лукашенко вновь сменился реактивацией советских исторических мифологем, в том числе и «БССР как первого белорусского государства».

Как мы подчеркивали, такие резкие смены в дискурсе исторической памяти должны были

закономерно повлечь «разнобой» в коллективных представлениях. Вопрос об истоках белорусской государственности, заданный в ходе проведенного исследования, выявил отсутствие единства мнений в общественном сознании по этому вопросу.

Итак, мы видим, что единства мнений по этому поводу не наблюдается. Следует выделить следующие существенные моменты: (1) для значительного числа респондентов оказалось затруднительным ответить на данный вопрос; (2) преобладают все же мнения, которые возводят историю Беларуси к далекому историческому прошлому (Полоцкое княжество, Великое Княжество Литовское).

Далее мы рассмотрим различия в оценке генеалогии белорусской государственности среди различных возрастных групп (уже основываясь только на данных исследования Института социологии НАН Беларуси).

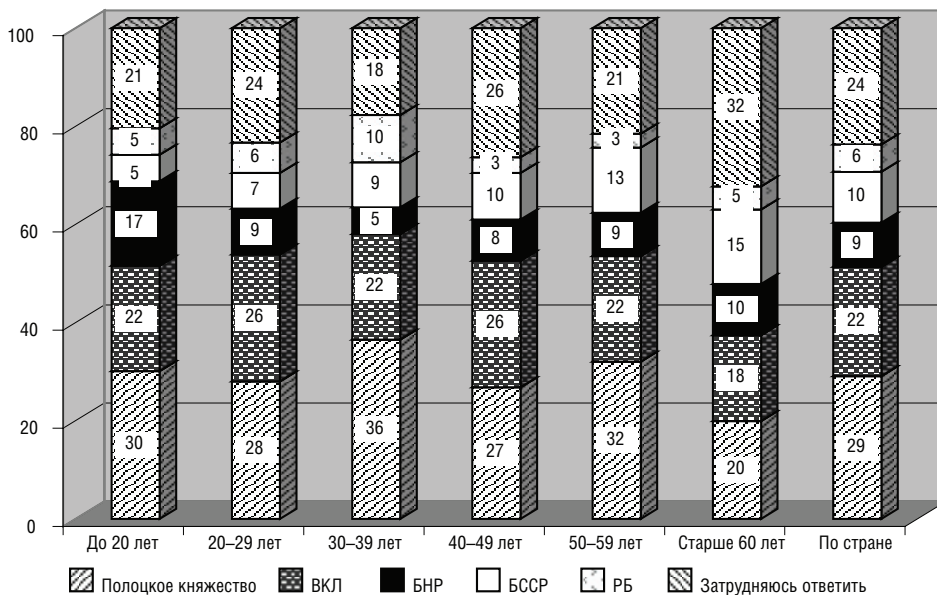
Таблица 1

ИСТОКИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПО МНЕНИЮ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (в % от числа опрошенных в каждом исследовании)

Инициатор исследования	Полоцкое княжество ¹⁰	ВКЛ	БНР	БССР	РБ	Затрудняюсь ответить
Институт социологии (июнь 2008)	29	22	9	10	6	24
«Новак» (лето 2009)	18	38	5	12	9	18

Рисунок 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «С КАКОГО ПЕРИОДА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАЧИНАЕТСЯ ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ?» СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП (в % от числа опрошенных)

¹ «Утварэнне БССР мела вялікае гістарычнае значэнне. Упершыню за шматвяковую гісторыю беларускі народ набыў сваю дзяржаўнасць». – *Абецэдарскі Л.С., Баранав М.П., Паўлава Н.Г.* Гісторыя БССР: Вучэбны дапаможнік для вучняў сярэдняй школы. Мінск., 1961. С. 126.

¹⁰ Следует отметить, что в исследовании «Национальная идентичность белорусов: кто мы и какими будем?» в закрытом вопросе первый вариант был сформулирован несколько иначе: «Полоцкое и Туровское княжество».

В соответствии с нашей гипотезой, у представителей старшего поколения должны были преобладать взгляды, сформированные при советской образовательной системе, где первым белорусским государственным образованием считалось БССР. Действительно, люди в возрасте старше 50 лет более склонны отдавать предпочтение именно БССР как первому белорусскому государству (15%), чем респонденты более молодого возраста (5%). Но при этом представители старших возрастных групп также предпочитают возводить генеалогию белорусской государственности к Полоцкому княжеству или к периоду Великого Княжества Литовского. Таким образом, в этом вопросе существенных линий разрыва во взглядах на историческую память между различными возрастными группами выявить не удастся.

Представления о прошлом жителей Беларуси мы покажем с помощью группировки по историческим периодам. Выделяются следующие исторические периоды: (1) современная история, хронологические рамки которой располагаются от обретения Республикой Беларусь независимости и до нынешнего момента, точнее, 2008 г.; (2) история советского периода и (3) история до начала XX столетия (т. е. история до Октябрьской революции 1917 г.). Вместе с тем эту периодизацию приходится скорректировать с помощью выделения отдельного топоса Великой Отечественной Войны, поскольку восприятие этого события является чрезвычайно важным для сознания жителей Беларуси.

Великая Отечественная война. Многие исследователи отмечали, что комплекс представлений о Великой Отечественной войне является наиболее значимым для становления белорусской национальной идентичности¹. Центральность именно этого события для исторической памяти присуща многим европейским странам. «Сегодня переоценка прошлого – Второй мировой войны, оккупации, коллаборационизма и Сопротивления – входит в число главных тем публичного дискурса всех европейских обществ»². Вместе с тем осмысливается эта война в различных странах по-разному³.

¹ См.: Rudling P. «For a Heroic Belarus!»: The Great Patriotic War as Identity Marker in the Lukashenka and Soviet Belarusian Discourses // *Sprawy Narodowosciowe (Nationalities Affairs)*. 2008. № 32. P. 43–62; Марплз Д., Падгол У. Палітыка новай памяці ў другой расійскамоўнай дзяржаве // *ARCHE*. 2008. № 11. С. 91–100.

² Вельцер Х., Ленц К. Поколение дедов в Европе // *Отечественные записки*. 2008. № 5. С. 12.

³ См.: Трест Ш. Может ли «1945 год» стать общеевропейским местом памяти? // *Отечественные записки*. 2008. № 5. С. 23–32.

Но даже при такой общей для европейских стран «одержимости войной» белорусский случай выглядит особым. Наиболее близкие параллели в памяти о ВОВ существуют с современным российским обществом. Для наших стран эта война по-прежнему «отечественная», а не «мировая», началась она в 1941-м г., а не в 1939-м, да и празднуем победу мы 9-го мая, а не 8-го, как во всем остальном мире⁴.

Легко заметна значительная доля преемственности между образом войны, который артикулируется в государственном дискурсе современной Беларуси, и тем, как Великая Отечественная война использовалась для легитимации коммунистической власти. «Война с ее многочисленными реальными и мифическими проявлениями героизма и жертвенности представляла собой замечательный материал для создания патриотических символов и образцов коллективной памяти. Более того, общая борьба советских народов давала возможность, не игнорируя, а скорее наоборот, акцентируя внимание на местной специфике, создавать модель общего патриотизма – общей советской идентичности. Таким образом, миф о Великой Отечественной войне, базовую основу которого составляли идеологемы о морально-политическом единстве советского общества, о руководящей роли коммунистической партии, о единстве партии и народа, фронта и тыла, о пламенном советском патриотизме и массовом героизме, о дружбе народов и тому подобное, призван был сыграть особую роль в единении советского общества»⁵.

Память о войне продолжает активно воспроизводиться и в современном белорусском обществе, где для ее трансляции активизированы практически все возможные каналы культурной политики. Особое внимание формированию патриотического воспитания с помощью героических примеров времен Великой Отечественной войны уделяется в системе образования⁶. Медиакультура также переполнена материалами, отсылающими к этому событию, особо стоит упомянуть постоянные трансляции фильмов о войне на телевидении, некоторые из них пользуются неувядающей массовой популярностью (например, сериал «Семнадцать мгновений весны»). Киностудия «Бела-

⁴ Дубин Б. «Кровавая война» и «великая» победа // *Отечественные записки*. 2004. № 5. С. 68–84.

⁵ Гриневич В. Расколотая память: Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 40–41.

⁶ См.: Смалянчук А. Школьны падручнік гісторыі Беларусі як «месяца памяці / месяца забыцця» пра Другую Суветную вайну // *Номо Historicus. Гадавік антрапалагічнай гісторыі*. 2008. С. 370–383.

русьфильм» еще в советский период получила неофициальное название «Партизанфильм», и по-прежнему тема войны доминирует в белорусском кинопроизводстве. Также стоит отметить, что важнейшие государственные праздники в Республике Беларусь – День Независимости и День Победы – непосредственно связаны с триумфальными моментами периода Великой Отечественной войны.

Поэтому совершенно неудивительным выглядит тот факт, что, по результатам социологического исследования, наиболее значимым событием в истории Беларуси, которым можно гордиться, выступает победа в Великой Отечественной войне.

Вместе с тем можно говорить о том, что белорусский образ войны отличается от советского и имеет свою специфику, которая начала складываться еще в СССР. Во-первых, отмечается огромное число жертв среди белорусского народа, который приобретает статус не только народа-героя, но и народа-мученика, чья победа в войне была оплачена трагической ценой (этому способствует постоянное воспроизведение риторической фигуры о каждом четвертом белорусе, погибшем во время войны). Во-вторых подчеркивается исключительная заслуга именно белорусского народа в победе над фашизмом, при этом особую роль играет так называемый «партизанский миф». Постепенно уходит в тень «советский народ как победитель фашизма», и это почетное место занимает белорусский народ.

Великая Отечественная война предстает в сознании белорусов событием трагическим («первый самый страшный удар в Великой Отечественной войне приняла на себя Беларусь»), как некое страшное испытание, доказывающее право народа не только на существование, но и на всеобщее уважение, и вместе с тем героическим. С другой стороны, у Великой Отечественной войны есть и негативные стороны – тяжелые потери, провальное начало войны, период оккупации и связанная с этим проблема коллаборационизма, да и само партизанское движение в неофициальной памяти, транслируемой преимущественно по семейным каналам в белорусской деревне, характеризуется вполне неоднозначно¹. Эти негативные моменты остро обсуждались в СМИ в конце 1980–начале 1990-х гг., но в последнее время практически исчезли из публичного дискурса в Беларуси.

¹ См.: Шаталава В. Цені вайны: паліцэйскія і партызаны ў памяці насельніцтва беларускай вёскі // Homo Historicus. Гадавік антрапалагічнай гісторыі. 2008. С. 384–389.

Таким образом, память о победе в Великой Отечественной войне среди жителей Беларуси является достаточно целостной и не вызывающей противоречивых интерпретаций. В массовом сознании она представляется тяжелым испытанием для белорусского народа, проявившего в этот период невиданный героизм, что можно расценивать как неопределимый вклад в победу над фашизмом. Эти социальные представления о прошлом полностью согласуются с тем образом войны, который функционирует в государственном дискурсе: «Скажите, какое самое великое достояние нашего народа, за которое просто в ноги надо ему кланяться? Это победа над фашизмом... На алтарь победы в той войне мы положили миллионы людей. И самым свободолюбивым и честным народом был белорусский народ. Да, у нас были факты предательства. Но это были единичные факты. Наш народ сражался честно и гордо»².

Стоит отметить, что при этом актуализируется связь прошлого и настоящего. Победа в войне – достояние народа, которым можно и нужно гордиться в наши дни. Это способствует выработке устойчивой положительной эмоциональной связи с национальной общностью, чей вклад в историю столь героичен. Упрощенность и непротиворечивость этого образа лишь способствуют его более успешному закреплению в массовом сознании. Можно согласиться, что историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси. При этом акцентирование внимания некоторых авторов на преемственности советского мифа о войне не позволяет увидеть, что в современной Беларуси память о войне наполнена иным содержанием: укреплению национальной идентичности способствует концентрация риторики на роли белорусского народа в победе над фашизмом.

Современная история. Наиболее разнообразным и насыщенным в представлениях о прошлом жителей Беларуси является топос, формируемый событиями современной истории.

В нем можно выделить несколько важных тем, которые вызывают у жителей страны гордость (см. табл. 2).

² Лукашенко А.Г. Исторический выбор Беларуси: Лекция Президента Республики Беларусь в Белорусском государственном университете, Минск, 14 марта 2003 г. Минск, 2003. С. 35–36.

Таблица 2

ТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ У ЖИТЕЛЕЙ СТРАНЫ ГОРДОСТЬ

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов*
Достижение независимости	70	200
Строительство новых сооружений	34	76
Спортивные достижения	49	70
Победы на «Евровидении»	20	56
Фестивали	12	52
Экономическое благополучие	50	51
Президентское правление А.Г. Лукашенко	23	34
День независимости	4	32
Культурные достижения	18	19
Праздники	13	18
Научно-технические достижения	10	10

*В таблице приведены данные по темам, где количество ответов превышает 10.

Некоторые из них получают выраженную положительную интерпретацию:

1) достижение независимости, которое, по мнению жителей Беларуси, уступает по значимости в истории страны лишь победе в войне;

2) строительство новых сооружений, среди которых респонденты отмечают возведение Национальной библиотеки и ледовых дворцов. Есть и негативные реакции на масштабные стройки («строение дворцов и спортивных сооружений, когда население живет в бедности», «помпезность в строительстве»), но они менее распространены (всего лишь 4 ответа);

3) спортивные достижения, при этом особо выделяют победы хоккейной сборной («победа белорусов над шведами в хоккее», «4-е место на ЧМ по хоккею») и победу Юлии Нестеренко на Олимпийских играх («белорусская бегунья, которая выиграла на Олимпиаде», «победа Нестеренко над американской гегемонией»). Отметим, что в современном мире спортивные достижения давно стали символом национальной гордости, способствуя сплочению общества и укреплению национальной идентичности¹;

4) победы белорусских артистов на международном музыкальном конкурсе «Евровидение», в первую очередь победа Ксении Ситник

на детском конкурсе и успешное выступление Дмитрия Колдуна. Отметим, что в данном случае важно признание белорусской культуры в международном масштабе, что опять же способствует выработке положительной эмоциональной связи с национальной общностью. С другой стороны, неудачные выступления наших артистов вызывают горечь и стыд;

5) различные фестивали, среди которых особо выделяется фестиваль «Славянский базар» в Витебске.

Но некоторые сферы современной белорусской жизни вызывают противоречивые реакции у жителей страны:

1) социально-экономическая жизнь современной Беларуси. Жители страны отмечают как рост производства, так и связывают его непосредственно со своим благосостоянием. Стоит отметить, что порою жизненные стандарты белорусов выглядят очень скромно. Но среди ответов достаточно много и негативных оценок экономического развития, и жалоб на высокий уровень цен. Нужно учитывать, что опрос проводился еще до того, как на Беларуси сказались последствия мирового финансового кризиса;

2) политическая жизнь, которая вызывает также много противоречивых интерпретаций. Итоги президентских и парламентских выборов у части населения вызывают гордость, другая же часть населения относит эти итоги к событиям, вызывающим горечь и стыд. Часто упоминаются и несогласия с репрессивными и жесткими мерами власти по отношению к оппозиционным силам (разгоны демонстраций, аресты и т. д.).

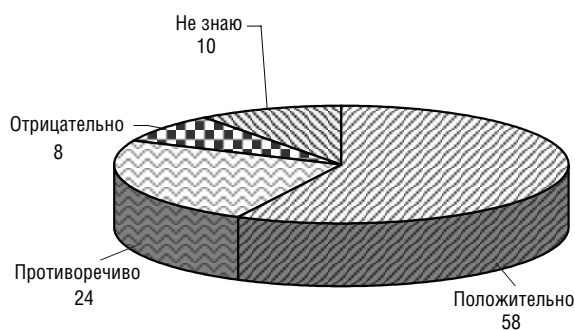
Определенные же темы практически присутствуют только среди событий, которые вызывают негативные чувства. В первую очередь это внешняя политика. Среди ответов нередко встречаются указания на сложность взаимоотношений как с Западом («непризнание западными странами», «Беларусь считается недемократическим государством», «конфликты с США», «никак не войдем в ЕС», «отсутствие Беларуси в Евросоюзе»), так и с Россией («несбыточность союза России и Беларуси», «неурядицы с Россией по поводу газа», «нефтяные конфликты с Россией»). Также одним из однозначно негативных событий в современной истории для жителей Беларуси стала отмена льгот².

¹ См.: Sport and National Identity in the Post-War World / Ed by A. Smith, D. Porter, L.; N. Y.: Routledge, 2004.

² В Беларуси в 2007 г. была проведена социальная реформа, резко сократившая число категорий граждан страны, которые могли пользоваться льготами; в частности льгот были лишены пенсионеры и студенты.

В списке исторических персоналий присутствовала и фигура Александра Лукашенко как наиболее яркой личности в истории Беларуси современного периода. В отличие от других фигур из этого списка присутствие среди перечисленных лиц действующего президента РБ вызывает определенные методологические затруднения. Александр Лукашенко является наиболее значимым лицом в актуальной политической жизни, поэтому представляется весьма затруднительным отделить оценку его роли в истории Беларуси от оценки политики, проводимой им на данном этапе. Впрочем, заданная формулировка вопроса и включение в контекст из других исторических деятелей позволяют в какой-то степени рассчитывать на получение оценки роли Александра Лукашенко в истории Беларуси. Носит она преимущественно положительный характер.

Рисунок 2
ОЦЕНКА РОЛИ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ АЛЕКСАНДРА ЛУКАШЕНКО (в % от числа опрошенных)

Однако эта оценка достаточно дифференцирована. Наиболее высокую положительную оценку роли Александра Лукашенко в истории Беларуси дают жители страны старше 60 лет – 6%; в то же время положительная оценка менее выражена у респондентов в возрасте от 20 до 29 лет – 47%.

Таким образом, если комплекс представлений о Великой Отечественной войне в сознании жителей Беларуси однороден и стабилен, характеризуется устойчивым набором метафор и выражений, то современная история порождает богатство интерпретаций. Некоторые темы из актуальной истории (установление независимости, спортивные достижения, строительство новых сооружений, победы на «Евровидении») вызывают наименее спорное восприятие в массовом сознании и могут рассматриваться как способствующие консолидации и сплоченности белорусской нации. В то же время оценки социально-экономического и политического

развития Республики Беларусь противоречивы и вряд ли могут служить каким-то объединяющим началом.

История советского периода. Данные исследования Института социологии НАН Беларуси свидетельствуют, что в плане выработки положительного образа прошлого советский период отмечен преобладанием акцентированной и выраженной памяти о победе в Великой Отечественной войне, в тени которой другие события этого периода становятся малозначительными.

Октябрьская революция была упомянута лишь один раз, и это при том, что в Советском Союзе революционный миф составлял одно из важнейших оснований общесоветской идентичности. Хотя и в нынешней Республике Беларусь 7 ноября является государственным праздником, но смысл и происхождение этого праздника уже практически заретуширован¹. Примечательно, что этот процесс идет гораздо интенсивнее, чем в России. Если в 1989 г. Октябрьскую революцию относили к главным событиям века 62% россиян (2-е место после победы в войне), то в 2003 г. – 40% (4-е место)².

Лишь несколько исторических событий из советского прошлого, помимо Великой Отечественной войны, упоминались респондентами как вызывающие чувство гордости (см. табл. 3).

Таблица 3
ТЕМЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ У ЖИТЕЛЕЙ СТРАНЫ ГОРДОСТЬ

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов
Победа в Великой Отечественной войне	89	567
Восстановление после войны	10	12
Участие в освоении космоса	10	11
Участие в создании ООН	6	6
Жизнь в составе СССР	5	5
Объединение Западной Беларуси с БССР	5	5
Образование БССР	2	4

¹ По данным «Евразийского монитора», приход к власти Ленина и партии большевиков в 1917 г. положительно оценивают 31% респондентов, опрошенных в Беларуси, противоречиво – 26%, отрицательно – 25%, не дали ответ – 17%.

² См.: Дубин Б. Память, война, память о войне // Отечественные записки. 2008. № 4. С. 6–21.

Любопытно, что все эти события связаны непосредственно с местом Беларуси в советской истории. Даже при упоминания освоения космоса акцент ставится не на первопроходческом полете Гагарина, а на участии именно белорусов в космических программах («белорусские космонавты», «космонавты Климук и Коваленок», «полеты в космос белорусов»). Общая же категория «жизнь в составе СССР» упоминается лишь 5 раз (при этом некоторые респонденты отсылают именно к периоду, «когда главой был Машеров»¹, что опять же указывает именно на белорусский контекст). Это свидетельствует о том, что история 1917–1991 гг. в массовом сознании белорусов воспринимается скорее не как прошлое советского народа, а именно как прошлое белорусского народа в советском государстве.

Вместе с тем распад Советского Союза по-прежнему болезненно воспринимается частью населения Беларуси, особенно представителями старшего поколения, которые дают наиболее резкую отрицательную оценку деятельности Михаила Горбачева и Станислава Шушкевича. Среди негативных событий в истории Беларуси фигурируют и «распад СССР», «подписание Беловежского договора», «соглашение в Вискулях» (хотя справедливости ради нужно отметить, что эти же события также упоминаются

и в числе тех событий, которые у жителей Беларуси вызывают гордость)².

Оценка роли важнейших исторических деятелей советского периода также является неоднозначной (см. табл. 4).

Как мы видим, лишь оценка роли Машерова является безусловно позитивной. Но наиболее положительно его роль оценивают жители Беларуси старше 40 лет, которые и застали период нахождения Машерова во главе белорусского правительства (см. табл. 5). Для них положительная оценка этого исторического деятеля достигает 80%, но для младшего поколения (до 20 лет) эта фигура уже не является такой значимой, уровень положительной оценки падает практически в два раза (до 38%), зато более трети представителей этого поколения (36%) не готовы дать оценку роли этого исторического деятеля.

Таким образом, даже позитивное восприятие фигуры Петра Машерова не является объединяющим фактором для социальных представлений о прошлом жителей Беларуси, поскольку оно присуще в первую очередь старшим поколениям и приводит к поколенческому разрыву в исторической памяти.

При этом в советском периоде имеется несколько болевых точек для социальных представлений о прошлом жителей Беларуси (см. табл. 6):

Таблица 4

ОЦЕНКА РОЛИ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ РАЗЛИЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (в % от числа опрошенных)

Деятели	Опрос*	Положительно	Противоречиво	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Ленин	ИС	18	32	25	25
	ЕМ	39	29	23	9
Сталин	ИС	8	27	44	21
	ЕМ	19	18	55	9
Машеров**	ИС	68	7	3	22
Горбачев	ИС	11	34	31	24
	ЕМ	23	29	39	8

*В строках, помеченных ИС, приводятся данные исследования Института социологии НАН Беларуси в июне 2008 г., помеченных же ЕМ — данные «Евразийского монитора» в апреле-мае 2009 г.

**К сожалению, в материалах исследования «Евразийского монитора», выложенных в публичный доступ, присутствует только обобщенная оценка Петра Машерова, впрочем, также подтверждающая, что население страны воспринимает его безусловно положительно.

¹ Петр Машеров в годы войны был одним из лидеров партизанского движения, в 1970-е гг. он был руководителем белорусской коммунистической партии, пользовался достаточно большой самостоятельностью и публичным признанием. При Лукашенко Машеров стал одной из наиболее раскрученных исторических фигур, поскольку отсылал как к положительному опыту советского прошлого, так и к «независимости» проводимой политики.

² По данным «Евразийского монитора», распад Советского Союза положительно оценивают 16% респондентов, противоречиво — 13%, отрицательно — 59%.

Таблица 5

ОЦЕНКА РОЛИ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ ПЕТРА МАШЕРОВА СРЕДИ РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ (в % от числа опрошенных)

Оценка роли в истории Беларуси Петра Машерова	Возрастные группы						Итого
	до 20 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	старше 60 лет	
Положительно	38	56	64	80	79	74	68
Противоречиво	18	12	7	4	4	5	7
Отрицательно	8	5	2	2	3	3	3
Не знаю	36	27	27	14	14	18	22
Итого	100	100	100	100	100	100	100

1) авария на Чернобыльской АЭС, это событие лидирует в «черном списке» событий, вызывающих чувства горечи и стыда («авария на ЧАЭС», «взрыв на АЭС Чернобыльском», «горечь: Чернобыль», «за взрыв на ЧАЭС», «малая информация о радиоактивном заражении», «переселение людей из загрязненной зоны», «чернобыльская катастрофа»);

2) война в Афганистане; («афганская война», «война в Афганистане», «участие белорусов в войне в Афганистане»);

3) сталинские репрессии («репрессии 1917–1953 гг.», «репрессии сталинского времени», «репрессии, убийства», «Курапаты»);

4) коллективизация («годы коллективизации», «коллективизация 30-х годов», «коллективизация и ее последствия», «раскулачивание»).

Таблица 6

ТЕМЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ У ЖИТЕЛЕЙ СТРАНЫ ГОРЕЧЬ И СТЫД

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов
Чернобыльская катастрофа	17	184
Развал СССР	17	93
Великая Отечественная война	17	50
Сталинские репрессии	19	34
Коллективизация	5	16
Период СССР	10	11
Афганская война	5	9

Таким образом, советский период в белорусской исторической памяти воспринимается далеко не однозначно. Как мы уже отмечали, позитивный образ советского прошлого формируется в основном за счет преобладания памяти о победе в Великой Отечественной войне, в то время как другие события советского периода воспринимаются противоречиво. Стоит отметить, что даже то, что Сталин руководил стра-

ной во время войны, не спасло деятельность этого исторического лица от ярко выраженной негативной оценки жителями Беларуси. У старшего поколения жителей Беларуси сохраняются ностальгические воспоминания о правлении Машерова, но для младшего поколения этот период прошлого уже утрачивает значимость. Таким образом, память о советском прошлом (за исключением памяти о победе в Великой Отечественной войне) вряд ли может выступить консолидирующим фактором для укрепления белорусской национальной идентичности, поскольку порождает противоречивые интерпретации и серьезные разногласия в оценках среди жителей Беларуси.

История до начала XX в. Наиболее слабо представлена в массовом сознании жителей Беларуси история страны досоветского периода.

Правда, далекое прошлое белорусского народа не вызывает и каких-то негативных реакций. Из этого периода лишь четыре события были упомянуты в качестве тех в истории Беларуси, что вызывают горечь и стыд: Люблинская уния (приведшая к ограничению независимости Великого Княжества Литовского и созданию Речи Посполитой), разделы Речи Посполитой, подавление восстания под руководством Кастуся Калиновского, а также единичное упоминание Ливонской войны.

Куда более часты упоминания событий из белорусской истории, которые вызывают гордость (см. табл. 7), где наибольшее количество категорий относится к деятельности просветителей («создание первой книги Франциском Скориной», «издание первой книги в Восточной Европе», «просветители: Е. Полоцкая, К. Туровский» — всего 26 категорий) и периоду ВКЛ («создание ВКЛ», «нахождение в составе ВКЛ», «расцвет культуры во времена ВКЛ» — 13 категорий). Также упоминаются период существования Полоцкого княжества, битва на Немиге, Грюнвальдская битва, битва под

Оршей, конституция 1791 г., война 1812 г., восстания Костюшко и Калиновского, выпуск «Нашей нивы», Первая мировая война.

Таблица 7

ТЕМЫ ДОСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ У ЖИТЕЛЕЙ СТРАНЫ ГОРДОСТЬ

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов*
Деятельность просветителей	27	32
Период ВКЛ	13	23
Грюнвальдская битва 1410 г.	10	17
Восстание под руководством К. Калиновского	5	12
Создание БНР	4	8
Битва под Оршей 1514 г.	4	5

*В таблице приведены данные по темам, где количество ответов превышает 5.

Стоит отметить, что некоторые события, в частности война 1812 г. и Первая мировая война, с исторической точки зрения, вряд ли могут относиться к достижениям белорусской национальной истории. Упоминание этих событий демонстрирует то, что по-прежнему в исторической памяти жителей Беларуси существуют представления о включенности истории нашей страны в более широкий историко-культурный ареал с Россией (истoki этих представлений могут сохраняться как в форме пережитков советского образования, но могут формироваться и благодаря актуальному мощному информационному воздействию на Беларусь российского культурного поля).

Наконец, обратимся к оценке роли тех деятелей, которых можно отнести к категории национальных героев. Наиболее положительно в этом ряду оценивается лидер освободительного восстания 1863–1864 гг. Кастусь Калиновский, что может быть обусловлено тем, что и в советский период руководитель восстания из-за своих радикально-демократических взглядов рассматривался в положительном ключе. Наряду с Франциском Скориной, это одна из ключевых фигур белорусской истории. С другой стороны, Кастусь Калиновский куда менее известен жителям Беларуси, чем первопечатник из Полоцка. Положительно его роль в истории Беларуси оценивают чуть более половины опрошенных (52%), в то время как треть опрошенных (31%) затрудняются дать какую-либо оценку.

Тем не менее наиболее положительно его роль оценивает младшее поколение (60%),

а среди представителей старшего поколения положительная оценка падает до 47%.

Самые позитивные оценки получила деятельность исторических личностей, которые занимались культурно-просветительской деятельностью. Наиболее положительно население Беларуси воспринимает вклад в историю нашей страны таких выдающихся просветителей, как Франциск Скорина (85%) и Евфросинья Полоцкая (84%). При этом их восприятие практически полностью лишено негативных коннотаций, они на самом деле объединяют всех жителей Беларуси, поскольку все социально-демографические группы неизменно позитивны в своей оценке роли этих исторических персон.

Полоцкий князь Всеслав Чародей и литовский князь Витовт составляют пару исторических деятелей, чья роль в истории Беларуси оценивается населением страны практически одинаково. С увеличением возраста уменьшается положительная оценка их роли в истории страны (в случае Витовта – с 54 до 24%, в случае Всеслава Чародея – с 49 до 28%) и увеличивается и доля затруднившихся оценить их труды (в случае Витовта – от 27 до 59%, в случае Всеслава Чародея – от 30 до 61%). Следует учесть, что эти исторические персонажи фактически отсутствовали в советских учебниках по истории БССР, они появились там лишь в конце 1980-х гг., когда уже начала вздыматься волна национального возрождения, поэтому подобные тенденции вполне объяснимы.

При этом нам кажется важным, что фигуры национальной истории не вызывают какого-либо отторжения или неприятия у старшего поколения.

Несмотря на слабую актуализированность представлений о прошлом Беларуси досоветского периода, именно этот исторический период имеет наибольший потенциал для укрепления национальной идентичности. Отдаленность в прошлом для репрезентации исторических событий имеет неоспоримые преимущества: здесь снимается возможное противоречие между культурной и коммуникативной памятью (или, другими словами, между официальной и неофициальной памятью), что дает большую свободу для создания позитивного образа событий прошлого. Слабое знание жителями Беларуси истории своей страны до начала XX в. можно трактовать как «чистую доску», которая вполне может быть заполнена сконструированной памятью, и в этом преимущество старины перед современной историей, которая неизбежно

будет вызывать противоречивые интерпретации. Этот потенциал начинает использоваться как в сфере образования, так и в СМИ (например, исторические публикации в газете «Беларусь сегодня», циклы исторических передач на государственных каналах телевидения), но возможности исторической памяти в данном случае, как свидетельствуют данные опроса, пока не используются полностью.

В этой связи стоит еще раз отметить, что среди всех исторических деятелей, оказавших влияние на ход истории Беларуси, именно просветители эпохи Средневековья Франциск Скорина и Евфросинья Полоцкая получили однозначно положительную оценку. Следовательно, упор на деятельности известных просветителей может служить объединяющим фактором, способствующим согласованности исторической памяти белорусов¹.

Таким образом, анализ степени конфликтности/согласованности основных топосов в исторической памяти жителей Беларуси позволяет прийти к следующим выводам.

Зафиксирована определенная дифференциация в социальных представлениях о прошлом населения Беларуси, которая основывается преимущественно на смене поколений. Впрочем, такие различия закономерно вытекают из вышеописанной смены образовательных парадигм. Старшие поколения гораздо более позитивно воспринимают советский период белорусской истории, тогда как досоветское прошлое для них (за исключением деятельности просветителей) практически неизвестно, хотя и не вызывает каких-либо негативных реакций. Младшее же поколение весьма осведомлено о различных событиях и персоналиях белорусской истории. Хотя этот разрыв, по нашему мнению, не является столь уж существенным, о «конflikте поколений» говорить сложно, поскольку есть объединяющие темы, которые воспринимаются разными поколениями одинаково.

Важнейшим историческим мифом, конституирующим современную белорусскую на-

циональную идентичность, является память о победе в Великой Отечественной войне, непротиворечивость и упрощенность этой памяти лишь способствует согласованности представлений о прошлом.

Наиболее насыщен и разнообразен в белорусской исторической памяти топос современной истории, но за это приходится платить противоречивостью оценок и интерпретаций. Определенные темы современной истории (установление независимости, спортивные достижения, строительство сооружений, предназначенных служить в сферах культуры и спорта, победы на музыкальном конкурсе «Евровидение») могут расцениваться как способствующие консолидации массового сознания, но интерпретация социально-экономического и политического развития Республики Беларусь не является однородной.

Память о советском периоде в истории Беларуси отмечена преобладанием памяти о войне, оттесняющей из памяти народа другие события. Вместе с тем негативная (либо противоречивая) оценка жителями Беларуси политических руководителей этого периода, за исключением Петра Машерова, свидетельствует о том, что советская история не может выступать в качестве объединяющего фактора для целостной исторической памяти.

Наибольшим потенциалом для укрепления белорусской национальной идентичности обладает топос социальных представлений об истории Беларуси до начала XX в, он обладает двумя важнейшими характеристиками: (1) незаполненность (что позволяет без особых проблем привнести в него нужное содержание) и (2) позитивно-нейтральное восприятие в массовом сознании. Консолидирующая роль оценки просветителей Франциска Скорины и Евфросиньи Полоцкой указывает на то, что досоветская белорусская история вполне эффективно может использоваться для формирования общности представлений о прошлом и настоящем белорусской нации.

¹ Не случайно, что, по данным исследования «Национальная идентичность белорусов: кто мы и какими будем?», при выборе «Имени Беларуси» однозначно лидирует Франциск Скорина (25%), на втором месте Петр Машеров – 13%, другие же фигуры куда менее репрезентативны.

ИЗ НЕДАВНЕЙ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Борис ДУБИН

Позднесоветское общество в социологии Юрия Левады 1970-х годов

1

Статья развивает основные тезисы выступления на конференции «Разномыслие в СССР и России (1945–2008)»¹ и ставит двойную задачу. Во-первых, я собираюсь коротко и в основных чертах охарактеризовать социологический замысел Ю.А. Левады, как он был сформулирован в его статьях середины 1970-х – середины 1980-х гг., т. е. актуализировать его в качестве значимого компонента эпохи, сегодня уже отошедшей в прошлое, для многих малознакомое и даже чуждое². Но, во-вторых, мне хотелось бы по свежим следам отозваться на проблематику названной конференции и выступления докладчиков в ее первый день. Иными словами, условные 70-е гг. (по Леваде, это 1968–1985 гг. с выделением подпериода между началом выпуска неподцензурной «Хроники текущих событий» в 1974-м и высылкой А.И. Солженицына из СССР в 1982-м) будут выступать далее и хронологическим этапом работы Левады-теоретика, и одновременно предметом его анализа, для которого он вырабатывал тогда теоре-

¹ Она была организована 15–16 мая 2009 г. Европейским университетом в Санкт-Петербурге совместно с Благотворительным фондом имени Д.С. Лихачева, Центром независимых социологических исследований и Научно-информационным центром «Мемориал». Стимулом для выступлений и дискуссии участников стала книга Б.М. Фирсова «Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практика» (СПб.: Изд-во ЕУ СПб; Европейский дом, 2008). Более подробно о конференции см.: http://www.eu.spb.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1126&Itemid=0

² В более развернутом виде экспликацию теоретических идей Левады см. в работах: *Гудков Л.* Социология Юрия Левады (опыт систематизации) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. № 4; *Шалин Д.* Феноменологические основы теоретической практики: биокритические заметки о Ю.А. Леваде // Цит. изд. 2008. № 4.

тическую рамку и ряд ключевых понятий. Из вопросов же, дебатировавшихся ораторами на конференции, я выделю три, как мне кажется, главных, они были сквозными для многих выступлений, если не для всех. Это:

- границы и формы разномыслия на поздней фазе существования советского общества (собственно 1970-е – первая половина 1980-х гг.);
- факторы, приведшие к развалу СССР в начале 1990-х;
- причины того, что реформы не пошли дальше, а оказались прерваны к середине и во второй половине 1990-х.

Дальше я попытаюсь до некоторой степени ответить на эти вопросы хотя бы кратко, причем ответить как бы «словами Левады»: развивая его идеи, выдвинутые на протяжении последнего советского десятилетия и, отчасти, подхваченные и углубленные в нескольких работах более поздних лет³.

2

В ретроспективной левадинской характеристике 70-х гг. как эпохи «подтачивания

³ Прежде всего, я буду опираться здесь на работы Левады 1970–1980-х гг. по смысловой структуре социального действия, печатавшиеся в 1974–1984 гг., как правило, в малодоступных изданиях и позднее включенные в его книгу «Статьи по социологии» (М., 1993), а также статьи «Рубежи и рамки семидесятых: Размышления соучастника» (Неприкосновенный запас. 1998. № 2. С. 72–78) и «Юрий Буртин: Человек и время» (Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 90–92). Последним, впрочем, предшествовали построенные на близком историческом материале и тоже важные для моей темы работы «Сталинские альтернативы» (В сб.: Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 448–459) и «Секрет нестабильности самой стабильной эпохи» (в сб.: Погружение в трясину. (Анатомия застоя). М.: Прогресс, 1991. С. 15–30, в соавторстве с Т. Ноткиной и В. Шейнисом).

монолита» советского общества сталинской эпохи — иногда Левада говорил о «разрушении концепции монолита» и, замечу, не раз подчеркивал «вынужденный, а потому основательный» для всех участников характер этого процесса — я хотел бы для начала обратить внимание на несколько моментов. Они, среди прочего, определяли формы и пределы тогдашнего «разномыслия», которое в первую очередь практиковалось достаточно узкими кругами интеллигенции, образованного слоя и, естественно, в заметно меньшей мере, — массой населения, прежде всего городского (напомню, что во второй половине 1960-х гг. среднее образование стало в СССР всеобщей нормой, а большинство населения — жителями городов того или иного уровня и типа). Вот эти моменты:

— по преимуществу *пассивный и реактивный характер* сосуществования интеллигенции и массы с властью: «Никакого единого и тем более организованного "движения" сопротивления режиму или официальной идеологии не существовало»¹;

— *соглашение* интеллигенции с властью в той или иной степени в разных случаях, «лукавая сделка» сторон (см.: Там же. С. 72; Левада, отмечу, был далек от какой бы то ни было идеализации образа и роли интеллигентского слоя²), что выразилось, среди прочего, в ментальной конструкции советского двоемыслия, и подтачивавшего «монолит», но и парадоксальным образом его консервировавшего, растягивавшего процесс распада, поскольку оно по преимуществу дистанцировалось от сложившегося официального порядка, но вместе с тем блокировало выработку продуманных ему альтернатив, реально ограничивало инакомыслие;

¹ Левада Ю. Рубежи и рамки семидесятых // Указ. соч. С. 76.

² «Реальное историческое существование русской интеллигенции ограничено примерно рамками 60-х годов XIX века — 20-х годов XX века», — писал Левада; позднейший период ее существования он называл «фантомным» (Статьи по социологии. С. 157). При этом роль образованных слоев в советском и постсоветском обществе была предметом сквозного интереса Левады, начиная со статьи «Интеллигенция» в известном «словаре нового мышления» «50/50» (М.: Прогресс, 1989; вошла в упомянутую книгу «Статьи по социологии. С. 156–158) и работы «Проблема интеллигенции в современной России» (Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс, 1994. С. 208–214) до статьи «Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации», ставшей для автора последней; опубликована в альманахе «Вторая навигация» (Запорожье: Дикое поле, 2007. Вып. 7. С. 96–114), а затем в кн.: Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в современной России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.

— преобладание со всех «сторон» — и во власти, и среди ее критиков, и у интеллигенции, и у массы — логики наличной ситуации, поглощенность «текущим моментом» при малой заинтересованности *последствиями* предпринимаемых шагов, невнимания к общим перспективам (расчет только на короткое время, вне координат будущего и глубинной перспективы исторического прошлого, учета его символической значимости);

— феномен *заложенничества* как своеобразного механизма упрощенной, вырожденной, негативной социальной связи, «сила» которого состояло именно в простоте и чье действие (негативное!) в конечном счете также способствовало разрушению упомянутого «монолита»; Леваду, в частности, интересовало действие заложеннического механизма на мышление и поведение интеллигенции, в особенности — в периоды «подписанства» и в связи с теми или иными отклонениями единиц от соглашательского стандарта большинства;

— ориентация интеллигенции на *ценности*, дистанцировавшие и отличавшие «своих», «нас» от «них», «власти», а не на обобщенные *программы*, которые могли бы объединять многих, — в конечном счете, направленность прежде всего на деструкцию сложившегося порядка и, в сравнении с этим, слабость конструктивных планов, идей и соображений (см.: Там же. С. 77–78).

Как мне кажется, в теоретико-социологических работах Левады середины 1970 — середины 1980-х гг. можно видеть своего рода аналитическую контрпрограмму по отношению к перечисленным выше моментам по преимуществу адаптивной поведенческой тактики советской интеллигенции и массы в целом. Но не только к ним. Данные работы Левады были — по условиям и возможностям времени — скрыто и открыто полемичны, причем спор в любом случае шел по принципиальным вопросам. Главными мысленными оппонентами Левады при этом выступает марксизм (в частности, упрощающий экономизм в понимании индивидуального действия и коллективного поведения), структурализм в его трактовке культуры как системы, бихевиоризм (атомизация и психологизация социального действия по образцу «стимул — реакция»), символический интеракционизм с его пониманием общества как системы обменов, отечественная этнография в ее опять-таки упрощенческих представлениях о «материальной» и «духовной» культуре. Соответственно, в этой полемике важнейшую концептуальную

нагрузку получают у Левады именно понятия «культура», «символ», «игра» (символических и игровых структур социального действия)¹.

Предварительно обобщая, можно сказать, что основными проблемами (проблемными планами) аналитической проработки Левады, его социологического замысла или программы становятся теоретические лакуны и дефициты тогдашней социологической теории, в том числе отечественной². А именно такие (выстраиваю их в хронологической последовательности авторских разработок):

- понятие «культура» (символические структуры действия);

- специфически сложный (предельный) тип социального действия (игра);

- специфически упрощенный тип общества (мобилизационное общество, несущее на себе наследственные черты экстраординарного, насильственного социального перелома, долгое время не принимающее поэтому ценностного порядка повседневности, а пытающееся вместо этого институционализировать «чрезвычайные» общественные состояния, поставить «эксцесс» на службу власти и ее планам);

- специфические типы социального процесса («понижающая адаптация», с одной стороны, «аваланш» и следующая за ним «рутинизация чрезвычайности», с другой);

- специфический антропологический тип («советский человек»);

- понятие «эрац-элит» или «назначенных быть элитой» в условиях советской и постсоветской России, коррелятивное с более ранней категорией «наведенной харизмы» правителя в советских условиях.

3

Основные узлы проблематики, вокруг которых концентрируется мысль Левады в указанное десятилетие, относятся к основополагающим аспектам советской модели общества, условиям ее воспроизводства, внутренним ограничениям эффективности и факторам нестабильности

¹ Из более поздних работ Левады сюда относятся статьи «Индикаторы и парадигмы культуры в общественном мнении» (включена в кн.: От мнений к пониманию. М.: МШПИ, 2000. С. 305–322) и «Люди и символы» (вошла в кн.: Ищем человека. М.: Новое изд-во, 2006. С. 187–201). Подробнее об этой проблематике см.: Дубин Б. От традиции к игре: Культура в социологическом проекте Юрия Левады // Новое литературное обозрение. 2007. № 5.

² Отмечу одну особенность его теоретической работы – особое внимание к сложным формам взаимодействия и открытым смысловым структурам, а с другой стороны, к «вырожденным» «простым» случаям и разновидностям замкнутого, изолированного действия.

(дестабилизации). Попробую схематизировать и систематизировать хотя бы некоторые из них.

1. Социальная организация советского общества. В работах первой половины и середины 1970-х гг. Левада аналитически реконструирует морфологическую структуру российского и советского общества в рамках концепции урбанизации как многомерного, долго- и разновременного, даже разнонаправленного социокультурного процесса. Он описывает российский (советский) социум как специфический, централизованно-иерархический тип центропериферийных отношений. Символические (интегративные) функции системы и соответствующие сверхзначимые образцы коллективной идентификации сосредоточены при этом в центре (столице), нормативные (нормозадающие) иерархизированы по оси безальтернативной и внеконкурентной власти, которая выступает и основой социальной стратификации, периферии же – а она составляет преобладающую часть страны – отводится чисто исполнительская роль и функция ресурса (человеческого и др.). При этом отношения между центром и периферией, реализация поступающих из центра культурных образцов опосредуется социальным и модальным барьером, «преодоление которого требует снижения уровня реализации образца»³. «Вырожденным случаем» описанного структурного принципа (а подобные упрощенные варианты чрезвычайно интересовали Леваду как теоретика сложного, символически опосредованного действия) выступает «иерархия, сведенная к одной ступени – когда центральная структура непосредственно соотнесена с периферией и задает последней весь объем ее (значимой) деятельности»⁴.

Такая система построена по принципу матричного воспроизводства – упрощенного

³ Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993. С. 43.

⁴ Там же. Другой вариант развития социальной морфологии в ходе процессов урбанизации и модернизации представляют открытые развитые общества, например, американское. Инструментальные функции здесь разнесены по группам и институтам, нормативные общедоступны («...все "окраины" равноудалены от функционального центра» Указ. соч. С. 44). Функции центра при этом символически представлены «вертикальным» строением культурного текста – многослойной культурной записи сложной и динамичной социальной морфологии (см.: Указ. соч.). Важно, что они представлены и могут быть репрезентированы исключительно символически, – это отсылает к иному, более сложному типу регуляции поведения через как бы невидимые физически, но высоко значимые санкционирующие символы и фигуры (таков, скажем, призрак отца Гамлета, еще один пример, используемый Левадой – см.: Указ. соч. С. 59).

дублирования центральных, структурообразующих форм и функций (прежде всего — отношений власти) «на местах» и на любых уровнях социума. Речь идет не просто о ситуативном «ухудшении», «халтуре», поведении «сачка», плохом исполнении образца в процессах его восприятия и воспроизводства на периферии социума, хотя, конечно же, и о них. Левада описывает здесь функциональный *механизм торможения* как работающий узел репродуктивной системы советского общества, неизбежную по мере перехода к периферии социума, можно сказать, запрограммированную трансформацию символических образцов и нормативных значений в инструментальные, подлежащие исполнению, и наоборот — говорит о символизации и даже наделении сверхзначимостью тех значений и действий («планов», «плановых показателей»), которые ориентированы на исполнение центральной «программы», достижение поставленной цели. Другая сторона описываемого механизма — опять-таки неизбежная, запрограммированная, системная *провинциализация центра*. В качестве примера подобной провинциализации можно, в частности, назвать постоянное подтягивание в центр социума периферийного «человеческого материала» с соответствующими стереотипными установками и представлениями. Следствие этого — возникновение и разрастание в советских условиях полу- и квазигородских (поселковых, слободских) форм поселения, повседневного взаимодействия, а также выработка и межличностная, в основе своей — устная, неcodифицированная и принципиально не рационализируемая трансляция его смысловых образцов.

Подобная жесткость социального устройства требует его поддержания столь же жесткими репрессивными средствами и ведет к гигантской «отбраковке» людей и групп, чьи инициативы, даже само существование хотя бы в потенции представляют альтернативу или угрозу системе. Наряду с этим в исторической перспективе подобное устройство буквально через одно поколение влечет за собой, с одной стороны, формирование компенсаторных механизмов всеобщей коррупции, «черного рынка», «второй культуры» и т. п., а с другой — приводит к росту претензий на власть и самостоятельность со стороны различных групп социальной периферии, в частности, национальной номенклатуры и интеллигенции. Названные явления проявляются, по меньшей мере, с конца 1960 — начала 1970-х гг., что вызывает ответную реакцию властей («хлопковые» и другие процессы,

борьба с «подпольным» бизнесом, шаги по уничтожению диссидентства, принудительная высылка и разрешение на эмиграцию), но и заметные сдвиги в идеологии, смягчение прямого социального контроля (отказ от программного утопизма и ориентации на будущее, отход от изоляционизма периода «холодной войны», концепция международной «разрядки», риторика «новой исторической общности людей» и др.). Тем не менее к концу 1980-х эта подспудная «бомба», можно сказать, взрывается — таков один из факторов распада СССР. Напомню, однако, что ни одна из существовавших на тот момент в стране социальных и политических сил, движений, партий не была инициатором или активным исполнителем развала советского государства, но ни одна из них открыто, сознательно и сколько-нибудь последовательно не выступила на его защиту.

2. Репродукция советского режима 1930–1940-х гг. Теоретический интерес Левады к репродуктивной системе общества, способности системы воспроизводить свою организацию во времени, механизмам такого воспроизводства проявляется в конце 1970-х гг., на самом пике «застойных» лет. При этом Левада аналитически противопоставляет инструментальную «программу опыта», направленную на достижение цели и оптимизацию средств такого достижения (расчет, выбор вариантов, минимизацию издержек и т. д.), и ценностно-нормативную «программу культуры», ориентированную на поддержание структуры и образца действия как смыслового целого¹. Подавление импульсов к оптимизации социальной системы, ориентаций на повышение ее качества ведет, в конечном счете, к сбою ее воспроизводства. Но и десимволизация социального действия, утрата его символической значимости, а значит, редуцирование программы культуры до всего лишь оперативной ориентировки в текущем дне и до чисто реактивной адаптации к его нуждам разрушает общество как систему.

При этом, с одной стороны, возникает и увеличивается разрыв между разными уровнями, подсистемами, группами, поколенческими когортами общества, нарастает его фрагментированность. В частности это выражается в разложении правящей элиты, особенно ее верхушки. Но не только. Характерно, например, что уже среди «младших братьев» того «поколения Октября», о котором говорилось в нескольких

¹ См.: Левада Ю. Указ. соч. С. 52–54.

выступлениях на конференции, выделились молодые офицеры Великой Отечественной, создавшие «лейтенантскую прозу», которая на протяжении 1960 – начала 1970-х гг. противостояла официальной картине триумфального шествия советской армии во главе с партийными вождями и при поддержке всего народа, что, конечно же, играло свою роль в подтачивании государственного «монолита», но в еще большей мере – меняло общественную атмосферу. Тогдашняя «городская», «деревенская», историческая проза «шестидесятников», их искусство (театр, кино), литературная критика и публицистика действовали в том же направлении. Неподцензурная «вторая» культура (поэзия, живопись, музыка, эссеистика) имела, конечно, заметно меньшую распространенность и действовала уже другими образно-символическими средствами (концептуализм в поэзии и живописи, театр абсурда и др.), другой логикой аргументации (религиозная публицистика и культурологическая эссеистика), но по-своему работала на деструкцию смысловых оснований официально советской, «монолитной» картины мира.

С другой стороны, функционирование общества, узлов и блоков системы (институтов), которые не связаны с реальным целедостижением и лишены возможностей оптимизации, вырождается в церемониал, повторение простого и привычного, его демонстрацию и принятие в качестве знака «стабильности», точнее, имитирующего стабильность. Социальной ценной такого упрощения становится постепенная примитивизация или даже деградация системы – потеря стимулов к активности «снизу», потеря управляемости «сверху». Такова вторая «бомба», условно говоря, подложенная под советский режим.

3. Игровые структуры действия. Левада разрабатывал понятие игры в полемике, с одной стороны, с представлением об «экономическом человеке» и допущением о его полностью калькулируемом, исключительно рациональном поведении, а с другой – со структуризмом, его категориями «модели», «моделирующей системы», «бинарных оппозиций». Могут предположить, что его в этот период (первая половина 1980-х гг.) теоретически занимала сама возможность, основания и принципиальные формы коллективной самоорганизации. Поэтому, вероятно, его и заинтересовал, казалось бы, предельный, едва ли не маргинальный для социолога тип замкнутого действия – форма социальности «из ничего», организованной исклю-

чительно по собственным условным правилам при отсутствии (выключении) любого внешнего контекста, нормативных систем, социальных авторитетов¹. Примерами более сложных форм игры для Левады выступало искусство (поэзия, театр); более простой формой – спорт. Левада подчеркивал (опять-таки в полемике со структуризмом, а также с концепцией социальных ролей, моделью «социологического человека» у Ральфа Дарендорфа, «драматургической перспективой» в социологии), что игра не модель. Она не имеет функциональной значимости вне самой себя, не представляет образца для какой бы то ни было неигровой деятельности², хотя неигровая деятельность может принимать характер игры – например, имитировать игру, перенимать ее модальность или отдельные элементы.

Как вырожденный случай игры Левада трактовал политический церемониал, «ритуал, лишившийся своих "вертикальных" функций»³, – демонстрацию фигур безальтернативной политической власти вне социальных связей и исторического контекста, без предъявления коллективных целей и программ их достижения, а исключительно в качестве фокуса воображаемой интеграции с ними ближайших кругов и большинства населения. Смыслом действия здесь становится его граница, которая как бы вносится в центр⁴. Составляя смысловое средоточие действия (взаимодействия), она воспроизводит и поддерживает ситуацию социального раскола, разрыва социальности, поскольку отделяет «нас» от «них» и задает предельно простой образец иерархической системы, изолированной от внешнего мира и разнообразных фигур «значимых других». В этом качестве она может лишь имитироваться, мультиплицироваться по социально-пространственной гори-

¹ В частной беседе он говорил, что хотел показать работу социальных механизмов, взяв для примера, как Марсель Мосс в «Опыте о даре», один и достаточно частный случай, а получилось, как и у Мосса, принципиальное описание целой сложной системы взаимодействия, причем в идеально-чистом виде, когда участники свободны от инструментального достижения целей и преследования собственных частных интересов, но также и от воздействия каких бы то ни было внешних сил со стороны фигур власти, инстанций авторитета и проч.

² «Самодостаточность игровых структур не позволяет считать их символами какой-то иной реальности», – отмечал Левада (Статьи по социологии. С. 103).

³ Там же.

⁴ Или иначе: символ, символический посредник не отсылает к другому, ценностно более высокому плану действия, например, не приобретает к глубинам истории или к сфере культуры, а сам превращается в «границу действия», – ситуация, которую Левада описывает как «вырожденную» (см.: Указ. соч. С. 70).

зонтали («в регионах», «на местах») и в границах других сообществ (например, в семье или школе).

В этих категориях Левада описывает, в частности, характер власти, тип социума и поведение массового человека в России начала 2000-х гг.¹ Ретроспективно можно было бы сказать, что такова еще одна «бомба», которая угрожала если не распадом, то обесмысливанием, семантической делегитимацией советского режима. Напомню, что статья об игровых структурах была опубликована автором в 1984 г., о людях и символах — в 2001-м. Полтора десятилетия между двумя этими датами стали для советского общества временем крупномасштабных и разноплановых перемен.

4

Формы и границы социально-политических, экономических, культурных и других изменений конца 1980-х — начала 1990-х гг. были заданы, как писал Левада, «слабостями "формообразующего" периода 70-х»². Ресурсом частичного восстановления, репродукции, «повторения» прежней системы в новых рамках, новой внутренней и внешней обстановке стала сформировавшаяся за советский период конструкция массового человека и социально, культурно, исторически связанные с ней особенности так называемых «элит» советского и российского общества. В качестве наиболее общих моментов, направленных как будто бы на установление, укрепление или хотя бы временное поддержание, частичный «ремонт» советского режима, но парадоксальным образом подтачивавших его «монолитность» и приведших к распаду СССР, я бы, обобщая соображения Левады, назвал теперь следующее:

— стремление государства к тотальному контролю над институциональной структурой общества, в пределе — полное поглощение общества государством, в действительности всегда остававшееся частичным;

— стремление государства к централизованному контролю над системами воспроизводства общества (семья, школа, культура и искусство, массмедиа), которые все более, хотя никогда не целиком, ориентируются на повторение признанных и утвержденных образцов;

— как следствие указанного — дефектность механизмов целеполагания и целедостижения в рамках сложившейся системы, а потому и от-

сутствие механизмов ее усовершенствования (изоляция идея исключительности советского строя и советского человека стала терять значимость даже для первого поколения людей, выросших в СССР, поскольку не могла заменить функциональную дифференциацию общества, реальное соревнование и солидарность, разнообразие траекторий продвижения и форм вознаграждения);

— отсутствие механизмов корректировки, устранения системных дефицитов и дефектов сложившегося социально-политического порядка; кроме сугубо временных мер, сама распространенность которых на всех этапах истории советского общества указывает, впрочем, на их систематический, функциональный характер, в роли таких механизмов-заместителей на разных этапах и на разных уровнях советского социума выступают различные формы «ручного управления» («телефонное право», подбор кадров «под начальника» по линии родства, землячества и другим аскриптивным признакам), конструкция сверхвласти без ответственности (роль вождя и его спасительного персонального вмешательства), установление экстраординарного порядка, отменяющего действие любых норм, включая правовые; централизованное введение того или иного варианта «особого положения» приводит в действие, в частности, механизмы массовой социальной отбраковки населения, практику тех или иных «чисток», вывод из публичной жизни целых категорий, классов, слоев, народов и т. п.;

— разрастание — по мере частичного смягчения репрессивного характера режима — форм социального взаимодействия, сосуществующих с официальным порядком, использующих его институциональные структуры, но не легитимированных его нормами в открытом виде (блат, знакомства, «подпольные производства», черный и серый рынок, сам- и тамиздат, вторая культура и др).

Совокупное действие перечисленных моментов (их перечень может быть уточнен и продолжен) все больше ведет к разложению «элит», пассивности масс и общей неуправляемости системы. Этот никем не программируемый процесс накопления системных напряжений, дефицитов и дефектов может рано или поздно перерасти в общий срыв, одновременный распад всех узлов системы или, по крайней мере, разрыв связей между этими узлами.

Однако следует еще раз подчеркнуть: исполнение того либо другого действия как

¹ Левада Ю. Люди и символы // Указ. соч. С. 188–191.

² Левада Ю. Рубежи и рамки семидесятых // Указ. соч. С. 78.

«плохого» или «бессмысленного», признание тех или иных решений «временными», а каких-то шагов «неудовлетворительными», «половинчатыми» и проч. в данном случае несколько не означает их дисквалификацию, осуждение, отвержение участниками. Оно не ведет к улучшению деятельности или смене ее «программы». Такое поведение подтачивает действие системы, но вместе с тем, как уже говорилось, отсрочивает ее распад. Система не имеет стимулов к движению, она не в состоянии развиваться, но вполне может существовать, длить привычное существование. Это значит, что система внутренне, функционально не дифференцирована и при этом для нее нет «значимого другого» во вне (у нее нет ни внутренних, ни внешних «других», что, собственно, и выражается метафорой монолита). В таком случае допустимо предположить, что «плохие», «слабые», гибридные либо «кентаврические» социальные образования — это нормальные, обычные для системы описываемого типа режимы работы. Напротив, какие-то иные формы, направленные на усовершенствование или изменение действия, его программы, воспринимаются участниками как ненормальные («Тебе что, больше всех надо?») и при их почему-то возникновении будут так или иначе пресекаться, причем как «сверху», властью, так и «снизу», массой. Здесь опять-таки действует негативный механизм социальной отбраковки, коллективного заложничества.

Рано или поздно накопление подобных системных дефектов при отсутствии альтернатив, перспективы, выбора вариантов приводит к одновременному спазматическому срыву, как бы полному обрушению системы. «Застой» сменяется «обвалом» («аваланшем», по выражению Левады¹), т. е. опять-таки чрезвычайной ситуацией, отменяющей или, по крайней мере, значительно ослабляющей действие прежних норм. На публичной сцене появляется некоторое количество «новых людей», кандидатов в элиту из прежнего «запаса» или «подполья». Возникают некоторые новые формы отношений — гражданских, религиозных, культурных, но прежде всего — экономических, в куда меньшей степени — политических. Усилия тех либо иных подгрупп правящей «элиты» развить и использовать этот момент относительного разнобразия для более или менее глубокого реформирования системы заставляют в ответ, для самозащиты активизироваться ее несущие,

¹ «...Извечная дилемма российских перемен: “застой” или “обвал”, — третьего пути не дано...» — Левада Ю. Рубежи и рамки семидесятых // Указ. соч. С. 78.

наиболее консервативные элементы (иерархические структуры политической власти, корпоративную солидарность «силовиков», прежде всего — спецслужб). Последние в утверждении своего господства опираются теперь не на мобилизационную энергию большинства (масс), а на их — поддерживаемую большинством государственных медиа — отстраненность от политики, социальную апатию и эскапизм, желание с наименьшими усилиями и потерями адаптироваться к ситуации и не потерять хотя бы того, что есть («Лишь бы не было хуже» — не лучше, а именно не хуже, т. е. без подключения и максимизации собственной активности).

Иными словами, «плохое», «слабое» состояние «человеческого материала» — не случайность и не побочный эффект, оно показывает свою функциональность в процессах пассивного выживания, принудительной адаптации. Больше того, важнейшим ресурсом частичного восстановления, воспроизводства прежней системы за временными и пространственными рамками СССР при ее попытке уже в постсоветских условиях приспособиться к относительно изменившемуся внутреннему состоянию (новые претенденты на элитные позиции) и внешнему окружению (глобальный мировой порядок) выступает именно антропологическая конструкция «советского человека», сохраняемые им стандарты коллективного самопонимания, социального общежития, политической культуры².

5

Таким образом, можно говорить о хронологической и собственно теоретической логике развития исследовательских интересов Левады на протяжении десятилетий его социологической работы. Обобщенно и условно я бы представил ее так: от морфологии советского и российского общества («пространственно-временные структуры действия») он переходил к условиям и механизмам его воспроизводства («репродуктивная система»), границам действия этих механизмов («игра», «церемониал»), а далее — к феноменам кратковременного перелома («аваланша»), формам привыкания к нему («рутинизация чрезвычайности») и ресурсам частичного, адаптивного восстановления прежнего («советский человек», «эрзац-элиты»).

² Подробнее об этом см.: Гудков Л. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6; Он же. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2.

Людмила ПРИМАКО

Конференция Левада-Центра

19 января 2010 г. в московской гостинице «Арбат» состоялась XII ежегодная конференция Аналитического центра Юрия Левады «События и тенденции 2009 года в общественном мнении». Основная направленность докладов конференции – анализ проблем российского общества в кризисный период и реакций разных групп на изменения, происходящие в стране.

В своем выступлении на тему «Массовые оценки и настроения в 2009 году» **Лев Гудков** проанализировал основные тенденции социальных настроений, массовые оценки событий прошедшего года и отметил, что начавшийся кризис завершил целую эпоху стабильности, период надежд на рост доходов, вернул общество к состоянию пассивной адаптации к происходящему, сокращению запросов и ориентации на выживание, хроническому ощущению недооцененности. Любые изменения в стране воспринимаются как вынужденные, а среди общественных настроений преобладает раздраженность, усталость и апатия. Значимой тенденцией за последние годы, по мнению исследователя, является «исчезновение» политики из сферы интересов населения. Явный недостаток рефлексии происходящего во многом определяется усилением цензуры на каналах СМИ, отсутствием общественных элит, которые могли бы проводить осмысление и рационализацию происходящих событий, а также политических партий, которые были бы в силах задать конкурирующие программы развития страны. Таким образом, общество остается без ориентиров на будущее и без представлений о нем.

Борис Дубин в выступлении «Характер массовой поддержки нынешнего режима» рассмотрел масштабы, ресурсы и описал характер поддержки нынешней российской власти. Со-

циолог выделяет следующие основные черты социальной жизни в России: во-первых, безальтернативность, с точки зрения путей, которыми может идти Россия, характера власти, следствие этого – девальвированность политики в отсутствие элит, программ, проблем выбора и задачи оценки деятельности властей, различных политических сил. Во-вторых, всеобщая установка на адаптацию, сохранение статус-кво как среди населения, так и среди правящей верхушки. В-третьих, атомизация социальной и политической жизни в России. В-четвертых, имитационность, ее результат – СМК без коммуникации, партии без программ, власть без представительства, ответственности и эффективности. Со стороны масс наблюдается «передоверие» инициативы первым лицам, т. е. пассивный характер поддержки режима («алиби»). Следствие этого – сокращение области «общего» (интересов, целей, символов) в социальной жизни, усиление ее виртуального характера. Установки на адаптацию и приспособление к сложившимся обстоятельствам, нежелание «высовываться» и проявлять инициативу представляют собой своеобразные «клещи», не допускающие каких-либо изменений в системе. Характерно, что в наибольшей степени сложившийся режим и символические фигуры представляющих его первых лиц поддерживают менее самостоятельные и ресурсообеспеченные группы (самые молодые респонденты, жители социальной периферии, пожилые группы, женщины).

Алексей Гражданкин выступил с докладом «Московские выборы 2009 года: электоральные установки, голосование и официальные результаты», в котором сообщил, что в этом году интерес среди населения к выборам, по сравнению с 2005 г., заметно сократился. Одной из причин

этого исследователь называет снижение доверия москвичей к законодательным властям, в отличие от исполнительных. Основываясь на данных опросов проведенных Левада-Центром накануне и после выборов в Мосгордуму, социолог указал: явка на выборы оказалась существенно ниже заявленной Мосгоризбиркомом. На основании серии проведенных исследований А. Гражданкин выдвинул гипотезу о фальсификациях на прошедших выборах, а именно о вбросе бюллетеней и редакции участковых протоколов в пользу «Единой России» (исследователь оценивает ее объем примерно в 600 тыс. голосов).

Из доклада «Регионы России: вызовы кризиса и модернизации» **Натальи Зубаревич** (НИСП) явствует, что промышленный спад, базовым фактором которого является отраслевая специализация экономики регионов, стабилизируется. Высокий уровень восстановления показали полифункциональные регионы с большой экспортной составляющей (Свердловская область, Пермский край). Стабилизация промышленности проходит с укреплением ее сырьевой ориентации, поэтому сильные регионы страны прошли острую фазу кризиса без заметных элементов модернизации. Происходит замедление спада инвестиций для регионов. В сравнении с 2008 г., в 2009 г. доходы бюджетов в двух третях регионов выросли за счет финансирования из федерального центра. «Раздача денег» проходила в ручном режиме и в состоянии паники, в результате чего финансовая помощь была оказана не тем регионам, которые в большей степени пострадали от кризиса. Это, по мнению исследователя, в значительной степени провоцирует иждивенческое поведение регионов. В субъектах РФ не наблюдается рост явной безработицы, но оформился сегмент безработицы скрытой, которая представляет собой неполную занятость людей, уход в административные отпуска и переход на общественные работы.

Основываясь на данных массовых опросов, проведенных Левада-Центром, и сопоставляя их с данными официальной статистики, **Марина Красильникова** в своем докладе «Население в кризисе: отложенные уроки» рассматривает, как население переживает кризис и как субъективные оценки влияют на происходящее в экономике страны. Базовые характеристики населения на момент кризиса, по мнению социолога, — бедность и ограниченность ресурсов. Относительно основных признаков кризиса, ситуация такова: во-первых, высокие

инфляционные ожидания населения совпадают с высокими темпами инфляции в стране; во-вторых, страхи безработицы среди населения оказались сильно преувеличенными (массовых сокращений удалось избежать за счет ручного управления, прокурорских угроз и частных договоренностей с крупными работодателями); в-третьих, вопрос девальвации рубля не является актуальным примерно для половины населения страны. В условиях кризиса люди проявили рациональность и стали сокращать потребление товаров длительного пользования, спрос на кредиты сократился, сберегательная стратегия населения сохраняется (накопления на крайний случай). Уроки кризисного состояния экономики удалось отсрочить, перебороть ситуацию архаичными мерами, методами ручного контроля, в результате — перемены опять отложены. Самым печальным итогом 2009 г. **Марина Красильникова** считает то, что в экономике страны хватило ресурсов ничего не менять.

Владимир Гимпельсон и **Галина Монусова** (ГУ-ВШЭ) в своем докладе «Страх безработицы: опыт межстрановых сопоставлений» проанализировали влияние страха на экономическое поведение индивидов и как следствие — на изменение макроэкономической ситуации в различных странах и сделали вывод, что страхи населения негативно влияют на потребление, сбережения и субъективное благосостояние семей. Основываясь на результатах исследования ISSP (2005 и 2007 гг.), докладчики отметили, что меньше боятся безработицы в англосаксонских и скандинавских странах, а больше — в странах Восточной Европы. Россия и Болгария — лидеры по уровню страха. Исследователи подчеркнули, что в странах с высоким уровнем социальной защиты уровень страха выше. Парадоксальной, по их мнению, является ситуация, при которой в странах с низким уровнем безработицы уровень страха ниже и население в большей степени готово к «уступкам» (переобучение, временная работа, мобильность, снижение уровня зарплаты), и наоборот: чем выше уровень безработицы, тем выше уровень страха у населения и меньше готовность идти на «уступки».

Опираясь на результаты исследования, проведенного Левада-Центром, **Ирина Перова** (РОСНО) в соавторстве с **Вильямом Пайлом** рассмотрела проблемы приватизации в России. В докладе «Приватизация земель промышленных предприятий: первые результаты исследования» она отметила, что начиная с 2006 г. темпы роста приватизации увеличиваются

и достаточно большое количество промышленных предприятий, еще не приватизировавших земельные участки, собираются это сделать. Среди основных мотиваций оформления земли в собственность отмечены следующие: обеспечение большей защищенности бизнеса, увеличение стоимости активов и инвестиционной привлекательности предприятия, а также повышение доступности кредитов. Основные трудности в процессе приватизации — это недостаток собственных средств предприятий, большие финансовые расходы, связанные с оформлением земельного участка в собственность, неясные правила и нормы, регулирующие саму систему выкупа и «нежелание» органов власти продавать земельные участки предприятиям.

В докладе «Работник и работодатель в ситуации кризиса» **Наталья Бондаренко** на основании данных регулярных исследований Левада-Центра проанализировала тактики, применяемые работодателями при управлении персоналом в непростых экономических условиях, и эффект от этих мер, который ощутили на себе сами работники. Опираясь на оценки домохозяйств, она отметила, что ухудшение ситуации на рынке труда почувствовалось еще в ноябре 2008 г. и до апреля 2009 г. ситуация продолжала ухудшаться. В частности за эти месяцы увеличивалась доля семей, которые ощутили на себе опыт сокращения зарплат, невыплат, перевода на сокращенный график или отправку в отпуск без содержания, ситуации угрозы увольнения. В начале 2009 г. негативные эффекты коснулись работников во всех основных секторах экономики. При этом работодатели использовали различные стратегии снижения затрат на персонал, но в большей степени ухудшение ощути-

ли занятые в строительстве и промышленности. К концу 2009 г. оценки и ожидания работников сфер производства, обслуживания, социальной сферы стали менее дифференцированными. Осенью 2009 г. наиболее уверенными в сохранении своей работы и заработка были представители социальной сферы — бюджетники, а наименее уверенными — занятые в производственной сфере, особенно в промышленности и строительстве.

В заключение **Алексей Левинсон** в своем выступлении «Ценность жизни» рассмотрел проблему содержания и обращения с детьми, имеющими особенности в развитии. Он подчеркнул, что в нашей стране к жизни этих детей относятся как к ценности и само это отношение существует как норма. Российское общество, по мнению социолога, — это общество переходного периода между «многодетными мало живущими коллективистами» и «малодетными долго живущими индивидуалистами». На этих двух ценностных полюсах существуют взаимоисключающие представления об индивиду: для одних — индивид поддерживает жизнь коллективного целого, для других — коллективное целое поддерживает жизнь индивида. Это противоречие переносится на отношение к детям с отклонениями — их жизни поддерживают («государственные дети» воспроизводятся государством), но их содержат отдельно от «большого» общества, таких детей воспитывают коллективно, для их успешной адаптации не созданы условия. Таким образом, ценность жизни существует между государственным милосердием, с одной стороны, и общественным равнодушием — с другой.

Ирина ТРОЦУК

Путеводитель по современному интеллектуальному пространству: маршруты движения, «достопримечательности» и мини-разговорник

Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения: т. XVI /Под общ. ред. М.Г. Пугачевой, В.С. Вахитайна. М.: Университетская книга, 2009. 552 с.

Писать рецензии на сборники, тем более, материалов конференции, — дело сложное и неблагодарное. Тексты в них обычно разрознены по тематическим приоритетам, выглядят декларативными и не вполне обоснованными в силу ограниченного объема, разнокалиберны по статусным характеристикам авторов и «качеству» изложения — вот авторов рецензий и терзают сомнения в правильности интерпретаций и навязчиво-страстное, но совершенно невыполнимое желание ничего важного и интересного не забыть упомянуть и никого из авторов не обидеть. В случае с «Пути России» ситуация усложняется отсутствием единого тематического вектора симпозиума: заявленные в аннотации сборника задачи «изложения представлений о конфигурации интеллектуального пространства» и «описания новой социальной реальности России» крайне претенциозны даже не в смысле замаха (на типологизацию социальных практик и подходов к их осмыслению), сколько силой посылок — уверенно постулируется однозначное наличие первого и второго объектов, настойчиво требующих своего осмысления. Содержательная вариативность делает сборник не только сложным для восприятия, но также интересным и информативным именно за счет предоставленной авторам и большинством из них в полной мере реализованной свободы самовыражения в тематиках, акцентах, оценках и отсылках.

Учитывая перечисленные особенности книги, нет смысла обсуждать ее структуру — это понимают и ее редакторы, не пытающиеся в аннотации суммировать содержательные доминанты издания, а просто перечисляющие его структурные блоки. Перечислим их и мы: «Картография интеллектуального пространства» (сюда вошли доклады на пленарном заседании), секции «Модели формирования и развития социально-гуманитарного знания», «Производство, репрезентация и борьба "истин"», «От социологиче-

ского просвещения к социальному действию», «Теория практик vs теория фреймов», «Российская идентичность», «Новая социальная реальность России», «Интеллектуально-активная Россия». Единственное, что следует отметить, — снижение накала страстей к концу сборника, переход от развернутых оценок происходящего в современном интеллектуальном и/или социальном пространстве к интерпретации результатов конкретных исследований. Завершает книгу раздел, в котором представлены итоги (содержательные выводы и методические соображения) проекта, призванного обозначить идеологические дифференциации и социальные функции интеллектуально-активной группы современного российского общества как «правопреемницы» советской интеллигенции. Логика сборника такова: обозначенные на первых шестидесяти страницах (в пленарных докладах) эмоциональные, нередко жесткие оценки российской жизни и науки в следующих за ними семи секционных разделах сменяются текстами более нейтральными по тональности, различающимися степенью конкретности — обобщенности, лаконичности — многословности, ясности — запутанности излагаемого материала.

Внутри каждого раздела работы представлены также очень разные тематически, эмоционально (варьируют от почти бесстрастно «препарирующих» действительность и собственное научное сообщество до практически гневно обличающих «пороки» как первого, так и второго) и стилистически. Есть тексты академические — скрупулезно выверенные терминологически и логически, а потому иногда избыточно насыщенные сложными концептами, библиографическими данными и примечаниями, а есть работы вполне публицистические, сознательно избегающие «трудных» понятий, развернутых цитат и сносок. Поэтому рассмотрим сборник как некий единый текст — путеводитель по современному интеллектуальному пространству,

двигаясь по предложенным в нем «маршрутам» (выделив рефрены повествования), задерживаясь у обозначенных «достопримечательностей» (обозначив ключевые персоналии, проблемы, тематики, «языки»), используя разработанный авторами «мини-разговорник».

Итак, начнем: предисловие. Предварительные замечания Т. Шанина несколько шокируют, поскольку в качестве магистральной траектории «путешествия» по российскому интеллектуальному пространству заявлен поиск ответа на вопрос «Существует ли сегодня в России теоретическая социальная наука и каковы условия ее возможности?» (с. 9). Это слишком жесткая посылка, отражающая тональность лишь незначительного числа работ, и из ступора читателя выводит ее смягченная и более приемлемая формулировка: «Спад теоретической работы... в стране и в мире» (с. 10). Здесь же обозначены следующие «достопримечательности» нашего «путешествия»: (1) М. Вебер как основная персоналия для отсылок в конкурирующих интерпретациях научно-исследовательской деятельности и в работе с понятийно-категориальным аппаратом социального познания¹ (существенно реже в аналогичном качестве упоминается Т. Парсонс), условное «серебро» по частоте отсылок, видимо, делят П. Бурдьё и И. Гофман, «бронзу» удерживает этнология безотносительно конкретных персоналий; (2) дискурсивность (реже — нарративность) как базовая характеристика социальности и методической основы познания; (3) необходимость, но пока еще редкая достижимость междисциплинарности (как способности слушать, интереса к другим методологическим перспективам и толерантность к иным аналитическим моделям) и в целом проблема критериев научности, объективности и ответственности ученого.

Заявленная в предисловии «живость дебатов», видимо, запомнившаяся участникам симпозиума, честно говоря, прослеживается в книге всего в нескольких статьях (остальные носят скорее озабоченно-констатирующий, чем дискуссионно-нервный характер). Это отсылка В. Вахштайна к докладу Л. Гудкова в иной оценке необходимости теоретической социологии «сочетать» подходы (производить теоретический импорт западных понятий, моделей и дискуссий) и ответ-упрек Вахштайну в неверной интерпретации веберовского принципа

«свободы от ценностей». Сюда же можно отнести иронизирование Гудкова над «глубокомысленностью» вопросов в повестке симпозиума, и иронизирование совершенно оправданное в силу риторичности и противоречивости вопросов, призванных скорее манифестировать² своей провокационностью поколенческие разрывы, чем быть решенными.

Статья Гудкова — это жесткая (почти жестокая) оценка состояния нынешнего социологического сообщества³ за низкий уровень солидарности, вялые реакции на проявления социальной и человеческой деградации, редкие интерпретации за пределами массовых предрассудков и коллективных банальностей, отсутствие и неуспех обсуждений по причине стремления быть «теоретически чистыми» (что вызывает невольные ассоциации с расхожими фразами «моя хата с краю» и «я в стороне весь в белом») на грани полной научной и творческой «стерильности». Гудков критично отзываясь и о смене фокуса симпозиума — от содержательных интерпретаций проблем развития российского общества к обсуждению используемого для изучения происходящих трансформаций инструментария (в широком смысле слова). Этот крен действительно сомнителен, ведь разговор об инструментари — неотъемлемая часть любых интеллектуальных разработок, а потому конкурирующие институционализированные (в смысле наличия «образцов», границ применимости и систематизированных способов соединения разных «теоретических языков») широкие схемы интерпретации важнее для любой дисциплины⁴.

Видимо, «оправдывают» заявленную дискуссионность симпозиума и статьи, размещенные в разделе «Теория практик vs теория фреймов», который начинается «ответ» теории практик (в лице В. Волкова) на критику со стороны

¹ Р. Фрумкина точно подметила, что сегодня «настало время оставить в покое некоторых классиков современной западной мысли, отсылки к которым стали носить характер необходимых виньеток, в то время как *непроработанным* ...остается, например, Макс Вебер» // <http://www.polit.ru/author/2009/12/11/science.html>

² Склонность к созданию и поиску индикаторов групповой принадлежности вообще отличает профессиональные сообщества. Она достаточно забавно показана в книге А.В. Геласимова «Рахиль» (М.: ОГИ, 2007), где преподаватель в лекционной аудитории уже по раскладке студентов, как ему кажется, прекрасно идентифицировал «безнадежных», «средних» и «небезнадежных».

³ Она задает тон всему сборнику — как тематический (приведены основные персоналии, теории, идеи, понятия, возможный спектр оценок), так и контекстуальный (в качестве базовых рамок референции заданы, с одной стороны, советский и постсоветский периоды, с другой — отечественная и зарубежная социологические традиции).

⁴ История эмпирической социологии демонстрирует, что развитие методик социологических (первоначально — социальных) исследований часто было ответом на запрос не только ученых, но и социальных реформаторов, которые испытывали недостаток в данных как строительных кирпичиках для своих «образов» действительности и вариантов ее изменения.

теории фреймов (в лице В. Вахштайна) за «отсутствие трансцендентного измерения». Однако говорить о живости дебатов здесь сложно — происходящее хорошо охарактеризовал Волков: попытка «утолить тоску сторонников теории фреймов по трансцендентному» (с. 314). Тем не менее дискуссия разворачивается интересная: Волков аргументированно «бьет» примерами и потому более убедителен, Вахштайн — метафорами и поэтически звучащими конструкциями («где правит бал предвечное трансцендентное, не место играм», «страшный сон социолога», «когда лопата ломается о скальный грунт, мы должны прежде усомниться в качестве лопаты, а лишь затем поверить в твердость онтологических пород» и т. п.).

Сборник включает в себя работы пятидесяти авторов, что абсолютно исключает возможность в рамках рецензии сказать, пусть и кратко, об акцентах, достоинствах и ограничениях каждой статьи (хотя все равно не получится не центрироваться на нескольких ключевых текстах), поэтому охарактеризуем в целом «атмосферу» предложенного в книге путешествия по современному интеллектуальному пространству¹. Ее отличает несколько рефренов: во-первых, проблема соотношения традиционных критериев научного поиска (как ни высокопарно и не постмодернистски это звучит, но истины и объективности) и нынешнего устойчивого требования социальной успешности. Очевидно, что эти понятия в большинстве случаев плохо стыкуются, потому что поиск истины, как правило, отвлекает от грамотного социального позиционирования и политической активности — в этом видится авторам книги ключевое отличие ученого от практика.

¹ Пытаться типологизировать статьи сборника — занятие бесперспективное и неинтересное, ведь все вполне очевидно — в книге представлены работы разного научного уровня и масштаба: тексты чрезмерно «теоретические» (фокусирующиеся на истории идей) и вполне «эмпирические» (основанные на материалах конкретных исследований); статьи почти до смешного наивные и очень сложные; работы, посвященные весьма тривиальным вещам, и удивляющие новизной поставленных вопросов; статьи ярко выраженного эссеистского плана и реферативные изложения работ классиков; статьи, радующие лаконизмом и точностью примеров и формулировок, и тексты, поражающие претенциозностью, терминологическими неточностями и самолюбованием своей экспертностью в трактовке неизменных (!) поведенческих детерминант какой-либо социальной практики; статьи с ярко выраженной авторской позицией (например, работа Л. Гудкова) и работы, похожие на добротные лекции в позитивном значении этого слова (например, классификация моделей развития научного знания, предложенная А. Полетаевым, — в меру ироничная, когда речь идет о таком стимуле создания парадигм, как «комплекс дисциплинарной неполноценности», и очень авторская — показаны не только плюсы и минусы каждой модели, но и условность лежащих в их основе терминов и маркеров) и т. д.

К этому рефрену, пусть и косвенно, примыкает вялотекущий спор² о выборе теоретико-методологических перспектив исследовательской работы: в социологическом контексте он выливается во вполне еще эмоциональные обвинения количественного подхода в государственной сервильности и отсутствии внятных интерпретаций огромных числовых массивов и неприятие качественного микрокопизма; а, например, в рамках интеллектуальной истории методологический плюрализм и «всеядность» спокойно позиционируются как оптимальная и «осознанная позиция» (с. 84).

Во-вторых, рефрен «лингвистического поворота»³, декларирующего, что исследования в любых социогуманитарных дисциплинах при ближайшем рассмотрении оказываются изучением проблем языковых (условно говоря, сегодня «как» говорится и считается если не более важным, то равноценным тому, «что» сообщается), и — реже — рефрен «нарративного поворота» с лейтмотивным утверждением повествовательной природы любых форм знания⁴. «Повороты» эти, естественно, взаимосвязаны: «...В той мере, в какой история является нарративом, нам неизбежно приходится выбирать слова, которые являются носителями определенного смысла. Этот выбор мы не всегда осуществляем по собственному усмотрению или же делаем его лишь отчасти самостоятельно... Если мы стремимся к пониманию вещей и хотим сделать их понятными другим, то должны находить для них названия, а называя, мы неизбежно классифицируем и определяем» (с. 405). Это высказывание А. Береловича суммирует второй рефрен сборника, начало которому, наверное, опять задает В. Вахштайн, рассматривая эвристический потенциал двух «метафор кризиса» в самоописаниях отечественной социальной науки — экономической и психолого-возрастной (вторая кажется ему более продуктивной в силу спокойной констатации неизбежности кризисных периодов в любых моделях жизненного цикла); утверждая кристаллизацию ресурсов/языков научных описаний в событиях научной коммуникации, где обсуждаются претензии исследователей на адекватность и обоснованность собственных моделей действительности

² Вялотекущесть определяется общим пониманием, что дело не в специфике подходов, а в непрофессионализме исследователей, слишком рьяно, необоснованно или некомпетентно их использующих.

³ См., например: *Franzosi R. Narrative Analysis – or Why (and How) Sociologists Should be Interested in Narrative // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24.*

⁴ См., например: *Трубина Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Екатеринбург, 2002.*

(действительно, «оптика» определяет «зоны видимости» и «слепые пятна» любой модели); приводя примеры способности самореферентных научных языков к взаимному наблюдению и «считыванию» или «негативному маркированию» (банальному «обзыванию»). Продолжает тему Л. Гудков, говоря о необходимости не просто корректного использования понятий, но четкого понимания их ценностного, идеологического, исторического «бэкграунда» и эмпирических референтов (с. 50).

Проблема «словоупотребления» буквально пронизывает сборник: она возникает при определении понятия «интеллектуал» (уже хотя бы потому, что его научная трактовка отличается от обыденных) и поиске его отличий от «интеллекта»; обуславливает эвристичность дискурса анализа для понимания алгоритмов производства знаний о крестьянах некрестьянами и особенностей работы политической полиции в Российской империи конца XIX – начала XX вв. как интеллектуального сообщества; сквозит в призыве в любой профессиональной области осваивать язык (и, соответственно, методологический арсенал) других гуманитарных дисциплин; прослеживается в выделении в публичном дискурсе позитивных и негативных риторических формул, задающих оценку роли патрон-клиентских отношений в культуре, и в анализе советского социолекта о пат-ронаже; прямо обозначена в задаче оградить/отделить научный дискурс от повседневных конструктов (как один из вариантов преодоления «конкуренции» научных объяснений и соображений здравого смысла); обосновывает использование нарративного подхода в исследованиях региональной идентичности как дискурсивно оформленной; позволяет критически рассмотреть понятие «игры» как не репрезентирующее, а имитирующее действительность в облегченном варианте, причем в отсутствие понятных ограничений игровых аналогий; требует подробной аналитической работы с понятием «идентичность», а также с процессом прагматически-заботливого создания официального дискурса «нациестроительства» в постсоветской России – продолжать этот список можно бесконечно, поэтому остановимся.

Отметим лишь, что авторы сборника с разной степенью критичности воспринимают собственные и заимствуемые конструкты и далеко не всегда готовы признавать их аналитическо-типологический, искусственный характер. Более того, они постоянно «номинаруют» те социальные и аналитические практики, которые сами же упрекают в излишней тяге к «ярлы-

кам», но такова логика любого (необязательно только научного) текста, независимо от степени профессиональной компетентности его создателя: «оптика» диктует аксиомы «языка» описания и риторику¹. Неразрешимость обозначенного противоречия особенно очевидна социологам: предмет наших исследований не поддается остенсивному определению – только конструированию, в первую очередь, лингвистическому. Тем не менее в целом метафорика сборника создает его особую мелодику.

В-третьих, это рефрен соотношения советского и постсоветского: идет ли речь о поколенческой преемственности типажей управленцев, воспроизводстве идеологических языковых клише в «неосоветской» и «антисоветской» социологической терминологии, оценке ситуации в социальных науках на содержательном, институциональном и этическом уровнях (понятно, что в зависимости от оснований оценки можно видеть в нынешнем положении дел и «некоторый прогресс... и очевидные проявления внутренней деградации» – с. 49) – акцент сделан на преемственности двух исторических периодов как важных зон референций и самоопределения профессиональных сообществ. Советский период представлен в сборнике корректно, без стремления порицать, судить и развенчивать – это скорее осторожные предостережения от повторения очевидных ошибок в новых социальных реалиях. В контексте постсоветского предпринимаются попытки оценить разумность и необходимость заимствования западных понятий и моделей и/или сохранения, пусть в модифицированном виде, разработок советских ученых (эта проблема концептуализируется по-разному – в дилемме самобытности и универсализма, университетской и рыночной доксы в образовании, в контроверзе «отсталость – прогресс» и т. д.).

Отдельного упоминания требует понятийно-категориальный аппарат книги, который вполне можно рассматривать как «мини-разговорник» современного интеллектуального пространства². Скажем, относительно социального «ландшафта» это: «царство "коекакеров" и "какбычегоневышлистиков"» (печально точная характеристика мышления многих российских управленцев); «феодализация вла-

¹ См., например: *Декомб В.* Современная французская философия / Пер. с фр. М., 2000. С. 177; *Fraser H.* Doing Narrative Research: Analysing Personal Stories Line by Line // *Qualitative Social Work*. 2004. Vol. 3(2).

² Можно задаться вопросом об уместности метафоры, но привлекательности и суммирующей функции у одновременно, в большинстве своем, забавных и горьких в их оценочности лингвистических конструкций это не отнимет.

сти и общества» (как причина коррупционных практик и «закупорки» социальных лифтов»); «кликушеская "православность" как эрзац идеологии»; «дебилизация молодежи как государственная политика» (слишком жестко и навряд ли); «абортивная модернизация» и «имперская вестернизация»; «социопсихологические мутации» как результат «инфо-игр» российской интеллигенции («компрометация реальности», «социальная маргинализация» и «идеологическая наркомания» российского общества) и т. д.

В контексте характеристики вариантов концептуализации действительности — модели «нового Средневековья и нового варварства»; «укоренившаяся... культура подозрения — "понять нечто — значит объяснить, кому оно выгодно"» (в повседневном мышлении она еще более выражена); «запросы общества на некую терапевтическую ностальгию»; «эксплуатация театральности метафоры»; «историографические монстры» и т. д. Относительно интеллектуального «ландшафта» — «заказная или ползучая описательная социология, опирающаяся преимущественно на массовые опросы... с очень плоской интерпретацией полученных данных»; «динозавры советской социологической номенклатуры»; «мелкотемье и ползучий эмпиризм "качественников"»; «государственническая наука»; «"этос" государственной сервильности»; «безнадежная электика и приземленность»¹; «институциональное "выращивание"» (как спорная, но пока недостаточно изученная модель пополнения университетских кадров); «дефектное социальное положение интеллигенции»; «стихийная социология, порождаемая идеологией»; «"патриотично" настроенные коллеги» (примыкающие к обвинениям «счастливец»-обладателей западных грантов в «грантоедстве» и исполнении заказной «польки-бабочки») и т. д. Причем это вполне обоснованные (часто даже статистически подтвержденные, например, когда речь идет о работе научных журналов) оценки и попытки анализа ситуации, а не, по меткому замечанию О. Божкова, «плач по современной российской науке, зауспокойные

¹ Перечисленные жесткие оценки положения дел в отечественной социологии в столь крайне концентрированном виде, как в статье Л. Гудкова, наверное, затрудняют рекомендацию сборника студентам. В этом смысле он выступает как некая функционально аналогичная, но противоположная работам, изданным Центром независимых социологических исследований под брендом «Беспредельная социология» (СПб.: ЦНСИ, 2005; 2006): в последнем случае студенты испытывают позитивный «культурный шок» и эйфорию от открывающихся перед ними практически безграничных возможностей социологического «наблюдения»; в первом случае шок будет носить скорее травмирующий характер осознания печальных реалий жизни социологического сообщества, также, впрочем, выявленных в ходе включенного наблюдения.

песнопения и всякие "ужастики"»².

Следует подчеркнуть, что выше приведена лишь малая, пусть и наиболее яркая часть используемого в книге тезауруса (все-таки в ней больше пятисот очень насыщенных терминологически и метафорически страниц³), но уже по ней видна грустная тональность большинства работ: характеристики нынешних социальных реалий людьми, профессионально способными оценить происходящее, далеки от радужных, хотя не лишены оптимизма. И они всячески подчеркивают важность корректного и «говорящего» названия, подбора максимально точных эпитетов, метафор и цитат⁴: дискурсивность со множеством эмпирических иллюстраций-подтверждений постоянно постулируется как важнейшая конститутивная черта социального познания.

Честно говоря, если сопоставить характеристики социальных реалий и интеллектуального пространства, то они окажутся вполне зеркальными⁵: в столь амбивалентной действительности вряд ли могла сформироваться иная интеллектуальная среда. Впрочем, в медицине даже столь грустные «диагнозы» трактуются весьма позитивно: первый шаг к излечению — осознание и проговаривание проблемы (например, в сборнике одна из выписок «эпикриза» социальных наук включает творческую бесплодность, интеллектуальную трусость и отсутствие интереса к реальности — с. 48). Небезнадежность положения отмечается и дающими ему столь негативные оценки авторами: «Возможности для теоретической работы социолога (риском предположить, что и не только социолога) предельно благоприятны и широки» (с. 66).

Если бы передо мной стояла задача одним словом охарактеризовать сборник (звучит банально, но заставляет мобилизоваться), наверное, им стало бы слово «фрагментарность»⁶.

² http://www.polit.ru/science/2009/02/03/puti16_otkliki.html

³ Столь большой объем затрудняет и написание рецензии — она грозит стать бесконечной.

⁴ К сожалению, некоторые названия статей пугают масштабностью — «Российская наука в условиях глобализации», «Присутствие и отсутствие России в мировой социальной и гуманитарной науке», хотя содержание работы очень цельно, обоснованно, понятийно точно и даже «количественно» выверены.

⁵ Подобную оценку дал Б. Дубин: «Ситуация на симпозиуме напоминала общую обстановку в стране, в образованном слое: фрагментация сообществ и картин мира, депроблематизация и деинституционализация существования, будто бы безальтернативное обживание распада, поглощенность собой вплоть до потери вменяемости...» // http://www.polit.ru/science/2009/02/03/puti16_otkliki.html

⁶ Многие авторы сборника, наверное, предпочли бы определение с использованием столь часто упоминающегося на его страницах слова «постмодернизм».

В силу краткости многие статьи имеют несколько лозунгово-манифестный характер (авторы как будто пытаются «застолбить» свои основные идеи и любимые понятия, но в силу объективных причин не всегда успевают их обосновать в исторической, теоретико-методологической и событийно-коммуникативной перспективах) и центрированы на узкой социальной проблеме или в отдельной дисциплинарной области. Но, как ни странно, в этом и состоит привлекательность книги.

Во-первых, она удивительно интересна — здесь представлено огромное количество тем, подходов, понятий (правда, даже у очень подготовленного читателя может возникнуть комплекс неполноценности — сколько всего еще не знаешь, не понимаешь, представления не имел и даже не задумывался!).

Во-вторых, даже прочитав лишь одну эту книгу, читатель, независимо от степени своей профессиональной подготовки и компетентности, способен представить всю пестроту, множественность и одновременно взаимосвязь и взаимодополнительность как самых, казалось бы, несвязанных реалий жизни, так и самых, на первый взгляд, противоположных вариантов их интерпретации.

В-третьих, любому студенту-социологу будет удивительно увидеть, насколько хорошо классические теории, модели и понятия помогают понять происходящее в социуме и научном

сообществе сегодня: в книге, пусть и несколько эклектично (это слово очень часто используется в сборнике), представлен хороший обзор персоналий, институций, журналов, тематик, типов внутри- и междисциплинарных противоречий, поколений ученых, вариантов финансирования научных исследований и выстраивания научной карьеры. Студенту-социологу будет полезно «считать» логику научно-исследовательской работы и аргументации, а также испытать гордость за свой профессиональный выбор, видя такие формулировки, как «социологическое просвещение» и призвание социолога — «называть вещи своими именами» (даже если он не очень поймет, что имеется в виду).

В-четвертых, сборник действительно заставляет задуматься, вызывая самые разные эмоции — от полного согласия до категорического неприятия (в одних случаях оценок содержательных, в других — используемых оценочных обозначений).

Вывод однозначен: читать. Будет сложно, но познавательно (любой читатель найдет в книге что-то особенно интересное для себя лично), да и равнодушным сборник не оставит уже хотя бы потому, что большинству авторов свойственно упомянутое Л. Гудковым «*страстное субъективное смысловое полагание*» (с. 52), часто дополненное столь важным для социального исследователя качеством, как методологическая (само)ирония (с. 295).

¹ Поэтому так и хочется извиниться перед авторами за возможную вольность интерпретаций их высказываний и недопонимание оснований и векторов оценок.

АВТОРЫ НОМЕРА

БОНДАРЕНКО Наталья Владимировна (Аналитический центр Юрия Левады)

ВОРОЖЕЙКИНА Татьяна Евгеньевна (Независимый исследователь)

ДУБИН Борис Владимирович (Аналитический центр Юрия Левады)

КРАСИЛЬНИКОВА Марина Дмитриевна (Аналитический центр Юрия Левады)

КЫНЕВ Александр Владимирович (Фонд развития информационной политики)

ЛАСТОВСКИЙ Алексей Леонович (Институт социологии НАН Беларуси)

ПАИН Эмиль Абрамович (Институт Кеннана в России; Институт социологии; ГУ-ВШЭ)

ПЕТРОВ Николай Владимирович (Московский Центр Карнеги)

ПРИМАКО Людмила Владимировна (Аналитический центр Юрия Левады)

ТРОЦУК Ирина Владимировна (МВШСЭН)

SUMMARY

The main body of this issue articles concerns *contemporary political regime of Russia*, its correlation to totalitarian and authoritarian regimes in world political systems.

Political Mechanics of the Russian Power (by Nikolai Petrov). The author examines specific features of the present establishment under «over controlled democracy» focusing on the issue of effectiveness and social consequences of decisions made by the authorities (centralization of administration, lack of «foolproof» mechanisms, accumulation of systemic defects and producing crisis phenomena, aggravation of conflicts between clans and groupings within elites, inability of power system to reproduce itself, in other words, potential instability).

The author considers the main characteristic of today's political regime to be the increasing primitivization of social and political set-up, weakness and decay of society's institutional structure, and development of sub-institutions instead of it controlled from above in the form of pseudo parties («Yedinaya Rossia»), consulting councils, commissions, public consulting rooms, etc. Transformations of the procedure and functions of Russian elections of the 2000-s are viewed as an example of such substitution. All specific features of «power technology» analyzed in the article shape extremely narrow frameworks for «modernization» proclaimed by top authorities and this brings about prerequisites for systemic crisis in the country.

Peculiarities of Inter-Parties Struggle in Russian Regions (by Alexandre Kynev). A. Kynev analyzes the process of turning the Russian parties into a peculiar mechanism of administrative control over political activity of citizens (in the author's terms – «institutional counterfeit») during the 2000-s. In today's Russia there are actually no parties in traditional meaning of this word. The so-called «Parties» are supported by Federal bureaucracy, since election and party reforms of the 2000-s deprived regional political elites of their influence to a maxi-

mal degree. This didn't lead to their controllability but decreased the area of publicity and changed the form of settling the inner-elite conflicts. The former inter-Party competition is being replaced by inner-Party one as well as by public inner-party scandals, lobbies intrigues and anonymously waged informational wars. «Institutional imitation» described in the article decreases the effectiveness of governing and leads the authorities to personnel deadlock.

Political Regime in Russia of the 2000-s (by Emile Payin). The author expressing his solidarity with Juan J. Linz's approach and using the data of Levada Center surveys describes today's political structure of Russia as authoritarian patrimonial regime which has substituted the decayed totalitarian one and partially inherits its features and partially demonstrates new ones. According to the author's opinion, this regime is characterized by traditionalism without traditions (not tradition but inertia), resources economy, redundant role of government authority with legitimacy deficit, degeneration of society, and population apathy. The author comes to a conclusion that such regimes are not suitable for carrying out the policy of modernization.

Authoritarian Regimes of the XX-th Century and Russia (by Tatyana Vorozheikina). The author scrutinizes «Putinism» against a wider social and political background of similar and close regimes in the countries of the XX-th century. Developing the ideas of G.O. Donnell and J. Linz the author thoroughly analyzes, basing mainly on Latin-American data, different traditionalistic authoritarian regimes and various regimes of authoritarian modernization comparing Putin's regime with them. The conclusion is made that Putin's regime is authoritarian but along with this it is incapable of institutionalizing authoritarianism. This is the regime of non-structured, «dispersed» authoritarianism which strongly hampers developing social and political protest against it in the society.

Two more articles of the issue deal with social problems engendered by *world economic crisis*.

Population in Crisis: Put off Lessons (by Marina Krasilnikova). The article traces the reactions of Russian population to the economic crisis: expectations of inflation, fear of unemployment, apprehension of rouble devaluation, family incomes, evaluations of their own situations, etc. The author comes to the conclusion that the Russians are facing the crisis in domestic economics which, besides common for all countries reasons, has grave own reasons and therefore is deeper and more durable. For the present the authorities have managed to cope with the difficulties of the crisis situation by means of «handle control» and put off the tasks of modernization for the future. However, the author stresses, they will have to be solved anyway.

Employers and Employees under the Crisis (by Natalya Bondarenko). The author analyses the data of Levada Center surveys concerning the reactions to the economical crisis of the employees at the enterprises of different property types in various sectors of economy comparing the findings of 1998 and 2009 years. N. Bondarenko concludes that the situation in 2009 is less dramatic than it was in 1998. Nevertheless in a number of branches that had been most influenced by the crisis – industry, construction – employees chose such means of solving their problems as protest actions, street rallies more often than in other branches of economy. At the same time the reaction of employees in social sphere was rather that of people dependent on the government who tend in all cases to adapt passively to the situation.

Particular Features of Historical Memory in Belarus (by Alexey Lastovsky). The author sums up and generalizes the data of three National sociological surveys carried out in 2008-2009, analyzing their variations in different socio-demographical and socio-cultural groups. The data analyzed are grouped around three indicators: 1) population beliefs about the origins of Byelorussian statehood; 2) picking out the key events – for various groups – in the history of

Belarus (arousing the feelings both of pride and bitterness, shame); 3) evaluations by mass population of the most important historical figures. These data allow the author to show quite noticeable replacement of generations. At the same time the memory of the victory in the Great Patriotic war remains the central event for all the groups. However, according to the author, beyond these narrow limits the symbols and figures of the Soviet history can't anymore serve as a uniting factor for historical memory and national identity of Byelorussians. In contrast to it pre-Soviet Byelorussian history with the figures of Francisc Scorina and Euphrosinia Polotskaya perform this function quite successfully.

Late Soviet Society in Yury Levada's Sociology of the 1970-s (by Boris Dubin). The paper is dedicated to theoretical articles by Yu. Levada of 1974-1984 years and some of his later works as patterns of sociological analysis of the Soviet society and culture of «the seventies», one of the most significant formative periods for the Soviet society as a system. The author distinguishes the following key issues in Levada's analysis: social morphology of the Soviet society (first of all, peculiarities of relationship center – periphery, the phenomenon of provincialism); reproductive system of post-Soviet society and failures in reproduction of the Soviet regime in 1930-s - 1940-s; game structures of social action and their borders (the phenomenon of ceremonial behavior); the phenomena of single and short-time turning-point (the notion of «avalanche») and the forms of adaptation to them («routinization» of emergency); resources of partial, adaptive, imitative reconstruction of the former system (anthropological construction «the Soviet man», the phenomenon of «ersatz elites»).

In the concluding Section «**Scientific Life**» Ludmila Primako gives a report on annual Levada Center Conference on the 2009 results, and Irina Trotsuk reviews the volume of publications of International Symposium «The Ways of Russia - 2009», dealing with schools, approaches and generations of social and humanities scholars molding modern intellectual sphere of Russia.

СПИСОК СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2009 ГОДУ

	№	Стр.
<i>Ашкинази Л., Векштейн М.</i> Национальные предпочтения при аренде жилплощади в Москве, или «Кроме ККА и Азии»	1	97–100
<i>Ашкинази Л., Гайнер М., Кузнецова А.</i> Исследование общества посредством Интернета	3	34–43
<i>Берелович А.</i> Упущенный шанс	2	86–95
<i>Бондаренко Н.</i> Работодатели и работники в условиях кризиса	4	78–87
<i>Борусяк Л.</i> ЕГЭ как зеркало проблем российского образования	3	71–83
<i>Ванцев Ю.</i> «Мое главное этическое правило»	2	103–113
<i>Ворожейкина Т.</i> Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия	4	50–68
<i>Гудков Л.</i> Есть ли основания у теоретической социологии в России?	1	101–116
<i>Гудков Л.</i> Условия воспроизводства «советского человека»	2	8–37
<i>Гудков Л.</i> Природа «путинизма»	3	6–21
<i>Гудков Л.</i> Время и история в сознании россиян (часть первая)	3	84–102
<i>Дубин Б.</i> Векторы и уровни коллективной идентификации в сегодняшней России	2	55–65
<i>Дубин Б.</i> Позднесоветское общество в социологии Юрия Левады 1970-х годов	4	100–106
<i>Дубин Б., Зоркая Н.</i> Система российского образования в оценках населения: проблема уровня и качества	3	44–70
<i>Зверева Г.</i> Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России	1	72–85
<i>Зоркая Н.</i> Православие в безрелигиозном обществе	2	66–85
<i>Колосов В., Тоал Д.</i> Нестабильность на Северном Кавказе и современная российская геополитическая культура	2	38–54
<i>Косова Л.</i> Общество ненакопления	1	56–64
<i>Красильникова М.</i> Хроника экономического кризиса в оценках масс	1	29–38
<i>Красильникова М.</i> Население в кризисе: отложенные уроки	4	69–77
<i>Кынев А.</i> Особенности межпартийной борьбы в российских регионах: борьба групп влияния и имитация партийности	4	24–37
<i>Лапина-Кратасюк Е.</i> Политика и медиареальность: формирование общественного мнения о последней кавказской войне	1	65–71
<i>Ластовский А.</i> Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой	4	88–99
<i>Левинсон А.</i> К изучению феномена «закрытости»	2	127–129
<i>Левинтова Е., Баттерфилд Д.</i> Как формируется история и отношение к ней: школьные учебники о новейшей российской истории	3	103–115
<i>Мицек С.</i> Россия: вступление в кризис, кризис, выход из кризиса	1	39–46
<i>Николюк С.</i> Белорусское зеркало	2	96–102
<i>Паин Э.</i> Политический режим в России 2000-х гг.: особенности наследственные и приобретенные	4	38–49
Памяти Виктора Заславского (26.09.1937–26.11.2009)	3	116–117
<i>Петров Н.</i> Политическая механика российской власти: субституты против институтов	4	5–23
<i>Правдина М.</i> Советское кино как объект современной культурной рецепции и зрительской привязанности	2	114–126
<i>Примако Л.</i> Конференция Левада—Центра	4	107–109
<i>Римский В.</i> Воздействие сети Интернет на социальную активность, формирование и развитие идентичностей	1	86–96
<i>Роуз Р.</i> Реакция на трансформации: тенденции в российском общественном мнении	1	6–28
<i>Роуз Р., Мишлер У.</i> Коррупция, ее оценка и участие в ней: пример России	3	22–33
<i>Сатаров С.</i> Динамика оценок судебной власти гражданами и предпринимателями	1	47–55
<i>Троцук И.</i> Путеводитель по современному интеллектуальному пространству	4	110–115
Юбилей Владимира Александровича Ядова	1	117

LIST OF PUBLICATIONS. 2009

	№	P.
<i>Ashkinazi L., Vekshtein M.</i> Ethnic Preferences in Leasing Apartments in Moscow	1	97–100
<i>Ashkinazi L., Gainer M., Kuznetsova A.</i> Studying Society through Internet	3	34–43
<i>Berelowitch A.</i> The Lost Chance	2	85–94
<i>Bondarenko N.</i> Employers and Employees under the Crisis	4	78–87
<i>Borusyak L.</i> Universal National Exam (UNE) as a Mirror for the Russian Education Problems	3	71–83
<i>Dubin B.</i> Vectors and Levels of Collective Identification in Today's Russia	2	55–65
<i>Dubin B.</i> Late Soviet Society in Yury Levada's Sociology of the 1970-s	4	100–106
<i>Dubin B., Zorkaya N.</i> Russian Education System in Population Evaluations For Readers	3 2	44–70 6–7
<i>Gudkov L.</i> Are there Grounds for Theoretical Sociology in Russia?	1	101–116
<i>Gudkov L.</i> The Conditions of «the Soviet Man» Reproduction	2	8–37
<i>Gudkov L.</i> The Nature of «Putinism»	3	6–21
<i>Gudkov L.</i> Time and History in the Russians' Consciousness (Part I) In Memoriam Victor Zaslavsky	3 3	84–102 116–117
<i>Kolossov V., Toal G.</i> The North Caucasus Instability and Contemporary Russian Geopolitical Culture	2	38–54
<i>Kossova L.</i> The Society of Non-accumulation	1	56–64
<i>Krasilnikova M.</i> Economic crisis in mass attitudes	1	29–38
<i>Krasilnikova M.</i> Population in Crisis: Put off Lessons	4	69–77
<i>Kynev A.</i> Peculiarities of Inter-Parties Struggle in Russian Regions	4	24–37
<i>Lapina-Kratasyuk E.</i> Politics and Media Reality: Shaping up Public Opinion about the Last Caucasus War	1	65–71
<i>Lastovsky A.</i> Particular Features of Historical Memory in Belarus	4	88–99
<i>Levinson A.</i> Towards the Study of «Closedness» Phenomenon	2	127–129
<i>Levintova E., Butterfield J.</i> Shaping History and Attitude to it: School Textbooks on Modern Russian History	3	103–115
<i>Mitzek S.</i> Russia: Entering the Crisis, the Crisis, and the Way out of the Crisis	1	39–46
<i>Nikolyuk S.</i> Byelorussian Mirror	2	95–102
<i>Payin E.</i> Political Regime in Russia of the 2000-s	4	38–49
<i>Petrov N.</i> Political Mechanics of the Russian Power	4	5–23
<i>Pravdina M.</i> The Soviet Cinematography as an Object of Modern Cultural Reception and Audience Attachment	2	114–126
<i>Primako L.</i> Levada Center Conference 2009	4	107–109
<i>Rimskiy V.</i> The Impact of Internet on Social Activity of, Shaping and Developing Identities	1	86–96
<i>Rose R.</i> Reaction to Transformation: Trends in Russian Public Opinion	1	6–28
<i>Rose R., Mishler W.</i> Corruption as Perceived and Experienced: Russia as a Test Case	3	22–33
<i>Satarov G.</i> The dynamic citizens' and entrepreneurs' evaluations of judicial system	1	47–55
<i>Trotsuk I.</i> Guide for Contemporary Intellectual Space	4	110–115
<i>Vantsev Yu.</i> «My main ethical principle»	2	103–113
Vladimir Yadov at eihgt: congratulations	1	117
<i>Vorozheikina T.</i> Regimes of the XX-th Century and Russia	4	50–68
<i>Zorkaya N.</i> The Orthodoxy of the Society without Religion	2	65–84
<i>Zyereva G.</i> What are «We» to be Called Now? Formulas of Collective Self-identification in Contemporary Russia	1	72–85

**ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2010 год**

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 220 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

С 2009 года редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

ORDER FORM

for 2009

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10